

С.В. Гринев-Гриневич
Э.А. Сорокина

ОСНОВЫ СЕМИОТИКИ

учебное пособие

ФЛИНТА • НАУКА

С.В. Гринев-Гриневи́ч, Э.А. Сорокина

ОСНОВЫ СЕМИОТИКИ

Учебное пособие

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2012

УДК 003(075.8)
ББК 87.4я73
Г85

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *Г.Т. Хухуни*;
д-р филол. наук, проф. *Ю.Н. Марчук*

Гринев-Гриневич С.В.

Г85 Основы семиотики : учеб. пособие / С.В. Гринев-Гриневич, Э.А. Сорокина. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. — 256 с.

ISBN 978-5-9765-1248-1 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-037714-1 (Наука)

В пособии излагаются основные положения сложившейся в середине XX в. семиотики как науки о знаках и знаковых системах и дана картина исторического развития и современного состояния семиотики.

Для специалистов, работающих в области семиотики, терминоведения и философии и всех интересующихся проблемами современной науки; пособие также может быть использовано в рамках курса по общему языкознанию преподавателями и студентами гуманитарных факультетов университетов и гуманитарных вузов.

УДК 003(075.8)

ББК 87.4я73

ISBN 978-5-9765-1248-1 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-037714-1 (Наука)

© С.В. Гринев-Гриневич, Э.А. Сорокина, 2012

© Издательство «ФЛИНТА», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
1. Краткая история формирования семиотики	12
1.1. Античный период	12
1.2. Средневековье	19
1.2.1. Раннее Средневековье	19
1.2.2. Роджер Бэкон (1214–1293)	21
1.2.3. Спекулятивная грамматика	26
1.2.4. Мысленные представления как знаки	32
1.2.5. Знак как центральное понятие логики XIV в.	33
1.3. Новое время	39
1.3.1. Коимбрская схоластика	39
1.3.2. Френсис Бэкон (1561–1626)	48
1.3.3. Томас Гоббс (1588–1679)	49
1.3.4. Всеобщая грамматика Пор-Рояля	56
1.3.5. Джон Локк (1632–1704)	57
1.3.6. Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716)	59
1.4. XIX век	61
1.4.1. Иммануил Кант (1724–1804).....	61
1.4.2. Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770 – 1831)	63
1.4.3. Людвиг Генрих Якоб (1759–1827).....	69
1.4.4. Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835)	72
1.4.5. Александр Афанасьевич Потебня (1835–1897)	74
2. Формирование теоретических основ семиотики.	
Классики семиотики	77
2.1. Основоположник семиотики Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914)	77
2.2. Фердинанд де Соссюр (1857–1913)	91
2.3. Чарльз Уильям Моррис (1901–1978)	109
3. Развитие семиотики в 1960–80-е годы	115
3.1. Проблематика семиотики	115
3.2. Развитие структуры семиотики и формирование семиотических дисциплин	123
3.2.1. Медицинская семиотика	125
3.2.2. Биосемиотика	127
3.2.3. Этносемиотика	137

3.2.4. Семиотика культуры	150
3.2.5. Семиотика искусства	159
3.2.6. Лингвосемиотика	161
3.2.7. Абстрактная и кибернетическая семиотики	176
3.2.8. Семиотические аспекты терминоведения	177
3.3. Развитие типологии знаков	183
3.4. Аспекты рассмотрения знаков	188
3.5. Свойства знаков	190
3.6. Типология знаковых систем	192
4. Современное состояние общей семиотики	203
4.1. Современная проблематика семиотики	203
4.2. Знаковая ситуация	207
4.3. Аспекты современной общей семиотики	210
4.4. Типология знаков	218
4.5. Свойства знаков и знаковых систем	230
4.6. Методы семиотических исследований	234
4.7. Семиотические процессы и явления	241
Литература	247

Предисловие

Несмотря на то, что прошло уже более столетия с тех пор, как в конце XIX в. в работах американского философа и логика Ч.С. Пирса были сформулированы общие принципы семиотики в качестве науки о знаках, границы общей теории семиотики еще не определены с достаточной точностью. Это дает возможность причислять к области семиотики самые разнообразные работы — от искусствоведческих (Р. Барт, Е. Басин, П. Пазолини, У. Эко), литературоведческих (Р. Барт, Г. Почепцов, Ю. Лотман, Ю. Кристева), математических (А. Ветров, Р. Карнап), этнографических (Б. Малиновский, К. Леви-Стросс), философских (Э. Кассирер), логических (Ч. Пирс, Ч. Моррис, Г. Фреге, Г. Щедровицкий, Е. Пельц), психологических (см. напр. сборник «Семиотика» (М., 1983)), культурологических (Р. Барт, М. Фуко) — до чисто лингвистических исследований текста (Й. Йохансен и С. Ларсен, Р. Барт) или работ по сравнительно-историческому языкознанию (см. напр. В.В. Иванов, 1968). В большом числе случаев мы можем говорить скорее о семиотическом подходе или применении семиотического метода, поэтому вследствие все более расширяющейся области применения семиотических принципов, а также в связи с подведением итогов пятнадцатилетней работы сформированного в 1994 г. Отделения общей и прикладной семиотики Международной академии информатизации становится актуальным вопрос об уточнении границ семиотики, ее основных понятий, в понимании которых имеются значительные расхождения даже у основоположников этой науки, и определении основных перспективных направлений исследований в рамках общей семиотики.

Существует ряд определений семиотики: а) как науки о знаковых системах; б) науки об общих свойствах знаковых систем; в) общей теории знаков и знаковых систем, однако, по нашему мнению, разница в подходах не препятствует единству в понимании того, что это наука о знаках.

В то же время, в связи с необычайной популярностью семиотики, не всегда корректное отнесение многих работ к этой области и злоупотребление ее терминами стало вызывать раз-

дражение специалистов. Показательна недавно появившаяся статья А. Соломоника «Семиотика общая и семиотики частные», в которой анализируется это явление. Автор объясняет его тем, что «...семиотическая деятельность присутствует как в чисто семиотических исследованиях, так и в составе всех иных наук. В первом случае она составляет то, что можно назвать **общей семиотикой**, во втором — **семиотики частные**. В любом исследовании онтологической реальности создаются знаки и часто — знаковые системы. Как же различить, когда деятельность по их созданию и обработке является чисто семиотической, а когда она принадлежит тем отраслям науки, в лоне которых она возникает и проводится, не выходя за четко очерченные пределы этих частных дисциплин?» (Соломоник 1995)

По мнению автора, демаркационные линии между этими двумя областями семиотики можно достаточно отчетливо сформулировать, чтобы на них можно было опереться в практических применениях. Работа со знаками и знаковыми системами в рамках любой науки, выполненная к тому же в понятиях этой науки, принадлежит этой науке и составляет ее частную семиотику. Так, работа со знаковыми системами в химии, такими как периодическая система элементов или спектральный анализ, является химической деятельностью, хотя и семиотического характера. Ее нельзя отделить от собственно химии, органичную часть которой она составляет, и в большинстве случаев она так и воспринимается. То, что в основе такой работы лежат знаковые системы, никакой роли не играет, так как последние отражают химические элементы, и свойства этих элементов кладутся в основу систематизации и сравнения данных элементов между собой, изучаются химическими методами и описываются чисто химическим языком. Если кто-то решит специально исследовать эти знаковые системы как отдельный раздел химии, то он вправе назвать предмет своего изучения химической семиотикой, поскольку речь идет о знаковых системах. Однако последнее обстоятельство не выводит эту область знания за пределы химии, и ученый, занявшийся ее изучением, должен будет формулировать свои выводы в химических терминах и докладывать их перед химической аудиторией. Только химики смогут

оценить его достижения и воспринять его результаты в полной мере. Вынесение такого обсуждения на чисто семиотический форум бессмысленно, так как требует специальных знаний для оценки представленных результатов, а семиотики (и представители других наук) такими знаниями не обладают. Но если те же самые знаковые явления будут переформулированы в семиотических терминах и представлены как феномен семиотики, тогда они естественно станут предметом обсуждения на любом семиотическом собрании. Тогда из уровня частной семиотики они переходят в уровень семиотики общей.

Предметом общей семиотики является, таким образом, исследование и обсуждение общих проблем, связанных со знаками и знаковыми системами, с их свойствами и функционированием, с организацией работ по их изучению. Не менее важным условием для отнесения той или иной проблемы к общей семиотике является ее формулировка в специфических для семиотики терминах и в рамках чисто семиотических концептуальных схем. Примеры семиотических построений могут быть взяты из самых разных областей знания, из совершенно различных областей практической деятельности, но они должны быть представлены в релевантных для семиотики понятиях и концепциях, а не в терминах других наук.

По мнению А. Соломоника, мировая практика (и практика семиотической деятельности в России в особенности) пошла, к сожалению, как раз в противоположном направлении. Любое исследование, выполненное в рамках какой-либо науки, но связанное со знаками и/или знаковыми системами, объявляется семиотическим, равно пригодным для включения его как в частную семиотику данной науки, так и в общую семиотику. Основная причина этого заключается в том, что до настоящего времени общей семиотики как науки не существует. Не существует согласованных представлений даже о том, что такое *знак* и *знаковая система*, каковы их основные свойства и характеристики, какова их хотя бы приблизительная классификация. Не существует, таким образом, и тех концептуальных схем, которые позволили бы специалистам общаться на одном и том же языке, без труда понимая друг друга. Общая семиотика еще не превра-

тилась в полноценную науку со своим понятийным аппаратом и методами исследования.

Для доказательства утверждения, что семиотика как особая наука все еще не сформировалась, на материале современной русской семиотической мысли А. Соломоник произвел следующий эксперимент: вышел на российскую поисковую систему Рамблер и набрал ключевое слово «семиотика». Немедленно было найдено 5648 сайтов (33 791 документов), связанных с семиотикой. Среди них было весьма просто выделить сайты, касающиеся различных частных семиотик. Их оказалось очень много, но для примера были взяты только два первые из встретившихся.

Одним из них был сайт, названный «Картографическая семиотика», на котором шла речь о чисто картографических проблемах, к тому же в картографическом облачении. В качестве другого примера рассматривался материал по *эхокардиографической* семиотике и приводилась выдержка из главы, которая называется «Одномерная эхокардиограмма митрального клапана», где речь шла опять об узких специальных проблемах, изложенных на непонятном для непосвященных языке. А. Соломоник пишет: «Зачем понадобилось переименовывать эту область знаний из Рентгенологии сердечных заболеваний в Эхокардиографическую семиотику, остается неясным, но даже не в этом суть дела, хотя и это весьма важно. Подача данного материала как семиотического ничем не оправдана, тем более не оправданы выступления представителей этой области знания на семиотических форумах, где они остаются незамеченными и не могут быть оценены должным образом. А ведь это постоянно происходит на встречах семиотиков, которые все больше и больше напоминают вавилонскую башню после того, как Бог смешал языки ее строителей. Тогда им пришлось собирать свои пожитки и отказаться от затеи возвести башню до небес. Может быть, и нам стоит перестроиться в том же плане?»

А. Соломоник приходит к неутешительному выводу, что на самом деле за большинством исследований по частной семиотике не стоит никаких семиотических идей и построений. Имеет место неразумное использование терминов *семиотика, знаки* и

знаковые системы. При этом просто переименовывается какая-то устоявшаяся область научных исследований, а результат предлагается считать новым словом как в затронутой дисциплине, так и в семиотике. Эту порочную практику следует прекратить.

Отсутствие единого понимания и установленных границ общей семиотики приводит не только к ничем не обоснованным злоупотреблениям семиотической терминологией при отсутствии новых идей: «У рассматриваемой проблемы есть и другой аспект, не менее отрицательный для нашей науки, чем изложенный выше. Ободренные словесной мишурой по поводу всестороннего влияния семиотики, ее представители позволяют себе давать рекомендации с точки зрения *общей семиотики* представителям разных наук, сами не являясь специалистами в этих областях знания. Впрочем, это общая беда таких расплывчатых по объему и содержанию дисциплин, как философия, культурология и семиотика. Мы являемся свидетелями появления таких работ, как “Философские основы педагогики”, написанные чистыми философами, несведущими в педагогической практике, “Философия спорта” и другие. Все это выливается в бесплодное теоретизирование. В последнее время и “чистые семиотики” позволяют себе подобные вещи».

Все сказанное релевантно для семиотики, которая хотела бы стать полноценной и зрелой наукой. Для тех же семиотиков, которые смирились с существующим положением вещей и для которых семиотика — просто «универсальный методологический подход», или «междисциплинарное устремление», все сказанное не имеет и не будет иметь никакого значения. **«Они будут обозначать словом “семиотика” все, что придет им в голову, не беспокоясь тем, что их невозможно опровергнуть. Потому что их туманные формулировки действительно неопровержимы — они ведь ненаучны»** (там же, выд. авт.).

Нельзя не согласиться с тем, что наибольшую трудность в развитии современной семиотики представляет невозможность учета многочисленных публикаций по этой теме. При этом наряду с публикациями с заявляемой принадлежностью к семиотике и отсутствием содержания по существу, где разговор идет о чем угодно (богословии, литературоведении, театральном и ки-

ноискусстве), но с трудом можно найти две-три страницы, относящиеся к теории знаков, есть серьезные работы, где в названии нет декларации, но много информации по существу семиотики (например, книга Е.Я. Басина «Искусство и коммуникация»).

Как отмечают некоторые авторы, современная семиотика представляет собой настолько обширную область знаний, что ни одна книга не может полностью ее описать, тем более что существуют различные современные школы семиотики, между которыми удивительно мало согласия относительно границ данной науки, основных понятий и методов исследования (Chandler 1994).

По нашему мнению, причина создавшегося положения в том, что встречающееся во многих работах чрезвычайно широкое рассмотрение знака позволяет представлять в качестве знаковой любую форму человеческой деятельности и даже жизнедеятельности организмов в целом. Такой подход не нов — еще в XIII веке Роберт Килвордби утверждал, что каждая наука изучает знаки или обозначаемые вещи, что фактически значит, что каждая наука может рассматриваться как частная семиотика и различие между ними заключается лишь в характере изучаемых знаков, а основоположник семиотики Чарльз Сандерс Пирс заявлял, что всякое рассуждение представляет собой интерпретацию разного рода знаков (Peirce 1894).

Другой из классиков семиотики, Чарльз Моррис, указывал: «Следует подчеркнуть, что общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака» (Моррис).

Н.Б. Мечковская считает, что «Семиотика с самого начала представляла собой метанауку, особого рода надстройку над целым рядом наук, оперирующих понятием знака. Несмотря на формальную институционализацию семиотики (существуют семиотическая ассоциация, журналы, регулярно проводятся конференции и т.д.), статус ее как единой науки до сих пор остается дискуссионным. Так, интересы семиотики распространяются на человеческую коммуникацию (в том числе при помощи естественного языка), общение животных, информационные и

социальные процессы, функционирование и развитие культуры, все виды искусства (включая художественную литературу), метаболизм и многое другое» (Мечковская 2004).

По-видимому назрел вопрос о различении собственно семиотической теории и применения семиотического подхода вне рамок этой теории, как это происходит с широким применением системного подхода в разнообразных исследованиях, которые не считаются принадлежащими к системологии – общей теории систем.

Предметом настоящего пособия является попытка краткого изложения истории формирования, основных понятий и идей общей семиотики. Более подробную информацию содержит в высшей степени основательная книга Н.Б. Мечковской «Семиотика. Язык. Природа. Культура» (М.: Академия, 2004). Поскольку некоторые использованные при подготовке данного пособия материалы труднодоступны, авторы старались дать по возможности полное изложение взглядов отдельных исследователей.

---

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМИОТИКИ

1.1. Античный период

Семиотика относится к тем немногим наукам, которые получили свое наименование и часть содержания задолго до их появления. Первым, кто выдвинул идею такой науки, был величайший ученый древности Аристотель, живший в 384—322 гг. до н.э. По свидетельству Аристарха Самосского, в своей классификации наук Аристотель упоминает о еще не существующей, но необходимой науке, которая должна изучать все существующие в природе знаки и которую он назвал «семиотика» (древнегреческое *semeion* — знак). Но только в конце XIX в. в работах американского философа и логика Чарльза Сандерса Пирса были сформулированы общие принципы семиотики как науки о знаках. Таким образом, от наименования до появления семиотики прошло более двух тысяч лет.

Вместе с тем значительная часть семиотических проблем исследовалась на протяжении веков в рамках других дисциплин, но многое из достигнутого впоследствии было забыто. Чем больше мы всматриваемся в проблемы рассмотрения знаков и знаковых систем, тем дальше вглубь истории уходят их корни.

Представление о том, что мышление и общение людей осуществляются с помощью знаков, появилось достаточно давно. Согласно Мартину Райдеру, один из ранних древнегреческих философов Продик (ок. 460—395 до н.э.) обращал внимание на правильность употребления языковых знаков — слов — как обязательное условие эффективного общения (Ryder). Другой древнегреческий философ — Платон (427—347 до н.э.) в диалоге «Кратил» указывал на произвольный характер языковых знаков, предполагая отдельность вещи и ее названия «Любое название, которое ты даешь, является, по моему мнению, правильным, и, если ты его заменишь и дашь другое, новое назва-

ние будет таким же правильным, как и прежде». Дискуссию о природе названий в греческой философии можно рассматривать как частный случай изучения природы одной из разновидностей знаков — наименований: является ли название вещи ее частью, отражая ее сущность, соответствуя природе вещи (более раннее представление), или оно условно, дано по установлению, по соглашению людей и поэтому произвольно.

Аристотель признавал инструментальную роль языковых знаков, заметив в сочинении «Об истолковании», что мышление человека осуществляется с помощью знаков и что произносимые слова являются условными знаками умственного опыта. Далее Аристотель добавляет, что разница в назывании предмета в разных языках не препятствует идентичности представлений о нем: «Подобно тому как письмена не одни и те же у всех (людей), так и звуко сочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звуко сочетаниях, у всех (людей) одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления» (Аристотель 1978). Таким образом, у Аристотеля уже определяются и основные элементы **знаковой ситуации** — произносимые **слова**, являющиеся знаками **представлений**, являющихся подобиями **предметов**.

В последующем к вопросу о знаках обращались стоики (представители одного из направлений древнегреческой философии, возникшего в III—II вв. до н.э.), которые рассматривали знак как сущность, образуемую отношением означающего и означаемого (иными словами — формы и содержания), первое из которых определялось как «воспринимаемое», а второе как «понимаемое» (Якобсон 1983: 102). В споре о происхождении (и, следовательно, характере) наименований, стоики считали, что слова отражают сущность вещей по их природе и поэтому задача философии найти первоначальное, истинное значение (этымолон) слов и понять истинную природу, сущность называемых ими вещей (так появилась этимология — наука о первоначальном, истинном значении слова). Таким образом предполагалось, что все слова обладают исходной мотивированностью.

Стоики ввели и понятие **семиозиса** (знаковой ситуации). По свидетельству греческого философа Секста Эмпирика, жив-

шего в III в. н.э., «Стоики утверждают, что три вещи между собой сопряжены: обозначаемое, обозначающее и объект. Из них обозначающее есть звук, например, “Дион”; обозначаемое — тот предмет, выражаемый звуком, который мы постигаем своим рассудком, как уже заранее существующий, а варвары не воспринимают, хотя и слышат звук; объект — внешний субстрат, например, сам Дион. Из них две вещи телесны, именно звук и объект, одна — бестелесна, именно обозначаемая вещь... говорить — произносить звук, означающий представляемую вещь». Говоря современным языком, знаковая ситуация включает два элемента, имеющие материальную форму — знак (в звуковой форме) и предмет — и не имеющее материальной формы мысленное представление (значение знака, выражаемое звуком и постигаемое рассудком).

Сам Секст Эмпирик выделял знаки напоминающие и указывающие, различающиеся тем, что напоминающий знак «ведет нас к воспоминанию о том, что наблюдалось вместе с ним и теперь не представляется очевидным, как, например, обстоит дело с дымом и огнем. Указывающий же знак... тот, который не наблюдается вместе с обозначаемым в живом представлении, но по собственной природе и устройству обозначает то, знаком чего он служит, как, например, движения тела служат знаками души» (Секст Эмпирик: 279—280).

В поздней античности на знаки обратил свое внимание Аврелий Августин (Блаженный Августин, 354—430 гг.) — философ, христианский богослов и политик, святой католической и православных церквей, имевший огромное влияние на средневековую науку. В сочинении «О христианском учении» он определяет знак как «нечто, что, показываясь ощущениям, сообщает нечто иное разуму (вещь, которая воздействует на чувства, помимо вида (*species*), заставляя приходиться на ум нечто иное)». При этом «все учения рассматривают либо вещи, либо знаки, но вещи изучаются посредством знаков». Разница между знаками и вещами имеет не онтологический, а функциональный характер, поскольку «знаки — это вещи, используемые для обозначения».

Далее знаки разделяются на естественные и условные. «Естественные — это те, которые без намерения и какого-либо жела-

ния (что-либо) означать позволяют узнать помимо себя и нечто иное». Примерами служат дым, указывающий на огонь, отпечаток ноги прошедшего животного, разгневанное или печальное выражение лица. С другой стороны, условные знаки — это те, которыми взаимно обмениваются живые существа, чтобы показать, насколько это возможно, свои настроения или ощущения, или мысли. Используемые в человеческом общении знаки далее подразделяются на основе чувств, к которым они обращаются: «некоторые из знаков, с помощью которых люди общаются друг с другом для выражения своих чувств, связаны с чувством зрения, большая часть — с чувством слуха, очень немногие с прочими чувствами».

При этом ведущая роль отводится словам, поскольку все, выраженное невербальными знаками, может быть описано словами, но не наоборот «бесчисленное множество знаков преимущественно заключается в словах, коими люди выражают свои мысли. Ибо все роды знаков, которые я кратко упомянул, я мог выразить словами, но слов этими знаками (выразить) не мог бы никаким образом». Под словом в первую очередь понимается звучащее слово, поскольку письменность, введенная человеком для сохранения звучащей речи, является вторичной системой знаков, состоя из «знаков слов». Таким образом, звучащему слову придается большее значение, чем написанному. Этим вводится основное деление знаков на естественные, не предназначенные для общения и не предполагающие его, и условные, назначением которых является общение.

В более поздних работах Августин вводит понятие «мысленного слова», которому, в свою очередь, придается большее значение по сравнению со звучащим словом и внешним словом вообще. В них уже только мысленное или внутреннее слово, т.е. представление, является словом в наиболее полном смысле, тогда как произнесенное слово предстает лишь его звучащим знаком. Мышление осуществляется с помощью мысленных слов, которые уже не связаны с каким-либо языком, например, латинским или греческим. Мысленное слово, соответствующее тому, что позднее было названо мысленным понятием, не является

объектом языкознания, поскольку не принадлежит к какому-либо языку.

Таким образом, Августин различал следующие основания классификации знаков:

1. В зависимости от способа передачи сообщения, т.е. в соответствии с тем органом чувств, которым эти знаки воспринимаются.

2. По их происхождению и употреблению. Прежде всего, знаки можно рассматривать и как предметы (вещи), и как знаки. Но есть такие предметы, существование которых обусловлено их использованием в качестве знаков. Из этого Августин выводит существование еще одной пары знаков — естественные и условные знаки.

К условным относятся знаки, производимые человеком, сюда же относятся крики животных, свидетельствующие о наличии пищи или просто о присутствии производителя знаков. Можно считать, что именно условные знаки в большей степени подходят под определение только знаков, это предметы, создаваемые с целью их использования в качестве знаков (происхождение) и используемые только с этой целью (употребление).

3. В зависимости от их социального характера. При делении знаков на естественные и условные, знаки первого рода понимаются спонтанно и непосредственно; понимание знаков второго рода достигается путем обучения: «Отпечатки души являются продуктом разума, подобно тому как лицо является выражением тела. Так, гнев (*ira*) по-разному обозначается в латыни, в греческом, в других языках по причине разнообразия языков. Но выражение лица человека, пребывающего в гневе, не является ни латинским, ни греческим. Если кто-то скажет: *Iratus sum* (Я в гневе), то никто из людей, кроме латинян, его не поймет. Однако, если бушующая в его душе страсть прихлынет к лицу, изменив его выражение, то все наблюдатели вынесут суждение: «Этот человек гневается»» («О христианском учении»). Связь между словом и мыслью Августин, так же, как и Аристотель, считает произвольной (условной), а связь между мыслями и предметами универсальной, следовательно, естественной.

4. В зависимости от природы символической связи. Здесь Августин выделяет собственные и переносные знаки. «В действительности знаки являются или собственными или переносными. Их называют собственными, когда они употребляются для обозначения тех предметов, для которых они и были созданы. Например, мы говорим “вол”, когда думаем о животном, которое все говорящие по латыни называют, как и мы, этим именем. Знаки являются переносными, когда сами предметы, обозначенные нами своими собственными именами, употребляются для обозначения другого предмета. Например, мы говорим “вол” и с помощью этих звуков представляем себе животное, обычно называемое этим именем. Однако в свою очередь это животное заставляет нас думать о проповеднике, который в Священном Писании, в соответствии с толкованием Апостола, обозначается такими словами: “Не заграждай рта у вола молотящего”» («О христианском учении»).

Собственные знаки, по сути дела, это те же условные знаки: они создаются специально для использования в качестве знаков. Переносные знаки определяются через их вторичный характер: их означаемое становится означающим.

5. Классификация знаков в соответствии с природой обозначаемого — знака или предмета. Переносные знаки характеризуются тем, что их означающее само по себе является полноценным знаком. Это, во-первых, буквы, как знаки звуков, а во-вторых, метасемиотическое использование языка — употребление слов, и только слов, для описания других знаковых систем: «Мы можем говорить о словах только с помощью слов» («О диалектике»); «все эти знаки, разновидности которых я кратко охарактеризовал, я смог выразить с помощью этих знаков». Здесь обнаруживается специфика слов по сравнению с другими знаками.

Для Августина, вслед за Аристотелем, буквы — это знаки звуков, однако не любых, а лишь членораздельных; членораздельные звуки — это как раз те, которые можно обозначить буквами. «Членораздельным звуком я называю тот, который может быть передан буквами. ...Эти телесные знаки и другие знаки того же рода предполагают присутствие тех, кто нас видит, слышит и с кем мы разговариваем; письмо же было изобретено, чтобы

позволить нам беседовать даже с отсутствующими» («О христианском учении»).

Другим источником информации о знаках, обсуждаемым и комментируемым в Средневековье, были работы жившего несколько позднее (в 480—528 гг.) Анция Манлия Северина Боэция, благодаря переводам которого стали известны работы Аристотеля. В работах Боэция средневековые философы нашли положение о произвольном характере языка, о том, что значение устанавливается путем приписывания, т.е. наименования или установления референции (отнесенности к обозначаемому предмету), и что «обозначить» значит «установить понимание». Комментируя Аристотеля, Боэций останавливается на взаимоотношениях между упоминаемыми Аристотелем четырьмя элементами языковой знаковой ситуации:

- внешними объектами, или вещами,
- мысленными понятиями, или представлениями,
- произносимыми словами и
- написанными словами.

Эти элементы организованы так, что устанавливают «порядок говорения», в котором каждый предыдущий элемент предшествует последующему. Без существования вещей не было бы понятий, без понятий — произносимых слов, а без последних не было бы письменных слов. Этот порядок направлен только в одну сторону — использование написанных слов невозможно без знания их устной формы, за которой всегда скрывается понятие, относящееся к реальной вещи. Согласно этому порядку, письменные знаки означают устные слова, а они, в первую очередь, означают мысленные представления и, за их посредством во вторую очередь указывают вещи.

Таким образом, уже в античности определяются некоторые основные понятия науки о знаках: **знаковая ситуация** и ее основные элементы — **знак** (например, произносимое слово), являющийся единством **обозначающего** (звуковой формы) и **обозначаемого** (значения, представления) о **предмете**, различаются основные **типы** знаков, указывается на **произвольный** характер языковых знаков (поскольку в разных языках один и тот

же предмет называется по-разному), отмечается ведущая роль человеческого языка среди знаковых систем и даже предложено **название** новой науки — семиотика.

1.2. Средневековье

1.2.1. *Раннее Средневековье*

Несмотря на большое внимание, уделявшееся средневековыми философами вопросам знаков и означивания, в силу синкретичного характера средневековой науки, отражавшегося в невыделенности и взаимопроникновении положений отдельных наук, эти вопросы рассматривались с позиций и в рамках других дисциплин, чаще всего логики, грамматики и риторики, составлявших в средневековых университетах тривиум — начальную ступень обучения.

В последнее время стали известны многие работы философов Средневековья, связанные с семиотическими исследованиями. Обзор таких работ был проведен Мейером-Эзером (Meier-Oeser 2003). По его мнению, исследователи Средневековья опирались в основном на работы Августина. Так, в конце XI в. Ансельм Кентерберийский (1033—1109) обратился к понятию «мысленных слов», пытаясь развить его. Он считал, что мысленные слова являются природными словами и одинаковы для всех людей. Кроме того, они служат мысленными образами вещей, благодаря чему обозначают свои объекты более выразительно, чем любые другие слова и поэтому могут быть названы подлинно словами.

Использование Августином языковедческих терминов в общем представлении о знаках способствовало тому, что средневековые философы и богословы рассматривали знаки в контексте грамматики и логики. Выдающийся философ XII в. Пьер Абеляр (1079—1142) обращал внимание на то, что в сфере компетенции логики языковое обозначение не покрывает всех возможных знаковых ситуаций, поскольку любые вещи могут использоваться как знаки, если они связаны таким образом, что восприятие одной

вещи приводит к пониманию другой. Это происходит в том случае, когда одна вещь является отражением другой или когда одна вещь по общей договоренности используется как знак другой: например, условные монашеские языки жестов или венки над дверями таверны, указывающий на то, что здесь продается вино. Это также происходит в тех случаях, когда две вещи постоянно встречаются вместе и их привычно считают взаимосвязанными, или, наконец, когда они действительно связаны определенными отношениями. В то же время Абельяр, по-видимому, понимал, что представление о знаке, учитывающее все перечисленные случаи, является слишком общим. Поэтому для различения случаев «действительного обозначения» и чересчур обобщенного понимания знаковой ситуации он отделяет просто обозначающие знаки от знаков, используемых для передачи информации. Таким образом, впервые деление знаков на основе сходства (образы), взаимосвязанности (признаки) и договоренности (коды), принятое сейчас, вводится уже в XII в.

С середины XIII в. учение Августина, до того активно обсуждаемое в основном в теологических дискуссиях, стало проникать и в сферу «свободных искусств» (современных гуманитарных наук). Автор XIII в., известный под именем Роберт Килвордби (Robert Kilwardby) модифицировал положение Августина о том, что «все учения рассматривают либо вещи, либо знаки», превращая его в более «семиотически ориентированный» тезис «каждая наука изучает знаки или обозначаемые вещи». Это утверждение он использовал как исходный пункт рассмотрения вопроса о возможности существования специальной науки о знаках, и, если такая возможность существует, — о том, какие взаимоотношения эта наука будет иметь с науками о вещах. Он считал, что таких наук может быть несколько, так как существуют разные типы знаков, однако для своего становления наука о знаках должна рассматривать знак как универсальное представление, полученное путем обобщения отдельных типов знаков. В случае природных знаков, а также «моральных знаков», например действий, совершаемых с добрыми или злыми намерениями, теория знаков не может быть оторвана от теории обозначаемых вещей, поэтому эти знаки принадлежат к области природных наук или

науки о морали. В то же время лингвистические знаки, образованные человеческим разумом для передачи идей, являются предметом рассмотрения мыслительной науки, каковой должна быть наука о знаках.

1.2.2. Роджер Бэкон (1214–1293)

Более всех в Средневековье занимался проблемами знаков Роджер Бэкон — автор обширного трактата «О знаках». В этой работе, а также в своем «Компендиуме теологии» он подробно рассматривает представление о знаке и его разновидностях, а также пытается разработать общую концепцию обозначения с детальной теорией языкового знака, в результате чего у него, как и у Августина, лингвистические представления включаются в общую теорию знаков вообще. Согласно Бэкону, представление о знаке принадлежит категории отношений, точнее говоря, знак, как уже указывалось в определении Августина, является отношением между тремя элементами (знаком, предметом и лицом, воспринимающим знак), оказываясь знаком чего-то для кого-то. При этом, однако, возникает вопрос — являются ли оба отношения одинаково необходимыми для существования знака. Что произойдет, если одного из них не будет: обозначаемая вещь прекратит свое существование или отсутствует разум, воспринимающий или способный воспринимать знак?

Один из наиболее прославленных теологов этого времени — Бонавентура (ок. 1217–1274) недвусмысленно делает ударение на отношении знака к обозначаемому, утверждая, что знак имеет два отношения: к тому, что он обозначает, и для кого он обозначает, но первое из них является необходимым и всегда выполняется, а второе является делом привычки; и только первое отношение делает знак знаком. Поэтому венок над дверями таверны всегда является знаком, даже если никто на него не смотрит.

В противоположность этому общепринятому мнению, Бэкон делает ударение на «практическом» отношении «знак — адресат знака», поскольку, как он утверждает, представление о знаке определяется с учетом его адресата. Ведь если никто не постигнет чего-то посредством знака, знак будет ненужным и напрасным,

он не будет знаком. Таким образом вводится семиотическая модель из трех элементов: «знак — обозначаемый предмет — адресат знака». Кроме существенного отношения знака к его адресату, являющегося «реальным отношением», существует отношение к вещи — «мысленное отношение». При этом использование знака не значит, что обозначаемая вещь существует, поскольку словами можно обозначать как существующие, так и несуществующие вещи. Есть и другие важные пункты, в которых Бэкон расходится с общепринятым мнением. Он определяет знак как «то, что, при представлении чувству или разуму, обозначает нечто для разума» и подчеркивает, наперекор общепринятому описанию знака, что есть знаки, представляемые только разуму.

Бэкон дает подробную классификацию знаков, используя, изменяя и сочетая элементы нескольких более ранних типологий знаков. Деление на два основных класса — природных и данных (условных) знаков — заимствовано у Августина, различие между необходимыми и возможными знаками взято у Аристотеля, а подразделение по временной соотнесенности является традиционным элементом теорий божественного знака.

1. ПРИРОДНЫЕ ЗНАКИ

1.1. обозначающие по умозаключению, сопутствующим обстоятельствам, следствиям

1.1.1. необходимо обозначающие

1.1.1.1. обозначающие нечто в настоящем (крайние проявления → сила явлений)

1.1.1.2. обозначающие нечто в прошлом (кормление грудью → рождение ребенка)

1.1.1.3. обозначающие нечто в будущем (рассвет → приближающийся восход солнца)

1.1.2. возможно обозначающие

1.1.2.1. обозначающие нечто в настоящем (материнство → любовь)

1.1.2.2. обозначающие нечто в прошлом (мокрая земля → прошедший дождь)

1.1.2.3. обозначающие нечто в будущем (багровое утреннее небо → дождь)

- 1.2. обозначающие формой и подобием (образы, картины, цвета)
- 1.3. обозначающие причинно-следственной связью (следы → зверь)
2. ЗНАКИ, ДАННЫЕ И НАПРАВЛЯЕМЫЕ ДУШОЙ
  - 2.1. обозначающие рефлексивно, без раздумий (вздых → боль; смех → радость)
  - 2.2. обозначающие намеренно (слова)
  - 2.3. междометия

Общий класс естественных знаков, обозначающих ненамеренно своим существом (1) в соответствии с отношением между знаком и обозначаемым подразделяется на три подкласса: (1.1) знаки по умозаключению, основанные на более-менее постоянной совместной встречаемости знака и обозначаемого, (1.2) образные знаки, основанные на внешнем подобии знака и обозначаемого, и (1.3) знаки, основанные на причинно-следственной связи между знаком и обозначаемым. Знаки по умозаключению подразделяются на (1.1.1) необходимые и (1.1.2) возможные, в обоих случаях подразделяемые далее на три вероятных направления временной отнесенности — настоящее, прошлое и будущее. Бэкон дает понять, что он считает знаки по умозаключению и образные знаки знаками в большей степени, чем знаки, основанные на причинно-следственной связи между знаком и обозначаемым. Впоследствии он исключил последнюю разновидность из рассмотрения, объясняя это основополагающей разницей между знаковыми отношениями и причинно-следственной связью: первые определяются адресатом, а вторые существуют независимо от адресата по природе вещей, т.е. при отсутствии воспринимающего, и поэтому не могут быть знаками..

Общий класс знаков, данных и направляемых душой (2) подразделен на основе того, что живое существо производит знак (2.1) по природному инстинкту, импульсу или (2.2) по обдуманному намерению и желанию. Основанием для различения двух видов природного обозначения, отраженных в (1) и (2.1), является, с одной стороны, двусмысленность понятия природы, включающего как значение «вещество или существо чего-либо»,

так и значение «сила, действующая без раздумий», а, с другой стороны, то соображение, что, по сравнению с природными знаками в первом значении, во втором значении, кроме адресата, всегда есть некто подающий знак. Междометия рассматриваются в качестве гибрида двух первых видов данных знаков (обозначающие рефлекторно, но словами).

Следует заметить, что в классификации Бэкона, как и в других средневековых типологиях знаков, виды знаков определяются по характеру обозначения, а не их материальной форме. Поэтому одна и та же вещь, факт или событие, рассматриваемые в разных аспектах, могут быть отнесены к различным или даже противопоставляемым классам. Это особенно важно для полного понимания процессов обозначения с использованием звучащей речи.

Первоначальным намерением Бэкона, как и прежде него Августина, было создание основ теории значения в языке. Согласно Бэкону, для правильного и полного представления обозначаемого в звучащем языке необходимо учитывать три аспекта:

- 1) значения высказываний отдельно от приписываемых им значений;
- 2) их значения согласно тому, что им приписывается, и
- 3) их значения сверх приписываемого им.

Во-первых, следует учитывать, что каждое высказывание может использоваться как природный знак независимо от приписываемого ему значения. Слова могут, например, означать, что говорящий находится близко и сообщать о нем что-то независимо от того, что он говорит (т.е. уровень его культуры, его настроение и т.д.) — так, как техника исполнения в искусстве показывает мастерство художника. Кроме того, произнесенное слово является знаком, предполагающим знание говорящим предмета, называемого словом в его обычном значении, поскольку использование языка предполагает наличие в разуме говорящего представления, соответствующего указываемому объекту. Таким образом, связь между звучащей формой и мысленным представлением выступает, в противоположность общепринятому со времен Августина, не отношением выражения, а указанием.

Во-вторых, при рассмотрении значения слов с точки зрения им приписываемого, Бэкон подчеркивает произвольность значения. Но даже если давший название и тем самым приписавший значение данному слову, свободен ввести слово или знак для чего угодно, он совершает акт называния согласно принципу крещения — все имена, которые мы приписываем вещам, мы приписываем так, как эти вещи нам представляются. Вопреки традиционному мнению о том, что слова обозначают мысленные представления, Бэкон считает, что слова обозначают непосредственно вещи. Этот подход к лингвистическому значению отмечает поворот в рассмотрении значения от приоритета отношений знака с мысленным представлением к значению как указанию на объект, что становилось все более распространенной точкой зрения в XIV в.

В то же время Бэкон прекрасно понимает, что использование имен и, в общем, слов не ограничивается значением, установленным первым актом приписывания (слово «хомо» указывает не только тех людей, которые присутствовали во время первоначального акта приписывания этому слову значения); а слова не перестают использоваться, когда обозначаемые вещи перестают существовать. Он намерен решить эту проблему (которую встречает каждая причинно-следственная теория значения, основанная на представлениях об «условиях соотнесения» и «заимствовании соотнесения») путем различения двух способов приписывания значения. Кроме «формального» способа приписывания значения, осуществляемого устным выражением типа «Я называю это...», существует иной способ, осуществляемый по умолчанию, когда название применяется к любому другому объекту, чем тот, который был назван именуемым. В то время как формальный способ приписывания значения относится либо к мифической ситуации изобретения языка, либо к явному созданию нового слова, второй способ приписывания значения описывает то, что происходит в действительности в повседневном употреблении языка. Такая модификация значения слов происходит постоянно без осознания этого говорящим или кем-нибудь другим. Пользуясь языком, мы все время приписываем имена, не сознавая когда и как.

В-третьих, если приписывание в описываемом смысле необходимо для установления лингвистического значения, значение слов им не ограничивается, произносимое означает многие вещи, которым оно не было приписано, поскольку означает все те вещи, которые связаны существенным отношением с вещью, для которой введено наименование. Таким образом, по мнению Бэкона, слова обозначают бесконечно много вещей.

1.2.3. *Спекулятивная грамматика*

Основополагающая для Бэкона и Килвордби идея о том, что грамматика не метод преподавания, а наука, разделялась школой так называемых *модистов*, появившейся около 1270 г. на факультете свободных искусств Парижского университета и достигшей наивысшей известности около 1300 г. в «Спекулятивной грамматике» Томаса Эрфуртского. По мнению И.А. Перельмутера, эпоха расцвета учения модистов относится к последним десятилетиям XIII в. и первым десятилетиям XIV в. (Перельмутер 1991). Название это произошло от ключевого понятия-термина системы модистов — «модус сигнификанди» (*modus significandi*, букв. «способ обозначения»). Участники этой школы, убежденные, что целью каждой настоящей науки является не описание фактов, а их объяснение с указанием причин, сделали своей задачей выведение общих для всех языков грамматических свойств из универсальных способов бытия с помощью соответствующих способов понимания.

Это сводило общепринятое в то время положение Аристотеля о том, что мысленные представления, как и вещи, одинаковы для всех людей, к тезису универсальной грамматики, основанной на аналогии между способами существования, способами понимания и способами обозначения, одинаковыми для всех языков. В соответствии с этим положением один из наиболее видных теоретиков спекулятивной грамматики Мартин Дакийский (Дакия — средневековое латинское название Дании) утверждает: «...все национальные языки грамматически идентичны. Это объясняется тем, что вся грамматика заимствована из вещей... и как природа вещей одинакова для говорящих на

разных языках, таковы и способы бытия и способы понимания; и, следовательно, способы обозначения одинаковы и отсюда одинаковы способы грамматического построения или речи. И поэтому вся грамматика одного языка одинакова с грамматикой в другом языке» (Мартин Дакийский «О способах обозначения»).

Хотя слова приписываются произвольно (отсюда появляются различия между языками), способы обозначения однозначно относятся к способам бытия с помощью способов понимания (отсюда появляются грамматические подобия между языками). Сосредоточивая внимание на терминах «знак» и «обозначение», спекулятивная грамматика как наука об общих познавательно-лингвистических структурах абстрагируется от всех различных национальных языков — и даже от устной речи как таковой. Как подчеркивает Мартин Дакийский, для спекулятивной грамматики не существенно рассмотрение высказываний или структур систем звучащих знаков, поскольку предметом изучения грамматика-модиста может быть любая разновидность знаков. То, что он занимается языковыми знаками, а не жестами или зрительными знаками, объясняется тем, что звучащие высказывания, по сравнению с другими типами знаков, более удобны для общения людей.

Как указывает И.А. Перельмутер, вскоре после появления первых модистических трактатов в сочинениях модистов начинают фигурировать два модуса познания — активный модус познания и пассивный модус познания, а также два модуса обозначения — активный модус обозначения и пассивный модус обозначения. Новая система модусов не появилась, однако, совершенно неожиданно и как бы на пустом месте. С одной стороны, уже в концепции ранних модистов присутствуют представления о двойкой природе как модуса познания, так и модуса обозначения — по Мартину Дакийскому, модус познания существует одновременно «в познанной вещи» и «в сознании» как «познанное в познающем», а модус обозначения существует одновременно «в обозначенной вещи» и в звучании «как в знаке». С другой стороны, новая терминология также не была абсолютным новшеством, в конечном счете она восходит к проводи-

тому Аристотелем разграничению между деятельным разумом и разумом претерпевающим, т.е. автором и адресатом знакового сообщения.

Если модус существования есть свойство вещи, рассматриваемое вне всяких связей и зависимостей, то пассивный модус познания есть то же самое свойство, рассматриваемое в его отношении к познанию, т.е. модус существования как могущий быть познанным и как познанный. Пассивный модус познания находится в познаваемой вещи и материально совпадает с модусом существования, отличаясь от него лишь с формальной стороны, т.е. тем, что определенное свойство рассматривается в данном случае не независимо от каких-либо связей, а в своем отношении к познанию. Модус существования и пассивный модус познания «суть одно и то же материально и реально». Все модисты в полном согласии между собой говорят о материальном тождестве пассивного модуса познания с модусом существования, указывают на познаваемую вещь как на «субъект» пассивного модуса познания. Такая позиция исключает возможность истолкования «познанного свойства» как образа свойства, как представления о свойстве. Ведь «образ» и «представление» находятся в нашем сознании, а не в познаваемой вещи, кроме того, «образ» и «представление» никак не могут совпадать со свойствами вещи материально; само реальное свойство и представление о нем явно созданы из разной материи.

То же самое свойство вещи, будучи осознанным и рассматриваемое в его отношении к языку, есть пассивный модус обозначения. Пассивный модус обозначения — это модус существования как могущий быть обозначенным и как обозначенный, но это не обозначение модуса существования. Утверждения модистов о том, что пассивный модус обозначения находится в познаваемой вещи как в субъекте, что он материально совпадает с модусом существования, никак не могут быть согласованы с представлением о пассивном модусе обозначения как о языковом обозначении. Ведь языковое обозначение (будь то реальное обозначение в потоке речи или идеальное обозначение, находящееся в сознании) явно имеет другую природу: оно находится в

языке или в сознании, но не в обозначаемой вещи; оно не совпадает с модусом существования материально. Пассивный модус обозначения есть означаемое, и в этом качестве он не имеет отношения к грамматике, тогда как любое языковое обозначение (как реальное, так и идеальное) вне грамматики не мыслимо. Совпадая с модусом существования материально, пассивный модус обозначения отличается от него с «формальной стороны», поскольку в понятие пассивного модуса обозначения включено, помимо понятия модуса существования, также отношение к языку.

Понимание модистами активных модусов познания и обозначения представляет картину еще более сложную. Особенно сложен вопрос о природе активного модуса обозначения, по этому вопросу модисты вступали в открытую полемику между собой. Активный модус обозначения принадлежит, разумеется, языку, но между модистами не было согласия относительно того, к какой именно языковой сфере этот модус относится — к сфере формы знака или к особой мыслительной сфере, к сфере содержания знака. От ответа на этот вопрос зависит и решение вопроса о том, являются ли активные модусы обозначения знаками. Если активный модус обозначения находится в самом звучании, то это значит, что он служит знаком пассивного модуса обозначения, т.е. в конечном счете знаком определенного свойства явления; если же активный модус обозначения принадлежит особой мыслительной сфере, сфере языкового содержания, то отсюда следует, что в функции знака он выступать не может. Точку зрения о принадлежности активного модуса обозначения к сфере звучания отстаивает, в частности, Томас Эрфуртский: «Активный модус обозначения, поскольку он есть свойство значащего звучания, материально находится в значащем звучании как в субъекте» (Томас Эрфуртский, цит. по Bursill-Hall 1971: 105). Иной была позиция Сигера из Куртрэ, по мнению которого активный модус обозначения принадлежит к сфере чисто умственной, он есть *ens rationis* — «сущее разума», за пределы этой сферы он никогда не выходит: «Активные модусы обозначения не находятся, однако, в звучании как субъекте, по-

сколькx активные модусы обозначения суть некие представления самого разума; представления же разума остаются в разуме и пребывают в нем, они не уходят вовне» (Сигер из Куртрэ, цит. по Roos 1948: 214). Поскольку, по мнению Сигера из Куртрэ, активный модус обозначения есть чисто умственное представление, то в соответствии с его концепцией он не может быть знаком, ведь знак должен быть материальным, он должен быть доступен чувственному восприятию. Таким знаком может быть только звучание: *vox modum essendi significat* «звучание обозначает модус существования» (Сигер из Куртрэ, цит. по Pinborg 1967: 110). Активный модус обозначения лишь наделяет звуковое выражение возможностью что-либо обозначать.

Однако вне зависимости от решения ряда частных вопросов все модисты согласны между собой в том, что активные и пассивные модусы обозначения различаются друг от друга материально и по месту своего нахождения, совпадая лишь в плане «формальном», поскольку между активными и пассивными модусами обозначения существуют отношения подобия, отношения соответствия. Оставляя в стороне разногласия между модистами по отдельным вопросам, попытаемся сформулировать в самом общем виде представления модистов о природе различных модусов и об их соотношениях между собой.

Каждое явление включает в себе сочетание некоторых свойств, общих у этого явления со свойствами других явлений. Свойства эти составляют модусы существования данного явления. Поскольку подобное свойство может быть познанным, оно становится пассивным модусом познания. Поскольку подобное свойство может быть названным, оно становится пассивным модусом обозначения. Пассивные модусы познания и обозначения представляют собой тот же модус существования, но взятый в его отношении соответственно к сознанию или к языку. На этом же основании делается вывод, что пассивные модусы познания и обозначения материально совпадают с модусом существования, но отличаются от него с формальной стороны: ведь во всех случаях речь идет об одном и том же свойстве, но рассматривается оно с разных сторон. Активные модусы познания и обозначения

суть потенции сознания и языка, позволяющие отразить данное свойство, воспроизвести его на другом материале. Активные модусы познания и обозначения прямо соотносятся с пассивными модусами познания и обозначения, представляют собой их соответствия, с формальной стороны с ними совпадают, но поскольку пассивные модусы познания и обозначения с формальной стороны не совпадают с соответствующими модусами существования, то активные модусы познания и обозначения отличаются от соответствующих модусов существования как с материальной, так и с формальной стороны. В результате взаимодействия всех этих модусов между собой свойства реальных явлений, воплощаемые в конечном счете в активных модусах обозначения, получают отражение в языке (Перельмутер 1991).

Вскоре после 1300 г. модистский подход подвергся существенной критике. Основным пунктом, вызывавшим возражения таких критиков, как Оккам, было не положение об основной универсальной грамматике, поскольку оно содержится и в Оккамовском понятии мысленной грамматики. Критике подверглись два других положения модизма: (1) утверждение о тесной структурной аналогии между устным и мысленным языком и обозначаемыми вещами и (2) недопустимое превращение способа обозначения в некое свойство или форму, добавляемую к произносимому актом приписывания. Говорить, что произносимые выражения «имеют» разные способы обозначения, можно, как указывает Оккам, только метафорически, поскольку имеется в виду лишь одно: что различные слова означают то, что они означают, разными способами. Согласно другому критику — Иоанну Аурифаберу, звучащий термин является означающим, или знаком, только поскольку он используется для обозначения, а не потому, что звуку нечто присуще. Чтобы установить для обозначения должное место в реальности, оно должно быть приписано к разуму, а не к произносимому звуку. Критика грамматики модистов основана на фундаментальном переопределении понятия знака, проведенном после середины XIII в. Перемещение идеи обозначения от слова к разуму основано на том предположении, что мысленные представления сами являются знаками, что бы ни говорил Августин.

1.2.4. Мысленные представления как знаки

В сочинениях по логике XII и раннего XIII в. понятие знака еще не играет важной роли. Слово *знак* используется в качестве названия для так называемых синкатегориматических терминов (например, *каждый*, *никакой* — как универсальные знаки; *определенный*, *некоторый* — как частные знаки). Согласно Аристотелю (в переводе Боэция), только написанные и произнесенные слова что-либо означают. Мысленные представления рассматриваются скорее как подобия, а не знаки вещей. В середине XIII в. происходит изменение понятий, которое на первый взгляд хотя и кажется незначительным, оказывается одним из наиболее важных поворотов в истории семиотики: мысленные представления, не теряя на первых порах своего статуса подобий вещей, начинают характеризоваться как знаки вещей. Конечно, некоторые места у Боэция, Ансельма и Абеляра уже указывают на эту тенденцию. Но только во второй половине XIII в. эта идея получает широкое признание и начинает соотноситься с теорией знака.

Последствия этого подхода многочисленны — например, отрицание или, по крайней мере, модификация определения знака Августина и появление возможности описать отношение между представлением и его объектом без обращения к понятию подобия. Более того, введенный Боэцием порядок высказывания (вещь предшествует представлению, которое предшествует произносимому слову, которое предшествует написанному слову) теперь может быть описан в терминах знака и обозначаемого представления. До тех пор пока представления согласуются с произносимыми высказываниями в своей функции знаков, разумно понимать мыслительные процессы как мысленную речь, аналогичную звучащей речи. Это в свою очередь дает возможность развития менталистской логики, главными объектами которой больше не являются произносимые термины и суждения, а скорее соответствующие мыслительные акты.

Определение мысленных понятий как вещи знаков дает основание для тесной взаимосвязи логики и эпистемологии, характерной для позднего Средневековья. В связи с этим про-

исходит пересмотр представления означивания. Поскольку если мысленные представления, т.е. акты понимания, считаются знаками, аристотелевское определение обозначения для понимания не может считаться адекватным. В результате терминология «представления», вначале использовавшаяся в основном, в эпистемологическом контексте, приобретает все большее значение для логической семантики, сплетаясь с терминологией «означивания». В итоге, описание мысленных представлений как знаков можно рассматривать как один из основных поводов рассмотрения всех видов знаков в логике позднего Средневековья. При этом логика более не ограничивается условными знаками, а занимается и природными знаками.

1.2.5. Знак как центральное понятие логики XIV в.

Хотя на протяжении XIII в. обозначение (сигнификация) рассматривается в логике в качестве основы всех свойств терминов, этому не уделялось особого внимания. Обозначение описывалось как представление разуму некоей формы или как представление вещи с помощью условленного устного выражения. Предметом же дискуссий становится понятие «предположение» — способность субстантивных терминов замещать нечто в суждении, т.е. служить знаками.

У Вильяма Оккама (ок. 1285—1347/49) понятия знака и обозначения начинают занимать в логике центральное место. Логика воспринимается как занимающаяся исключительно знаками — прежде всего мысленными, а во вторую очередь устными или письменными. Оккам включает в определение знака понятие замещения. Он считает, что общее представление, что «знак есть нечто, включающее в познание нечто иное», является слишком общим для использования в логике и семантике, и поэтому добавляет, что знак в логике должен замещать вещь, которую он вводит в рассуждение, или же должен быть таким, что он может быть добавлен к знаку, замещающему нечто. Таким образом, логическое представление Оккама о знаке ограничивается тем, что позднее называли пропозициональным знаком. Постоянно

возвращаясь к представлению о знаке, Оккам во многих случаях семиотически переопределяет основные логические понятия, что позволяет ему пересмотреть традиционные онтологические вопросы, такие как вопрос об универсалиях, число категорий, или онтологический статус отношений как семантические проблемы.

Логика Оккама — важный шаг в процессе увеличивающейся ментализации знака. Этот процесс предполагает, что без некоей мыслительной основы явления знака, значения и в общем семиозиса (знаковой ситуации) остаются непостижимыми. Тенденция переноса представлений о знаке и значении из области произносимых слов в сферу мышления характерна для менталистской логики, появившейся в начале XIV в., и продолжавшей доминировать в позднее Средневековье. Слова или знаки, связанные с рациональным рассуждением, традиционно рассматривались в качестве основного предмета обсуждения логики. Однако в менталистской логике наиболее значимые слова и знаки это не произносимые слова, а межнациональные мысленные слова или понятия. Таким образом, в логике позднего Средневековья, как уже у Оккама, мысленный знак становится в центр логической семантики. Согласно различию, введенному Петером из Айли (1330—1421) во второй половине XIV в., вещь может быть названа знаком в двух смыслах. В первом смысле, потому что она ведет к познанию вещи, знаком которой является. Во втором смысле, поскольку она сама является познанием вещи. Во втором смысле мы можем сказать, что представление является знаком вещи, к которой это представление имеет природное подобие, что оно не ведет к познанию вещи, а является актом познания.

Семантика Оккама, как и его теория мысленного языка, управляемого всеобщей мысленной грамматикой, которая превращала теоремы логики в теорию мыслительных процессов, была оспариваема и подверглась резкой критике его оппонентов и не менее резким модификациям его последователей. Несмотря на различия в подходах, все авторы работ по логике, начиная с XIV в., сходятся в понимании важности понятия знака. Исключение составляли Джон Виклиф (1330—1384) и Станислас из

Зноймо (ок.1400); последний считал, что человеческие заблуждения из-за показных и бесполезных знаков являются следствием греховного падения людей.

У Оккама знак становится центральным понятием логической теории, однако убеждение Оккама, что только пропозициональные знаки имеют отношение к логике, способствовало тому, что вначале в логике рассматривался весьма узкий спектр семиотических проблем. В отличие от Оккама поздняя схоластическая логика подходит к обсуждению логико-семантических проблем на основе наиболее широкого понимания таких слов, как *термин, обозначать, представлять разуму, знак* и т.д. Поэтому на периферии логических исследований стали появляться проблемы семиотического характера. Эта тенденция достигла кульминации в Парижской школе Джона Майера (1469—1547), наиболее влиятельного центра позднесхоластических логических исследований.

Члены этой школы рассматривают значение, или «значить», в общем смысле: дать (кому-то) узнать (что-то) — и представляют его себе аналогично более раннему описанию представления в наиболее широком смысле, когда функция представления могла быть приписана всему, что каким-либо образом способствует знанию вещи. Соответственно, «значить» понимается как «представить что-либо разуму». Чтобы это определение охватывало случаи неразумных получателей знаков (животных), а также употребление синкатегориматических терминов, которые в сущности не означают чего-либо, была предложена еще более широкая версия, определяющая обозначение как представление чего-либо или неких вещей или каким-либо образом разумению.

Это определение приблизительно выражает общепринятую основу в понимании значения логиками в конце XIV — начале XVI в. Хотя вариантов определения этого понятия было много и часть из них расходилась в деталях, общим для всех них была познавательная направленность. В противоположность пониманию знака Оккамом, на первом плане находилась не логическая функция указания на обозначаемое, а отношение знака к способности познания. Иными словами, знак характеризуется в первую

очередь не способностью выполнять семантическую функцию в суждении, а возможностью его использования в познании: знак есть нечто, что заставляет думать. В отличие от семантического подхода Оккама, поздние авторы прагматичны.

Эта тенденция заметна уже в определении Петером из Айли акта обозначения как представления чего-либо или неких вещей или каким-либо образом разумению путем их существенного изменения. При добавлении «путем существенного изменения» к дефиниции обозначения, связь с познанием или с познавательной способностью становится важным свойством обозначения, поскольку без такого изменения ничего не значит.

Таким образом, в XV и начале XVI в. *обозначать* приобрело более широкий смысл — «представить что-либо разуму», а знак в первую очередь характеризуется способностью не к замещению, а к пробуждению рассуждений. Существенной чертой означивания становится связанность с мыслительными процессами. Поэтому распространенное мнение, будто в средневековой философии знак рассматривался только как нечто, замещающее нечто другое, является ошибочным.

На основе расширенного представления о знаке в конце XV — начале XVI в. логики обсуждали различные виды означивания, или традиционное различие между естественными (природными) и условными знаками, показывая, что существуют промежуточные формы знаков: знаки по привычке, которые устанавливаются не по природе вещей, не по приписыванию, а скорее, по частому употреблению.

Универсальность концепции знака, согласно которой все в мире есть знак, уравнивается особой ролью мысленных знаков. Произносимые слова, как и вообще любой внешний знак, могут означать только посредством значения, даваемого мысленными понятиями. Таким образом, все обозначение зависит от мысленных терминов. В некотором отношении это заявление идет дальше тезиса о том, что значение не может быть должным образом понято без учета мыслящего существа, способного использовать знаки. Поскольку мыслительный акт, делающий возможным значение, считается знаком или актом значения в буквальном смысле, любой другой знак или значение может на-

зываются так только в соотношении с мысленным знаком. В то время как, согласно Августину, знак, будучи по определению внешней сущностью, исключался из области разума, сейчас он становится мысленным знаком, т.е. мысленным понятием, представлением или термином, воспринимаемым как основной и первичный знак и окончательное основание всякого значения.

Вместе с сознательным расширением понятий знака и термина и подчеркиванием роли мысленного знака, с 1500 г. в логике начинается существенное переосмысление письменных знаков. Развивая идеи Петера из Айли, более поздние авторы освобождают письменный знак от традиционного подчинения устному знаку, непосредственно подчиняя его мысленному знаку. Таким образом, написанное более не рассматривается как вторичная знаковая система и всего лишь дополнение устной речи, что дает основание значительного расширения понятия письменного знака.

С расширением логического рассуждения, включением в рамки традиционной логики широкого спектра знаков и описанием этих знаков при традиционном различении мысленных, устных и письменных терминов, именно письменный термин дает наилучшие возможности интеграции различных видов знаков. Это предполагает коренное расширение представления о написанном, как это сформировалось в логике Парижской школы около 1500 г., когда написанное рассматривается не как производное от устной речи, а в соотношении с человеческим восприятием. Поэтому Джон Майер и другие определяли письменный термин как термин, воспринимаемый зрением, поясняя, что письменный термин называется так не потому, что это написанное, состоящее из символов или букв, но скорее потому, что он представляет нечто мыслительной способности посредством зрения. При таком определении даже венки над дверьми таверны может считаться письменным термином. Некоторые авторы еще более расширяют это понятие на любую вещь, воспринимаемую иначе, чем слухом. По мнению Петера Маргаллюса, каждая вещь, воспринимаемая одним из иных, чем слух, четырех внешних чувств может оказаться письменным термином.

Основная причина такого теоретического расширения понятия написанного — безразличие функции знака к его материальному воплощению. Эта произвольность реализации знаков свойственна им не только как средству коммуникации, но и в связи с их функцией в логических операциях. Как указывал Павел из Венеции, в принципе можно было бы образовывать силлогизмы и делать заключения, пользуясь палками и камнями вместо слов и предложений. То, что мы этого не делаем и общаемся не с помощью ощущения тепла или запаха, а устных и письменных терминов в узком смысле, объясняется большим удобством последних. Мы можем издавать звуки когда захотим, но не можем с той же легкостью и отчетливостью производить объекты других ощущений, например цвета́ или запаха.

Расширение понятия термина дает возможность учета дальнейших семиотических проблем, таких как различие между терминами с абсолютным значением и терминами со значениями при определенных обстоятельствах. Устные или письменные слова принадлежат к первому классу, а второй класс образуется из других условных знаков, например, звон колокола, распятие или венок над дверьми таверны. Вводя это различие, Хуан де Ориа подчеркивает влияние ситуационного контекста на значение нелингвистических знаков. В зависимости от места и времени колокольный звон может быть приглашением на собрание братии или на еду; образ распятого Христа служит для моления только в церкви, а не в мастерской художника или скульптора, венок означает продажу вина только если находится над дверьми таверны, а не в лесу. Более того, термины со значением при определенных обстоятельствах характерны тем, что регулярно обозначают состояние дел и тем самым функционируют как знаки высказывания.

Таким образом, в отличие от ранних представлений о том, что Средние века были временем застоя в науке, мы наблюдаем в этот период развитие семиотических идей, когда была существенно развита классификация знаков и впервые выделены (Абеляром) три современные основные типы знаков, введено понятие получателя знаковой информации — адресата знака, а также исследовались функции знаков. Уже в XIII в. высказы-

вались (Робертом Килвордби) предположения о возможности существования отраслевых семиотик, изучающих разные типы знаков. В то же время рассматривались отношения между знаком и адресатом знака (современный прагматический аспект семиотики). Эти идеи несомненно повлияли на формирование основных положений теории знаков в Новое время и в работах классиков семиотики.

1.3. Новое время

1.3.1. Коимбрская схоластика

В то время как в Западной Европе при возрастающем влиянии гуманизма схоластическая традиция терминистской логики практически прекратилась в третьей декаде XVI столетия, на Иберийском полуострове она, под названием «Коимбрская схоластика», продолжала активно, хотя и в измененном виде, существовать вплоть до XVIII в. Отсюда она в XVII в. вернулась в университеты Западной Европы, в основном в католических странах. Основы средневековой семиотики послужили фундаментом, на котором логики XVII в. разрабатывали детально продуманную теорию семиотики.

Согласно Джону П. Дойлу (Дойл 2001), коимбрские схоластики принадлежали к Ордену иезуитов и были профессорами философии в университете Коимбры в конце XVI в. Их учение изложено в пяти томах, состоящих из комментариев к Аристотелю. Последний из этих томов, включающий комментарии на всю аристотелевскую логику, особенно важен, ввиду того что он включает их новаторский трактат о знаках.

Несмотря на то что знаки рассматривались ранее другими авторами — стоиками в античности, и основательно Роджером Бэконом в XIII в., — трактат коимбрских иезуитов самым решительным образом выводит за пределы Средневековья. Основная часть их комментария на «Об истолковании» Аристотеля («per modum quaestionis») занимает более 60 страниц in quarto. В нем освещены пять принципиальных вопросов:

- (1) О природе знаков и об общих для них условиях;
- (2) О разделении знаков;
- (3) Об обозначении произносимых и написанных слов;
- (4) Являются ли понятия общими всему, а произносимые слова отличными от (всего);
- (5) Являются ли некоторые понятия в нашем уме истинными или ложными, тогда как другие (понятия) лишены истинности и ложности.

По ходу дела возникают дополнительные вопросы о сущности знака, о возможности для чего-нибудь быть знаком самого себя, о знаках естественных и условных, и об отношениях, содержащихся в знаках. Более того, даже если их комментарий был трудом по логике, коимбрские иезуиты отдавали себе отчет в том, что относительно знаков и означивания могут быть поставлены многие эпистемологические, психологические, метафизические и теологические вопросы.

Они затрагивали некоторые частные вопросы — язык, речь, смех, дрема, кашель, речь человека во сне, человеческая ложь и произнесение человеком слов без мысли; размышляли о смысле отрицательных слов, синкатегорематических слов, таких как «если», бессмысленных слов, таких как «абракадабра», и слов вроде «химера» или «кентавр», которым не соответствуют никакие реальные вещи. Их интересовали знаки, используемые при письме и чтении, особенно при беззвучном чтении. Присоединившись к дискуссии о физиологической основе речи и слуха, они затронули отношения между глухотой и затруднениями в речи и общении.

Опираясь на рассказ Геродота о царе Псамметихе, который растил детей вместе с животными, чтобы увидеть на каком языке они начнут произвольно говорить, а также на сообщение о сходном эксперименте, осуществленном потомком Тамерлана, Великим Моголом Индии Акбаром (1542—1605), коимбрские иезуиты начали обсуждение проблемы усвоения языка детьми, как и проблемы речи детей, выращенных животными. Возможно опираясь на записи португальских миссионеров, они кратко обсудили различие между письменными языками, которые используют пиктограммы (они упомянули иероглифы, а также

китайское и японское письмо) или алфавит. В связи с этим они коснулись значения чисел для математиков и знаков для астрономов. Сюжеты, связанные с Библией, касались языка Адама и Евы, речи Адама, нарекающего животных их истинными именами, печати Каина (которую, согласно св. Иерониму, они рассматривали как дрожь), радуги, посланной Ною, и разделения языков на Вавилонской башне.

В области зоосемиозиса они упоминают аристотелевское учение о пении птиц и обсуждают словообразование у попугаев и сорок, а также различные виды общения среди диких животных: мычание коров и лай собак. Они сформулировали следующее положение, хотя и неполно выражающее их семиотическую теорию: «Нет ничего такого, что приводило бы к осознанию чего-либо другого, и не могло быть сведено к некоторому виду знака».

В своем трактате о знаках коимбрские иезуиты обсуждали отражения и упомянули отражения в зеркалах. Ранее в своем комментарии на трактат Аристотеля «О душе» они продемонстрировали знание как рассуждений Сенеки, так и платоновского объяснения зеркальных отражений. В своих «*Quaestiones Naturales*» философ I в. Сенека (4 до н.э.? — 65 н.э.) выделил две теории относительно отражений в зеркале. Первая теория утверждает, что в зеркале мы видим подобия вещей, а затем с их помощью переходим к знанию самих вещей. Согласно второй теории в зеркале мы непосредственно видим вещи. Второе мнение совпадает с учением Платона в «Тимее», которое объясняет зеркальные образы через пересечение на поверхности зеркала лучей из глаза с лучами, исходящими от объекта. Может удивить то, что они отвергли платоновский взгляд, но поддержали, в то же время, вторую теорию, описанную Сенекой. В трактате о знаках им нужно было свести концы с концами — подтвердить семиотический характер зеркальных отражений и, одновременно, отстоять положение о том, что в зеркале мы непосредственно видим вещи.

Поставленная таким образом задача порождала разногласия со св. Фомой Аквинским, следовать теологии которого требовали иезуитские «Правила для профессоров», и философию ко-

того иезуиты всегда поддерживали. Хотя некоторые тексты кажутся противоречивыми, очевидно, что Аквинат по большей части предпочитал первую теорию, выделенную Сенекой. Например, в своем комментарии на знаменитый стих главы 13 Первого послания к Коринфянам: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу», Аквинат пишет: «Когда мы видим нечто в зеркале, мы не видим эту вещь, но только ее подобие. Но когда мы видим нечто лицом к лицу, тогда мы видим эту вещь такой, какова она есть».

Ранее, в своем Комментарии на «Сентенции» Петра Ломбардского Аквинат писал: «Лицо человека, отражающееся в зеркале, глаз видит не через подобие, мгновенно запечатлевающееся на нем, но через подобие, отражающееся в зеркале, которое как результат оказывается в глазу. И этот взгляд сравним с тем, с помощью которого Бог усматривается в действиях, находящихся вне интеллекта того, кто на него смотрит». Таким образом, Фома очевидно думает, что здесь одновременно наличествует причина, вызывающая отношение между отражением в зеркале и знанием человека, чьим отражением оно является, плюс действие, вызывающее отношение между зеркальным отражением и реальным человеком.

Насколько известно, Аквинат нигде не говорит о зеркальных отражениях в семиотическом отношении. Коимбрские иезуиты, однако, говорят об этом как раз в связи с теорией знаков и интерпретируют как учение Аквината положение о том, что мы вначале видим зеркальное отражение, а затем переходим к его причине, которой является вещь, отразившаяся в зеркале. Это имеет место и в тех случаях, когда они цитируют три другие пассажа из Аквината в поддержку мнения, утверждающего, что отражение в зеркале — это «инструментальный» знак, который, кстати сказать, узнается первым и, затем, ведет к знанию чего-либо еще. Другим примером такого инструментального знака может служить дым, обозначающий огонь.

Позиция коимбрских схоластиков находится в противоречии с современным семиотиком Умберто Эко, который утверждает, что «зеркальные отражения не являются знаками». Эко признает, что человеческий опыт относительно зеркал «абсолютно уни-

кален» и «находится на границе между восприятием и означением». Тем не менее он утверждает, что «зеркальное отражение не отвечает требованиям знака».

Природа этих требований проясняется через понимание знака, которое Эко разделяет с античными стойками: он утверждает, что знак есть «нечто, замещающее другое нечто». Эта модель снова иллюстрируется примером дыма как знака, замещающего огонь. Из антецедента — восприятия дыма — каждый может получить консеквент — огонь, к которому как к причине он (антецедент) отсылает.

Однако, указывает Эко, необходимо нечто большее, чем связь антецедента с консеквентом. Первое: антецедент, которым является знак, «должен быть потенциально присутствующим и воспринимаемым, в то время как консеквент обычно отсутствует». Он говорит, кстати, что стойки требовали отсутствия консеквента так, что дым мог быть знаком огня, только если сам огонь не присутствовал непосредственно и с очевидностью. Но, второе: знак антецедента может существовать, даже если нет консеквента, который этим знаком обозначается. Поэтому знак может быть ложным или обозначать нечто, что таковым не является. Связанное с этим третье: лишь предполагается, что знак антецедента производится консеквентом; и четвертое: знак антецедента включает в себя только класс возможных консеквентов. В самом деле, пятое: у стойков такой знак сводится к нетелесному отношению импликации между двумя предложениями. По своей сути это равносильно закону, выражающему отношение символа к символу. Шестое: такой тип отношений не зависит от какого бы то ни было непосредственного индивидуального источника или посредника; и, седьмое: его содержание, обладающее некоторой двусмысленностью, открыто для интерпретации.

Ни одно из этих требований не выполняется в случае зеркального отражения. Напротив, зеркальное отражение всегда действительно и, как особая реальность, непосредственно зависит от индивидуальной реальной вещи, отражением которой оно является. Если есть зеркальное отражение, то вещь не может отсутствовать. Как таковое зеркальное отражение всегда истинно и относится к вещи как к своему источнику не как символ

к символу, а как знак к знаку. Опять-таки, конкретное отражение всегда зависит от конкретного зеркала, которое является его проводником и поэтому также должно присутствовать. Наконец, его содержание как таковое лишено всякой двусмысленности и, таким образом, не открыто для интерпретации.

Коимбрские схоластики находятся посередине между св. Фомой и Эко. Зеркальное отражение кажется сразу знаком вещи, которая отражена, знаком, ведущим от самого себя к этой вещи, но в то же время, сам этот знак не является тем, что познается первым и только тогда ведет к чему-либо еще.

Чтобы достичь такого понимания, коимбрские иезуиты должны были расширить традиционное учение о знаке, которое, в общем, было заимствовано из двух основополагающих мест, приписываемых св. Августину. В одном из этих пассажей из второй книги первой главы его работы «О христианском учении» Августин определяет знак как «нечто, что помимо впечатления от себя самого, производимого в чувствах, делает что-либо еще известным». Другой пассаж в пятой главе книги «Основания диалектики» касается того, что знак есть нечто само по себе чувственно воспринимаемое, которое предоставляет уму нечто иное, чем оно само. Хотя аутентичность «Оснований диалектики» оспаривается, обычно это сочинение рассматривается как часть августинианского корпуса, и, во всяком случае, позиция, цитируемая здесь, — подлинное мнение св. Августина.

Однако при всем уважении, с которым его рассматривали коимбрские иезуиты, это мнение неполно постольку, поскольку распространяется только на чувственно воспринимаемые знаки. Это не позволило бы объяснять знаки как понятия и запечатленные формы вещей, что было широко распространено в их время. В соответствии с этим коимбрские профессора предпочли описание знака, которое впоследствии стало общераспространенным: «Знак есть то, что представляет познавательной способности что-либо (иное)». Описанный таким образом знак мог быть как чувственно воспринимаемым, так и умопостигаемым.

Это можно объяснить подробнее: несмотря на то, что коимбрские схоластики предлагали различные способы класси-

фикации знаков, особое значение имеют два из них. Первое, — это тщательно обоснованное деление знаков на естественные и условные. Естественные знаки суть те, что означают одну и ту же вещь для каждого или те, которые по самой своей природе обладают способностью означать нечто. Простым примером может служить дым, который в силу самой своей природы для всех означает огонь. Напротив, условные знаки означают посредством человеческой воли. Примерами могут служить написанные и произносимые слова или вещи, которым, по соглашению, придана способность означать.

Второе, — это разделение между формальными и инструментальными знаками. Короче говоря, «все, посредством чего мы знаем что-нибудь еще, само по себе обязательно либо известно нам, либо нет. Если само оно есть то, что узнается первым, то это знак инструментальный, если нет, то это знак формальный». Подлинным признаком формального знака является то, что сам он, не будучи познанным, является причиной познания чего-либо еще. Более определенно, формальный знак производит знание, указывая или точно определяя активность познавательной способности по способу ее выражения (*term*) или по ее основанию, «непосредственно с помощью формы того, что обозначается». Примером знака, вызывающего такую (кстати сказать, познавательную) активность по способу выражения, может быть понятие. Примером же знака, формирующего знание по основанию, может быть запечатленная форма. Инструментальным знаком является такой знак, который сам должен быть познан первым, чтобы вести к знанию чего-либо еще. Как таковой он не будет непосредственно информировать познающего о форме того, что им обозначено, но, скорее, о форме того, что означает, т.е. о самом знаке. Примерами инструментальных знаков могут быть дым или слова, большинство из которых познаются первыми, никогда не формируя или не структурируя знание непосредственно формой того, что они означают. На этом основании кажется очевидным, что формальные и инструментальные знаки отличаются также следующим: первые (формальные) не требуют интерпретации, тогда как последние (инструментальные) требуют.

По поводу отношения между двумя этими различиями коимбрские профессора утверждают, что никакой формальный знак не является условным. Следовательно, каждый формальный знак является естественным. Однако обратное высказывание ложно: не каждый естественный знак является формальным. Некоторые естественные знаки, например дым, с очевидностью являются инструментальными. В то же время, каждый условный знак является инструментальным. Он сам должен познаваться (и, очевидно, интерпретироваться) первым, чтобы вести к знанию чего-либо еще. И снова обратное ложно: не каждый инструментальный знак является условным. Это еще раз может быть проиллюстрировано примером дыма.

Как полагали коимбрские иезуиты, философы-предшественники хотя и понимали реальность деления знаков на формальные и инструментальные, не имели ясного понятия формального знака. Однако раз такое понятие было в наличии, оно могло служить для понимания не только понятия или непосредственно запечатленной формы, но также для понимания зеркального отражения. Таким образом, все названные выше виды могут быть квалифицированы как знаки, поскольку они могут сделать нечто известным для познавательной способности. Опять-таки, пока все три вида могут иметь причину в том, что они означают, сами они, для того, чтобы так означать, не могут познаваться первыми. В частности, ссылаясь как на оптиков, так и на собственный комментарий трактата «О душе» Аристотеля, коимбрские схоластики утверждают, что отражение в зеркале, «как может подумать любой томист», конечно не видится само по себе. На время непосредственным объектом знака может быть свет или цвет, которые (особенно согласно Аристотелю и его ученикам) имеют лишь случайное существование в телесных субстанциях. Таким образом, реальный объект знака есть нечто, а именно тело, которое освещено или окрашено, а то, что появляется в зеркале точно таким, каким описано, не является телом подобного рода. Соответственно, зеркальное отражение как таковое не может быть увидено по причине того, что оно находится вне объекта знака. То, что действительно является видимым, — это объ-

ект, являющийся источником (т.е. освещенное или окрашенное тело), с помощью своих свойств отражающийся от зеркала. Таким образом, эти свойства, которые, кстати сказать, и есть само зеркальное отражение, не являются инструментальным знаком. Тогда, по методу исключения, такой знак является формальным. В соответствии с этим основная позиция коимбрских иезуитов выглядит так: зеркальное отражение не является самим по себе объектом, но видом посредника, через который мы видим объект.

Трактаты коимбрских схоластиков имели влияние и были широко распространены в XVII в. Они выдержали несколько изданий и однажды даже были переведены на китайский. Их теория знака изучалась большинством иезуитских философов, часть из которых ее разделяла. Кроме того, коимбрские иезуиты изучались большинством представителей католической университетской традиции. Возможно самым важным из них был Джон Поинсот (John Poinsot, John of St. Thomas 1589–1644), который сам находился под их влиянием в студенческую пору в Коимбре и чей «Трактат о знаках» был недавно опубликован. Развивая положение Бэкона об адресате знака, Поинсот считал знак относительным явлением, существование которого заключается только в представлении восприятию человека чего-то иного, чем они сами. Поинсот не принял учения коимбрских иезуитов о зеркальных отражениях, напротив, следуя своему доминиканскому предшественнику Фоме Аквинату, учил, что не сама по себе вещь, но, скорее, ее отражение есть то, что мы видим в зеркале.

На раннем этапе своего обучения Рене Декарт (1596–1650) хорошо знал коимбрскую схоластику и позднее объявил, что из иезуитских учебников, которые он изучал в Ла Флеш, он «запомнил только коимбрских схоластиков, Толедо (Francisco de Toledo, 1533–1596) и Рубио (Antonio Rubio, 1548–1615)». Коимбрские философы были также известны Готфриду Вильгельму Лейбницу (1646–1716), который цитировал их комментарии на аристотелевскую логику. Они были хорошо известны по другую сторону Английского канала и даже в Америке. Так, их логика была рекомендована главой Королевского колледжа в

Оксфорде в 1652 г., когда юный Джон Локк (1632—1704) вступил в Колледж христовой церкви.

В Гарварде XIX в. Чарльз Сандерс Пирс, который основал современную семиотику, был хорошо знаком с коимбрскими схоластиками. По меньшей мере, в одном месте он ссылался на их комментарии ко всей логике Аристотеля и называл их комментаторами, «выше авторитета которых не может быть». Хотя он не дает указаний на какое-либо заимствование их взглядов, его многочисленные определения знака ближе к образу мысли коимбрских иезуитов, чем к учению св. Августина.

В еще большей степени в Новое время обращение к проблеме знаковой коммуникации связано с именами четырех выдающихся философов — Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка и Г. Лейбница, однако они не пытались разработать общую теорию знаковых систем как самостоятельную науку.

1.3.2. Френсис Бэкон (1561—1626)

Фрэнсис Бэкон — английский философ, историк, политический деятель, основоположник эмпиризма. В 1584 г. был избран в парламент. С 1617 г. лорд-хранитель печати, затем — лорд-канцлер; барон Веруламский и виконт Сент-Олбанский. В 1621 г. привлечен к суду по обвинению во взяточничестве, осужден и отстранен от всех должностей. В дальнейшем был помилован королем, но не вернулся на государственную службу и последние годы жизни посвятил научной и литературной работе (Википедия).

Согласно Е.Я. Басину, Бэкон был одним из первых философов Нового времени, увидевших глубокую связь между познанием и теорией коммуникации, которую он называл «искусством сообщения» (Басин 1999). Составной частью «искусства сообщения», по Бэкону, является учение о средствах изложения. Все, «что способно образовать достаточно многочисленные различия для выражения всего разнообразия понятий (при условии, что различия доступны чувственному восприятию), может стать средством передачи мыслей от человека к человеку» (Бэкон т. 1: 331). Таково бэконовское определение знака.

Ф. Бэкон различал слова и знаки вещей, выражающие их значение без помощи и посредства слов. Знаки вещей, по его мнению, бывают двух родов: в первом случае знак выражает значение вещи на основе своего сходства с ней («иероглифы», «жесты», «эмблемы»), во втором (не имея такого сходства и являясь чисто условными) — на основе «молчаливого соглашения» (Бэкон их называет «реальными знаками»). К первому роду относятся иероглифы и жесты, ко второму «реальные знаки», используемые в Китае и выражающие не буквы и слова, а вещи и понятия (Бэкон 1977: 316).

Самыми удобными средствами сообщения Бэкон считает слова и письмо, но он полагает, что изобразительные знаки («иероглифы») имеют «не последнее значение» и было бы «полезно знать, что, подобно тому, как монеты могут делаться не только из золота и серебра, так можно чеканить и другие знаки вещей, помимо слов и букв» (там же: 331—332). Бэкон различает два плана исследования знаков — план содержания (он называет его «смыслом», «значением») и план выражения («изложения, «формы»).

Один из классиков семиотики, американский философ Ч. Моррис, характеризуя семиотические идеи философов английского эмпиризма, отмечает, что большое внимание они уделяли анализу значения с точки зрения сенсуалистической психологии. Однако Бэкон в силу практического подхода к проблеме языка много внимания уделяет и тому аспекту, который позже получит в семиотике название «прагматики», а у Бэкона называется «мудростью сообщения» и в значительной мере совпадает с риторикой. Так, формулируя задачу философской грамматики — исследовать не аналогию между словами, но «аналогию» между словами и вещами, т.е. «смысл», Бэкон называет и другую цель — «как следует должным образом воспринимать чувства и мысли ума» (там же: 333—334).

1.3.3. Томас Гоббс (1588—1679)

Томас Гоббс родился в семье сельского священника. Учился в Оксфорде, по окончании университета работал воспитателем

в графском семействе, близком к королевскому роду. Во время Английской революции он переезжает на 10 лет во Францию, а потом возвращается на родину и занимается философией. С 1613 г. — секретарь у Ф. Бэкона. Свою первую работу Гоббс написал в возрасте 52 лет («О гражданине»). Вместе со следующими работами — «О теле» и «О человеке» — она составила основное произведение Гоббса — «Начала философии» (1-я часть — «О теле», 2-я — «О человеке» и 3-я — «О гражданине»). После этого он пишет еще одну работу — «Левиафан», где дает общий очерк своей философской системы, но с большей социальной направленностью (Лега 2003).

Свое учение о знаках Гоббс связывает с теорией познания. По мнению Гоббса, главной целью познания является выяснение причин того или иного процесса. Начальный этап познания — осознание того, что у нас отсутствуют знания об интересующем нас предмете. При этом следует обратить особое внимание на язык, который служит не только средством познания, но также источником лжи и ошибок. Познание начинается с чувственности, в чем и следует видеть первый принцип теории познания. Продукты чувственного познания Гоббс предлагает называть «фантомами (призраками)». Люди, получив восприятия-фантомы (образы), обозначают их знаками. Роль знаков в жизни людей очень велика. В определенном смысле знаки создали самого человека, поэтому его можно определить как существо, оперирующее знаками.

По Гоббсу, знак — это то, что обозначает некий материальный предмет. В качестве знака мы можем выбрать любой предмет, который будет нам напоминать и обозначать другой предмет. Гоббс приводит пример тучи, которая есть знак дождя, или наоборот: дождь есть знак тучи. Поэтому знак всегда материален, и мы всегда познаем его посредством ощущений.

Один их видов знаков — слово. Слово есть некоторая материальная вещь, обозначающая некоторый другой материальный предмет. То, что человечество в свое время додумалось в своей речи заменять вещи словами, является величайшим открытием. Поэтому и язык как то, при помощи чего формулируется наше мышление, обладает не самостоятельным су-

ществованием, а является отражением реальной связи между предметами.

Слова служат знаками, при помощи которых человек может вспомнить о представлениях, еще не совсем угасших, и оперировать ими при помощи слов-знаков, обозначающих те ощущения, которые возникли от воздействия предметов на органы чувств. Этот язык, при помощи которого человек мыслит и общается (а общение также является одной из главных функций языка как знаковой системы), существует для экономии мышления (мыслить при помощи языка и слов, т.е. знаков и связей между ними, гораздо удобнее, чем без них). То, что выбираются именно эти знаки, а не другие, достигается посредством договоренности между людьми. Гоббс, таким образом, считает, что слова и вообще язык — это результат соглашения между людьми, он не имеет самостоятельного существования.

Язык и слова являются знаковой системой, а эта система возникает в результате того, что люди на определенном этапе согласились употреблять именно такие слова, а не другие. Никакой онтологической роли, оправдывающей их самостоятельное существование, у слов нет. Слова существуют как знаки вещей и возникают в результате договоренности между людьми. Поэтому знание формулируется всегда в языковой форме — в форме связи между словами, высказываниями, предложениями, суждениями, умозаключениями и т.д.

Гоббс изучал знаки, их роль в познании, структуру и разновидности. Он выделил следующие виды знаков:

1. *Сигналы* — различные звуки, издаваемые животными и призывающие их к тем или иным действиям. В жизни и деятельности людей Гоббс не выделил сигнальных знаков, а если таковые и имелись, то отнес их к разряду собственно произвольных знаков.

2. *Метки* — знаки, придуманные человеком для обозначения своих целей и намерений. Под метками Гоббс понимал знаки, позволяющие оживлять в сознании сведения о некоторых, прежде нам встречавшихся, предметах. Когда же он ссылается на существование естественных меток (озноб как метка заболева-

ния), то имеет в виду то, что позднее стали называть знаками-признаками.

3. *Естественные знаки* в собственном смысле слова (например, тучи как знак дождя). Они характеризуются Гоббсом следующим образом: «Разница между метками и знаками состоит в том, что первые имеют значение для нас самих, последние же — для других».

4. *Произвольные знаки* в собственном смысле слова, каковыми в особенности являются слова национальных языков. Гоббс придерживался той точки зрения, что слова произошли не по природе, а по произвольному установлению. Имена в языке — это знаки наших представлений, обозначения воспринимаемых вещей. Пока мы не вышли за пределы отдельных слов, имена дают нам для познания совсем немного: они обозначают и указывают, и не более того. Гораздо больше познавательных сведений мы черпаем из естественных знаков, соединяющихся нередко в длинные ассоциативные цепи. Впрочем, многие из этих цепей случайны, и Гоббс отмечает их «неупорядоченность».

5. Особо Гоббс выделил *знаки* в роли *меток*. В этом случае «слова служат ... метками для самого исследователя (а не знаками вещей для других), в силу чего отшельник, не имеющий учителей, может стать философом». Функционирующие в людском общении знаки используются затем для личного употребления, сохраняя и освежая прежние знания, укрепляя и обогащая память, помогая размышлениям.

6. *Знаки знаков*, или имена имен, — это универсалии. Гоббс здесь выступил как номиналист: не существует, полагает он, никаких общих сущностей, «универсальны только имена», реально же существуют только большие или меньшие сходства между единичными предметами, так что «целое и совокупность всех его частей идентичны». Для обозначения совокупности похожих друг на друга частных и единичных предметов, чтобы легче было их все запомнить и ими оперировать, обычно и употребляют знаки знаков, хотя при этом не следует забывать, что сами по себе общие представления — не более чем призраки (Фурс).

Каждый знак по своей структуре, отмечал Гоббс, состоит из значения, которое он заключает в себе, и материала. Слова, при

которых мы ничего не воспринимаем, кроме звука, суть то, что мы называем абсурдом, бессмыслицей или нонсенсом. Гоббс, будучи классическим представителем номинализма XVII в., утверждал, что реально существуют только единичные вещи, а понятия есть лишь их имена. Наиболее общие понятия представляют собою «имена имен», которыми пользуется человек в ходе познания. Человек, по Гоббсу, располагает двумя видами знаний: знанием о физических телах и знанием об именах вещей (Мапельман, Пенькова: 162—163).

По мнению Басина, Гоббс больше, чем кто-либо в истории философии Нового времени, имеет заслуг в постановке и решении специальных семиотических проблем. Знаки, по Гоббсу, — это чувственно воспринимаемые вещи, при помощи которых мысли можно оживлять в памяти (в этом случае они выступают как «метки»), а также сообщать и разъяснять другим. Среди знаков некоторые естественны (тучи — знак дождя), другие же выбираются нами по произволу, например, сочетания слов, обозначающие наши мысли и движения нашего духа и называемые речью (а отдельные части речи — именами). Между именами и вещами нет никакого сходства. Всякое имя имеет отношение к объекту наименования, причем безразлично, существует эта вещь в действительности или только в представлении. Однако называя (именуя) вещи, имена непосредственным образом связаны не с вещами, а с представлениями о них, они есть «знаки наших представлений», а не «знаки самих вещей» (Гоббс 1964: 74).

Речь может быть использована для разных целей: обозначать вещи и представления, выражать наши представления и сообщать их другому, т.е. вызывать в ком-нибудь другом те же представления: выражать просьбы, обещания, угрозы, пожелания, приказы, жалобы. В науке законен только один вид речи, называемый иногда утверждением, иногда — высказыванием, а большей частью предложением (proposition). В нем нечто утверждается или отрицается, высказывается истина или ложь.

С точки зрения использования речи в искусстве представляет интерес выделение Гоббсом способности речи выражать не только мысли, но и чувства, душевные движения, страсти. Эти

формы речи суть произвольные обозначения наших страстей, но верными признаками их они не являются, так как могут быть употреблены произвольно, независимо от того, имеют эти страсти или нет те, кто их употребляет. Лучшими признаками подлинных чувств является выражение лица, движения тела и т.п. «знаки» страстей.

У Гоббса нет резкого противопоставления использования речи для выражения чувств и познавательной деятельности. Во-первых, формы речи, при помощи которых выражаются чувства, частью идентичны с теми, при помощи которых мы выражаем наши мысли. Прежде всего, чувства могут быть выражены в изъявительном наклонении («я люблю», «я радуюсь» и т.п.), и они являются утверждениями (а значит, могут быть как истинными, так и ложными). Во-вторых, некоторые чувства, хотя и имеют свои особые выражения, которые не являются утверждениями, тем не менее, эти «особые выражения» чувств, если они служат основанием для других выводов, также являются «утверждениями». При помощи фантазии, которая порождает те приятные подобия, метафоры и фигуры, которыми, как уже отмечалось, поэты пользуются для вызывания чувств, также открывается неожиданное сходство между вещами, различие, достигается точное и совершенное знание, что также является источником наслаждения. В искусстве требуется «как суждение, так и фантазия».

Как считает Басин, философское истолкование знаков и языка носит у Гоббса противоречивый характер. С одной стороны, он дает знакам и языку последовательную материалистическую интерпретацию в русле сенсуалистического эмпиризма. Прежде всего, это причинная теория знака и значения, которые включены в общую причинную связь материальных явлений. Вследствие материальных стимулов человек побуждается перевести мысленную речь в словесную. Первая есть связь мыслей или представлений, последние суть «ослабленные ощущения», т.е. материальные явления в мозгу, вызванные действиями предметов вне нас. Представления, ощущения суть образы, находящиеся в отношении подобия с тем объектом, который их вызвал. Эти представления и образы носят объективный характер, поскольку

ку обуславливаются «природой представленной при их помощи вещи», что не исключает и субъективных элементов, которые обусловлены «природой, наклонностями и интересами говорящего». Представления, образы — значение слов, знаков, поэтому и последние у Гоббса связаны с вещами, действительностью.

В сочинениях Гоббса затрагивается и проблема изображения, или образа. «Образ (в самом строгом значении слова) есть подобие какого-либо видимого предмета; все образы имеют фигуру, а фигура есть величина, ограниченная во всех направлениях». Образы у Гоббса — это, во-первых, то, что составляет представления и образы воображения. От этих образов Гоббс отличает те, которым человек дает материал, создавая фигуры из дерева, глины или металла. Те и другие могут быть образами вещей (и их качеств), существующих вне нас. Кроме того, человек может рисовать в своем воображении и воплощать в материал формы, которых он никогда не видел, составляя фигуры из частей различных тварей, как поэты творят своих кентавров, химер и других невиданных чудовищ. Последние тоже называются образами в силу сходства их, но не с каким-нибудь реальным предметом, а с некоторыми фантастическими обитателями мозга — творца этих фигур. Между этими образами как они первоначально существуют в мозгу и ими же, как они нарисованы, вырезаны в дереве и отлиты в металле, имеется сходство, в силу чего «о материальных телах, созданных искусством», можно сказать, что они являются образами фантастических «идолов», созданных естественным, природным путем. Ведь, согласно Гоббсу, человеческое искусство является «подражанием природе». Наряду с подобием образ (или изображение) характеризует функция репрезентации — «представительство одной вещи другой». Большею частью и подобие и представительство видимого объекта сочетаются, но представительство может осуществляться и при полном отсутствии сходства (Гоббс говорит здесь о символическом (знаковом) использовании изображений для представления объектов, которые они не изображают), например, неотесанный камень ставился как изображение Нептуна (Басин).

Следует отметить, что семиотические проблемы в сочинениях Т. Гоббса представлены в наиболее развернутом виде,

чем в какой-либо другой материалистической системе XVII—XVIII вв.

1.3.4. *Всеобщая грамматика Пор-Рояля*

В XVII в. крупным научным центром Европы становится монастырь Пор-Рояль вблизи Версаля под Парижем, прославившийся тем, что в его стенах была создана уникальная грамматика. В этом монастыре в 1660 г. логик Антуан Арно и языковед Клод Лансло написали ученый трактат под названием «Грамматика всеобщая и теоретико-критическая, содержащая основы искусства речи, которые изложены ясным и простым языком; логические основы всего того, что есть общего между всеми языками, и главные различия между ними, а также многочисленные замечания по французскому языку», более известная под названием «Универсальная и рациональная грамматика».

Грамматика Пор-Рояля основывалась на положениях спекулятивной грамматики и стремилась показать единообразие структуры анализируемых языков. Авторы стремились создать систему описания, пригодную для любого языка. Они подчеркивают, что «логика у всех народов едина, поэтому на основе логики можно составить одну универсальную грамматику», пригодную для всех языков. Грамматика построена на материале древнегреческого, древнееврейского, испанского, итальянского, латинского и французского языков. К основным положениям данной грамматики можно отнести следующие: язык существует для выражения мыслей человека; звуки и буквы — это средства выражения мыслей; внутренняя структура знака, единая для всех людей, — значение слова; внешняя структура знака — звуки и буквы.

Грамматика состоит из двух частей: фонетической и грамматической. Слова делятся на два типа: слова первого типа называют ПРЕДМЕТ мысли, к ним относятся существительные, артикли, местоимения, причастия, предлоги, наречия. Слова второго типа называют ХОД мысли, к ним относятся глаголы, союзы, междометия. В разделе «Синтаксис» рассматриваются

отдельно учение о словосочетании и предложении (Сорокина 2003: 21–23).

1.3.5. Джон Локк (1632–1704)

Джон Локк получил первоначальное образование в монастырской школе при Вестминстерском аббатстве. Затем в 1652 г. он поступает в Оксфордский колледж Крестовой церкви. Локк испытывает интерес к естественным наукам, прежде всего, математике. В 1672 г. он едет в Париж, где знакомится с идеями Декарта. В 1679 г. возвращается в Лондон, но из-за политического преследования уезжает в Голландию. В 1689 г. возвращается в Англию, где и живет до конца жизни.

Основная работа Д. Локка — «Опыт о человеческом разуме», которую он писал около 20 лет и опубликовал в 1690 г. Развивая положения Бэкона и Гоббса, Локк подчеркивает важность философских проблем языка и теории знаков для исследования познания. Учение о знаках (Локк вводит для обозначения этого учения термин «семиотика» — и, таким образом, вторично дает название этой науке, хотя многие исследователи считают его первым, давшим это название), которое «должно рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для понимания вещей или для передачи своего знания другим» (Локк 1960 т. 1: 695), он рассматривает как один из трех важнейших разделов научного знания вместе с натуральной философией и практической этикой (Locke 1690: XXI). Свое внимание Локк сосредоточивает на наиболее обычных и, вместе с тем, важных знаках — словах. Посвящая их рассмотрению отдельный раздел своего труда, он предваряет его словами «Когда я стал рассматривать объем и достоверность нашего знания, я нашел, что это так тесно связано со словами, что, если сначала не рассмотреть как следует их важность, то о познании можно сказать очень мало уместного» (Локк 1960: 481).

По мнению Е.Я. Басина, Локку, так же, как Бэкону и Гоббсу, свойственен «прагматический» подход к языку — с точки зрения его пользы (Басин 1999). Для человека как существа общественного, подчеркивает Локк, «удобства и выгоды общественной

жизни не могут существовать без сообщения мыслей», поэтому необходимы «внешние чувственные знаки, при посредстве которых можно было бы делать известными другим невидимые идеи, из которых состоят мысли». Слова и являются необходимыми для общения чувственными знаками идей, «которые представляют собой их настоящее и непосредственное значение». Функция сообщения (коммуникации) предполагает и другие функции слов: «вспоминать свои мысли», выражая их, «показать свои идеи и выставлять их перед другими», непосредственно обозначая идеи, слова, названия «указывают также некоторое реальное существование» (Локк 1960: 402—407, 450).

Между словами и их значениями нет естественной связи, значение слов совершенно произвольно. Выступая «произвольными знаками», «слова — не частное достояние кого-либо одного, а общее средство обмена и общения; поэтому никто не должен по собственному желанию менять их чеканку, под которой они обращаются, ни идеи, к которым они прикреплены...» (там же: 504). В этом Локк видит злоупотребление словами, как и в том, что слова употребляются без всяких идей или, что еще хуже, без всякого значения. Именно в этом контексте, там, где речь идет об истине и познании, о способности суждения, он рассматривает всякое искусственное и образное употребление слов как злоупотребление языком.

По мнению Локка, слова называют представления, принадлежащие только и исключительно тому, кто использует слова. Каждый использует слова иначе, следовательно, отсюда появляется возможность взаимного непонимания (Heintz 1978: 106).

Таким образом, в работе «Опыт о человеческом разуме» предвосхищаются некоторые идеи и проблемы, ставшие позднее объектом дискуссий, например, антиномия понимания—непонимания Гумбольдта, исследуемая позднее Потемной и ставшая необыкновенно актуальной (в частности, в теории коммуникации, семиотике и теории дискурса) во второй половине XX в., а также концепция произвольности и неизменчивости знака, выдвинутая позднее Соссюром.

Локку принадлежит мысль о чувственном характере мышления и языка «первых творцов языка». «Я не сомневаюсь, — пи-

шет Локк, — что будь мы в состоянии проследить слова до их источников, мы нашли бы, что названия, обозначающие вещи, не относящиеся к области наших чувств, во всех языках имели свое первое начало от чувственных идей. Отсюда мы можем догадаться, какого рода и какого происхождения понятия наполняли ум первых творцов языка, и как природа, даже при наименовании вещей, бессознательно внушала людям источники и начала всего их познания» (там же: 403).

По мнению Басина, позиция Локка открывала возможность для субъективистского истолкования коммуникации. Такая возможность усугублялась положениями Локка, встречающимися в его сочинениях, о том, что субъект в процессе познания имеет дело не с внешней действительностью, а с собственными идеями, как таковыми, т.е. со своими ощущениями, представлениями и т.п. Локк также не проводит ясного различия между семантическим отношением обозначения (слово — знак идеи), свободного от качественного сходства между словом и идеей, и отношением идея — вещь, для которого характерно именно отношение сходства.

1.3.6. Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716)

По мнению Е.И. Басина, после Гоббса и Локка Готфрид Вильгельм Лейбниц был безусловно тем мыслителем, который внес значительный вклад в исследование знаков и языка науки. Его работа «*Ars Characteristica*» специально посвящена этому вопросу. Лейбниц стремился к тому, чтобы в языке науки каждому понятию соответствовал простой чувственный знак. Он хотел осуществить полную формализацию языка и мышления. Следует отметить, что подобные намерения он имел не только в отношении знаков рационального мышления, но и в отношении к естественным непроизвольно прорывающимся формам выражения. И хотя в 30-е годы XX в. Геделем была обоснована принципиальная неосуществимость намерений Лейбница, это не обесценивает методов, предложенных им в применении к частным задачам.

Отмеченное выше стремление Лейбница было связано с его попытками избежать злоупотреблений языком. Эта проблема специально обсуждается Лейбницем в его «Новых опытах о человеческом разуме», полемически направленных против «Опыта о человеческом разуме» Д. Локка. Соглашаясь, что язык нужен для взаимопонимания, он подчеркивает также его роль для процесса мышления («рассуждать наедине с самим собой»). Там, где Локк говорит о необходимости общих терминов для удобства и «усовершенствования» языков, Лейбниц обращает внимание на то, что «они необходимы также по самому существу последних».

Соглашаясь, что значения слов произвольны и не определяются в силу естественной необходимости, Лейбниц тем не менее полагает, что иногда они все же определяются по естественным основаниям, в которых имеет некоторое значение случай, а иногда моральное основание, где имеет место выбор. В происхождении слов есть нечто естественное, указывающее на некоторую природную связь между вещами и звуками и движением голосовых органов. Так, по-видимому, древние германцы, кельты и другие родственные им народы употребляли звук «ч» для обозначения бурного движения и шума. С развитием языка большинство слов удалилось от своего первоначального произношения и значения. Лейбниц, полемизирует с тезисом Локка о том, что «люди установили по общему согласию имена», и полагает, что язык не произошел по плану и не был основан на законах, но возник из потребности людей, которые приспособили звуки аффектов и движений духа.

Обсуждая вопрос о злоупотреблении языком, Лейбниц солидарен с Локком в том, что сюда следует отнести и злоупотребление «фигуральными выражениями», и «намекami», присущими риторике, а также живописи и музыке. Лейбниц в этом случае берет за эталон научное использование знаков: «Общее искусство знаков, или искусство обозначения, представляет чудесное пособие, так как оно разгружает воображение... следует заботиться о том, чтобы обозначения были удобны для открытия. Это большей частью бывает, когда обозначения коротко выражают и как бы отображают интимнейшую сущность вещей. Тогда по-

разительным образом совершается работа мысли...» (Лейбниц. Успехи математических наук. Т. 3. Вып. 1. 1948. С. 155–156; цит. по: Басин).

Лейбниц считал, что люди употребляют знаки не только для того, чтобы передавать свои мысли, но и для того, чтобы сделать продуктивным сам процесс мышления. Действия над знаками, по его утверждению, должны отображать в символической форме все допустимые соединения представляемых ими предметов, выявляя попутно также невозможные соответствующие сочетания. Создавая знаки, надо, по его мнению, руководствоваться двумя правилами: знаки, во-первых, должны быть краткими и сжатыми по форме и заключать максимум смысла при минимуме выражения; во-вторых, изоморфно соответствовать обозначаемым ими понятиям, представлять простые идеи как можно более естественным способом (Кондаков).

Таким образом, в Новое время в философских работах сохраняется интерес к знакам, хотя не делается попыток создания цельной теории семиотики как отдельной науки. Развитие семиотических идей идет в сторону исследования функций знаковых систем: коммуникативной, выражения эмоций, гносеологической. Лейбниц развивал намеченный Гоббсом подход от автора знака в отсутствие знаковой коммуникации, выражающий гносеологическую функцию знаковых систем. Исследовались свойства знаков и возможности совершенствования знаковых систем.

В конце XVIII — начале XIX в. проблема знаков находит отражение в работах немецких философов, в первую очередь Канта и Гегеля, а также языковедов Якоба, Гумбольдта и Поттебни.

1.4. XIX век

1.4.1. Иммануил Кант (1724–1804)

Согласно Е.И. Басину, интерес Канта к проблеме знаков прослеживается уже в его работах докритического периода.

В «Исследовании о степени ясности принципов естественной теологии и морали» (1764) немецкий мыслитель проводит различие между знаками *in concreto* и знаками *in abstracto*. Примеры первых он видит в математике, где вместо всеобщих самих вещей рассматриваются их единичные знаки. В геометрии, чтобы познать свойство круга, чертят один круг и в применении к нему рассматривают *in concreto* всеобщее правило отношений во всех вообще кругах. Наглядность такого познания, поскольку речь идет о его правильности, выражена весьма определенно, ибо объект рассматривается в чувственно-воспринимаемых знаках, которые в геометрии имеют еще и сходство с обозначаемыми ими вещами. Областью, где всеобщее рассматривается при помощи знаков *in abstracto*, Кант считает философию, сами же знаки философского познания — это слова, которые помогают лишь припоминанию обозначаемых ими общих понятий. Такое познание менее наглядно, менее ясно и очевидно (Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1964—1966. Т. 2. С. 248—265; цит. по: Басин).

В «Критике способности суждения» (1790) Кант использует понятие «характеристика», т.е. обозначения понятий посредством сопутствующих чувственных знаков, которые не содержат в себе ничего принадлежащего к созерцанию объекта, а только служат для них средством репродуцирования по присущим воображению законам ассоциации, стало быть, в субъективном отношении; таковы или слова, или видимые (алгебраические, даже мимические) знаки только как выражения для понятия.

Проблема знаков специально затрагивается Кантом в «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798) — последнем произведении, опубликованном самим Кантом. Выделяя два вида познания: познание посредством понятий — дискурсивное и познание в созерцании — интуитивное, Кант относит знаки к средствам дискурсивного познания. В его понимании знаки сами по себе ничего не значат и сопровождают понятие только как страж, чтобы при случае воспроизвести его. Знаки делятся на произвольные (умения), естественные и знамения.

В произведениях немецкого мыслителя — и это вполне в духе философии языка XVII—XVIII вв. — немало критиче-

ских замечаний в адрес языка. Недостатки последнего он видит в его ошибочном применении, когда знаки принимаются за вещи и наоборот. Смещение знаков с вещами, стремление увидеть в знаках внутреннюю реальность, как если бы предметы должны были соотноситься со знаками, Кант иронически называет «странной игрой воображения с людьми». С неверным применением языка он связывает двусмысленность в использовании слов и терминов, в частности в области философии. Вместе с тем Кант был убежден, что самый лучший способ обозначения мыслей есть обозначение с помощью языка, этого величайшего средства понять себя и других. Преимущества звуков языка как средства для обозначения понятий немецкий философ видит в их знаковой природе, в том, что сами по себе они ничего не значат и как таковые обозначают не объекты, а разве только внутренние чувства. Мысль неразрывно связана с языком; мыслить, утверждает Кант, значит говорить с самим собой.

Язык, хотя он является средством дискурсивного познания с помощью знаков, прибегает и к символам, которые принадлежат интуитивному познанию. Наш язык, считает Кант, полон таких косвенных изображений по аналогии, благодаря которым выражение содержит в себе не настоящую схему для понятия, а лишь символ для рефлексии. Символический способ выражения понятий в языке имеет свое значение, но тот, кто любит выражаться только символически, имеет еще мало рассудочных понятий. Столь часто приводящая в восхищение живость изображения в речи дикарей — это, по мнению Канта, только признак бедности в отношении понятий, а потому и в отношении слов для выражения понятий.

В исследованиях о философии и семиотике Пирса отмечается большое влияние идей Канта, которого он неоднократно перечитывал и прекрасно знал.

1.4.2. *Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831)*

Как указывает Е.И. Басин, изучая знаковые аспекты искусства, Гегель подробно исследует три основных вида репрезента-

ции (и коммуникации) значения в искусстве: изобразительную (иногда она называется «образной»), символическую и знаковую.

Изображения стремятся копировать предметы природы в том виде, в каком они действительно существуют; они воспроизводят то, что уже существует во внешнем мире в той форме, в какой оно существует. В этом смысле искусство выступает как формальное, как подражание данным предметам. И хотя Гегель считает, что для искусства существенно то, что оно творит в форме внешних и тем самым естественных явлений, цель искусства состоит в чем-то другом, чем просто формальное подражание, которое заботится лишь о том, чтобы правильно подражать. Изображение льва в искусстве, считает Гегель, не столько показывает, что оно совершенно подобно живому льву, но и что образ побывал в представлении и обрел источник своего существования в человеческом духе и его продуктивной деятельности. Мы получаем теперь уже не представление о некотором предмете, а представление о некотором человеческом представлении. Интерес искусства и состоит в том, чтобы поставить перед своим взором и передать другим эти исходные созерцания, «всеобщие существенные мысли», а не просто воспроизвести льва, дерево как таковые или какой-нибудь другой единичный предмет.

Подлинному изображению в искусстве присуща полная адекватность, соразмерность его своему значению, смыслу. Нарушения отмеченной адекватности и соразмерности связаны, по Гегелю, уже с другими средствами репрезентации и коммуникации значения и смысла — символами, аллегориями, знаками.

Ближе всего к изображению, по Гегелю, стоит символ. Гегель различает два значения термина «символ». Символ понимается им как законченный тип художественного созерцания, другое значение — это символ, рассматриваемый с «формальной стороны» как одно из средств репрезентации и коммуникации значения. Определяя символ в его втором значении, Гегель пишет: «символ представляет собой непосредственно наличное или данное для созерцания внешнее существование, которое не берется таким, каким оно непосредственно существует ради

самого себя, и должно пониматься в более широком и общем смысле. Поэтому в символе мы должны сразу же различать две стороны: во-первых, смысл и, во-вторых, выражение этого смысла. Первый есть представление или предмет безразлично какого содержания, а второе есть чувственное существование или образ какого-либо рода» (Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Т. 1. С. 264; цит. по: Басин). В символах чувственно наличные предметы уже в своем существовании в своей внешней форме обладают значением, заключают в себе содержание выявляемого ими представления. Но вместе с тем символ «должен вызывать в нашем сознании не самого себя как данную конкретную вещь, но лишь то всеобщее качество, которое подразумевается в его значении». Например, лев — символ силы, лисица — хитрости, круг — вечности и т.п. Для символа, пишет Гегель в другом месте, характерно «обозначение абстрактных отношений и определений...»

Согласно Гегелю, символ двусмыслен. Во-первых, при его созерцании возникает сомнение, следует или не следует принимать образ за символ, во-вторых, один и тот же образ может благодаря различным ассоциациям употребляться в качестве символа нескольких значений. Правда, символ может лишаться своей двусмысленности, когда соединение чувственного образа и смысла становится привычным и превращается в нечто более или менее условное — требование, отмечает Гегель, необходимое для простых знаков. Но благодаря привычке символ определен и ясен лишь тем, кто вращается в этом условном круге представлений.

Раскрывая подробнее свое толкование аллегории, Гегель первую задачу и видит в том, чтобы олицетворять, представлять в качестве субъекта общие абстрактные состояния или свойства как человеческого, так и природного мира (любовь, справедливость, весну, лето и т.д.). Но субъективность лишена конкретной индивидуальности, поэтому аллегория холодна и бессодержательна. Она создается больше рассудком, чем конкретным созерцанием и волнуемой глубоким чувством фантазией.

Вторая черта аллегории, делающая ее холодной, — это разделение всеобщности и особенности субъекта и предиката. Смысл

аллегорических произведений в их абстрактности тем не менее не двусмыслен, а определен. Выражение особенностей этого смысла достигается через пояснительные предикаты (война — оружие, копья, пушки и т.д.). Но так как в аллегории смысл является господствующим и наглядные черты абстрактно подчинены ему, то форма таких предикатов получает характер голого атрибута. В аллегории определенные внешние черты низводятся до знака, который сам по себе ничего не означает.

Таким образом, аллегория вплотную подводит к характеристике такого средства коммуникации в искусстве, как знак. Однако где-то на пути к знакам находится еще одно средство коммуникации — «выразительные движения», которые также попадают в поле внимания немецкого мыслителя. Характеристику этого средства коммуникации Гегель начинает с описания того, что в предшествующей традиции немецкой философии и эстетики обозначалось термином «естественные» знаки, хотя сам он этого термина не употребляет. Для того чтобы внутреннее содержание души, ощущение человека могло быть воспринято, необходимо, утверждает Гегель, воплощение, предполагающее «круг телесности» — тело. Гегель прежде всего говорит о произвольном выражении души. Произвольное движение души непосредственно превращается в движение телесности, переход внутреннего ощущения в телесный способ наличного бытия. Оно может стать видимым и для других, может получить значение знака внутреннего ощущения, но не необходимо, и во всяком случае без участия воли ощущающего лица.

Овнешняя воплощение внутреннего обнаруживается в облике, походке, смехе, плаче, вообще в голосе еще до того, как он приобретает артикуляцию, еще до его превращения в язык. Не ограничиваясь этим «животным способом» выражения, человек создает членораздельную речь, благодаря которой внутренние ощущения находят свое выражение в словах, проявляются во всей определенности, становятся для субъекта предметными и в то же время для него внешними и ему чуждыми. Членораздельная речь представляет собой поэтому тот высший способ, каким человек овнешняет свои внутренние ощущения. Превращаясь

в язык, голос перестает быть произвольным обнаружением души.

Произвольное выражение зависит от воли и осуществляется посредством жеста. Дух овладевает своей телесностью и сознательно делает ее выражением своих внутренних ощущений. Свободно происходящие воплощения придают человеческому телу своеобразный духовный отпечаток — лицу, осанке, жестам, походке. Речь — наиболее гибкое средство выражения, способное непосредственно воспринимать и передавать видоизменения представлений.

По мере движения от изображения к символу и символическому выражению связь между значением (смыслом) и средством коммуникации приобретает все более условный характер, вследствие чего это средство превращается в знак.

Более полное и развернутое определение знака дано в «Философии духа» (1830). Освободившись от содержания образа, общее представление становится чем-то созерцаемым в произвольно избранном им внешнем материале, оно порождает то самое, что (в определенном различии от символа) следует назвать знаком. Если интеллигенция, т.е. теоретический, познающий дух, что-нибудь обозначила, она тем самым дала чувственному материалу в качестве его души чуждое ему самому значение. Так, например, кокарды, флаг или надгробный камень означают нечто совсем иное, чем то, на что непосредственно указывают. Выступающая здесь произвольность соединения чувственного материала с общим представлением имеет своим необходимым следствием то, что приходится сперва научиться понимать значение знаков. В особенности это справедливо относительно знаков языка. Знак есть непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе... Знак отличен от символа, последний есть некоторое созерцание, собственная определенность которого по своей сущности и понятию является более или менее тем самым содержанием, которое оно как символ выражает; напротив, когда речь идет о знаке как таковом, то собственное содержание созерцания и то, коего оно является знаком, не имеют между собой ничего общего.

Гегель подчеркивает, что «знак следует рассматривать как нечто весьма важное». Оперирова знаками, познание обнаруживает бóльшую свободу и власть при пользовании созерцанием, чем при оперировании символами. Знаки и язык, их взаимосвязь необходимы в системе познающей деятельности (Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Т. 4. С. 414—415; цит. по: Басин). Вместе с изображениями и символами знаки являются теми средствами, с помощью которых внешняя действительность косвенно (в отличие от непосредственного действия на органы чувств) «проникает» в созерцание и представление. Знаки несут содержание действительности.

Важность учения о знаках у Гегеля связана главным образом с тем, что это учение лежит в основе его понимания языка. Гегель подчеркнул, что обыкновенно не обращают внимания на взаимосвязь знака и языка в системе познающей деятельности. В действительности же в языке средство общения является только знаком. В языках определенные звуки являются знаками определенных представлений, чувств и т.д. Это значит, что преобладающая часть звуков языка связана с выраженными посредством них представлениями лишь случайным для содержания образом, хотя исторически и можно было бы доказать, что эта связь между ними первоначально носила иной характер. Можно поэтому сказать, что эта связь носит произвольный внешний характер.

В языке имеются особые звуковые выражения, подражающие внешним предметам, но принцип подражания ограничен звучащими предметами (шум, жужжание, треск и т.д.), и эти звукоподражания не «должны составлять богатство развитого языка». Иное дело — форма, формальная сторона языка, грамматика. По Гегелю, «логический инстинкт» порождает грамматическую сторону. Последняя есть дело рассудка, который запечатлевает в языке свои категории.

С помощью членораздельного произношения звуков могут быть обозначены не только образы в своих определениях, но и абстрактные представления. «Конкретное представление вообще превращается словом-знаком в нечто безобразное, ото-

ждественное со знаком... Слово заменяет собой образ» (там же: 416).

Речь — это форма объективности для субъективности. Только речь в состоянии вобрать, выразить и поставить перед представлением все то, что сознание задумывает и духовно формирует в своей внутренней деятельности. Именно в языке человек сообщает и делает понятными для других представления как таковые. Слово есть наиболее понятное и соразмерное духу средство сообщения, которое может постигнуть все и возвестить обо всем, что только движется и внутренне присутствует на высотах и в глубинах сознания.

Язык — это существование, непосредственно обладающее самосознанием. В языке реализуется самосознание народа. Овладение языком служит мощным инструментом развития мышления. Через все расширяющееся знание языка дух ребенка все больше возвышается над чувственным, единичным, поднимаясь к всеобщему, к мышлению. Слова становятся для нас как бы формами, по которым мы образуем наши идеи. И соответственно с этими формами мы привыкаем все воспринимать и формируем все, что видим и замечаем. Мысль Гегеля, что в соответствии с языковыми формами люди привыкают воспринимать и формировать все, что видят и замечают, трансформировалась у Гумбольдта в его учение о «внутренней форме».

1.4.3. Людвиг Генрих Якоб (1759–1827)

В начале XIX в., в 1812 г., в России вышла небольшая по объему книжка Л.Г. Якоба «Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской Империи» как вторая часть «Курса философии». Людвиг Генрих (Людвиг Кондратьевич) Якоб, получив образование в университете г. Галле (Halle) и защитив диссертацию на степень доктора философии, читал там лекции по философии, филологии, истории, политике, пользовавшиеся большим успехом. Когда в 1807 г. Наполеон закрыл университет в Галле, некоторые профессора получили приглашение в Россию. Среди них оказался и ректор университета Л.Г. Якоб,

приглашенный в незадолго до этого основанный Харьковский университет (Овчинникова, Чумакова, 2002).

В конце 1807 г. Якоб обратился в Главное правление училищ с предложением составить для гимназий Российской империи учебники по курсу «философических наук» (философии, логики, всеобщей грамматики, психологии, правоведения, эстетики, риторики и проч.). К отношению Якоба прилагался краткий проспект, под названием «Мои мысли о сочинении всеобщей учебной книги философических наук для Российских гимназий». В этом проспекте Якоб изложил целый ряд методических идей о структуре и содержании гимназического курса философских наук. Помимо прочего заслуживает внимания предложение «сочинить для каждой науки две учебные книги: 1) сокращенное начертание для руководства ученикам, 2) пространное руководство, в котором бы учителям давалось наставление, каким образом они должны изъяснять сокращенное начертание и снабдить себя всеми пособиями, нужными для полного изучения преподаваемых наук».

Замысел учебника всеобщей грамматики сформулирован у Якоба в следующих выражениях: «Всеобщую грамматику считаю я превосходною наукою для возбуждения размышления в молодых людях и приуготовления их к важнейшим наукам. Она во многих отношениях определяется самою логикою. В сокращенном ее начертании должно в особенности предложить части речи, необходимые для всякого языка, и обратить внимание на разность между необходимым и случайным в языке. Подробное же руководство должно общие правила, в сокращенном начертании содержащиеся, изъяснить примерами из нескольких языков, известных учащимся».

Уже в 1808 г. Якоб представил учебник логики, а в 1812 г. вышло на русском языке его «Начертание всеобщей грамматики». Эта книга представляет собой одно из наиболее кратких и систематичных изложений основ универсальной философской грамматики, традиции которой восходит к грамматике Пор-Рояля.

При чтении «Начертания всеобщей грамматики» обращает на себя внимание близость формулировок Якоба некоторым положениям лингвистики XX в. — и достаточно последовательное

разграничение языка и речи, и определение языка как системы знаков. Эти формулировки, однако, не являются открытиями Якоба. В них отражается взгляд на язык, характерный для всей традиции философской грамматики. Так, разграничение языка и речи в данной традиции является следствием того, что эти понятия различаются в самом языке (ср. соответствующие пары терминов в русском, немецком, английском, французском и других языках) (Клубков 1985).

Некоторые вопросы общей теории языка рассматриваются в двух первых небольших, но в высшей степени содержательных главах. Якоб начинает с изложения элементов теории знака. Как считает Березин, впервые в языкознании Якоб приходит к выяснению понятия языка через определение понятия знака вообще и его роли в умственной жизни человека. Якоб называет языком «каждую систему таких знаков, которые можно по произволу употреблять для сообщения мыслей», на сотню лет опередив аналогичное определение основоположника современной лингвистики Ф. де Соссюра.

Знаком он называет каждый чувственный предмет, служащий средством к возбуждению другого определенного понятия в душе нашей и притом правильным образом. Знаки делятся на естественные — необходимые и искусственные — произвольные. Хотя Якоб не дает определения естественного знака, из контекста его рассуждения следует, что под естественными знаками он понимал систему несловесных приемов выражения информации — знаки внутренних душевных ощущений, например, телодвижения, взгляды и т.д.

Только совокупность искусственных произвольных знаков употребляется, по мнению Якоба, как средство, служащее к сообщению наших понятий. К таким искусственным знакам относятся и человеческие слова. Языком можно назвать «каждую систему таких знаков, которые можно по произволу употреблять для сообщения мыслей».

Наряду с языком как системой произвольных знаков Якоб выделяет другие значащие системы искусственных знаков, выполняющие коммуникативные функции: это письменность, т.е. письменные знаки, не имеющие никакого сходства с означаю-

щим предметом, символы, т.е. иносказательные представления, «срисовка предметов, изображения в собственном смысле».

Искусственные знаки, входящие в словесный язык, обладают рядом преимуществ перед прочими системами:

1) их немного, и разнообразное их расположение позволяет «составить большую разнообразность других знаков»;

2) их немногочисленность дает возможность легче представлять их в памяти;

3) произвольность знака дает возможным их использование в качестве средства общения;

4) возможность их употребления при больших обстоятельствах;

5) их абстрактный характер. Отмеченные особенности знаков делают их пригодными «к мышлению, поелику без оных не можно никакой мысли в отвлеченности составить, а тем паче удержать» (Березин 1973: 21).

Таким образом, Якобом были определены характеристики эффективной знаковой системы. Он полагал, что «знаки для разумного употребления тем совершеннее:

- чем меньше число элементов и чем легче их комбинировать для создания новых знаков,
- чем более они подлежат произвольному употреблению,
- чем в большем числе обстоятельств они могут употребляться,
- чем менее они означают нечто самостоятельное, и только почитаются знаками других понятий (Клубков 1985: 207).

1.4.4. Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835)

По мнению Ф.М. Березина, именно Гумбольдт создал знаковую теорию языка. В труде «О сравнительном изучении языков...» он отмечал, что язык есть одновременно и отражение, и знак. Гумбольдт говорил, что слово — знак отдельного понятия, но нельзя себе представить, чтобы создание языка началось с обозначения словами предметов внешнего мира. Для того чтобы

слово стало словом, оно не просто должно быть облечено в звуковую оболочку, а должно представлять собой двойное единство — единство звука и понятия. Слово не определяет своим звуковым обликом свойство предмета, оно является не эквивалентом чувственно воспринимаемого предмета, а его пониманием. Таким образом, слово как элемент языка мотивировано пониманием предмета, т.е. тем характерным признаком предмета, который лег в основу его наименования и был закреплен языковой практикой; таких характерных признаков может быть много. «Если например — пишет Гумбольдт, — в санскрите слон называется либо дважды пьющим, либо двузубым, либо снабженным рукой, то в данном случае означаются различные понятия, хотя имеется в виду один и тот же предмет» (Березин 1975: 50).

Говоря о возможности соотнесения с одним объектом разных понятий, Гумбольдт дал новое понимание проблемы связи между знаком, представлением и объектом, ставя под вопрос аристотелевскую неразрывную связь между объектом и представлением о нем. Идея всеобщей грамматики, а следовательно и идущего от Аристотеля понимания связи между словом, представлением и предметом таким образом, что мысленные представления, как и вещи, одинаковы для всех людей, и только материальная оболочка слов различна для разных языков, противоречила основному положению Гумбольдта о том, что различия национальных характеров объясняются различиями языков, т.е. мысленные образы отнюдь не одинаковы для всех людей. Для Гумбольдта за разными словами стоит разное видение мира, разные понятия.

Он пошел еще дальше, сформулировав антиномию понимания и непонимания, согласно которой окончательную определенность слова получают только в речи отдельного лица. Но особенность общения состоит, по Гумбольдту, в том, что говорящий и слушающий воспринимают один и тот же предмет с разных сторон и вкладывают различное, индивидуальное содержание в одно и то же слово. Отсюда следует, что «никто не принимает слов совершенно в одном и том же смысле, и мелкие оттенки значений переливаются по всему пространству языка, как круги на воде при падении камня. Поэтому взаимное разумение между разговаривающими в то же время есть и недоразумение, и согла-

сие в мыслях и чувствах в то же время и разногласие» (Березин 1975: 61).

Эстетика Гумбольдта была частью задуманной им всеобщей «Антропологии». По его мнению, наилучшим способом создания последней является изучение систем символов, возникающих в процессе различных человеческих сношений. Идея антропологической науки превратилась у него в идею «всеобщего символизма». Развивая эту идею, Гумбольдт создает свою «всеобщую науку о языке».

1.4.5. Александр Афанасьевич Потебня (1835—1897)

В середине XIX в. знаковой стороной языка заинтересовался Потебня. С точки зрения семиотики интересно в учении Потебни рассмотрение типично семиотической проблемы — связи между знаком, представлением и объектом в ее расширении на использование условных знаков в общении. Вслед за Гумбольдтом Потебня считает, что поскольку у разговаривающих, говоря современным языком, различные фоновые знания — значение каждого слова они понимают, исходя из своего опыта и сложившейся системы представлений, т.е. по-разному — то удивительно, что они понимают друг друга. «Что касается до самого субъективного содержания мысли говорящего и мысли понимающего, то эти содержания до такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явных недоразумениях (например, в сказке о набитом дураке, где дурак придает общий смысл советам матери, которые годятся только для частных случаев), но легко может быть сознано и при так называемом полном понимании. Мысли говорящего и понимающего сходятся между собой только в слове. Графически это можно бы выразить двумя треугольниками, в которых углы В, А, С и Д, А, Е, имеющие общую вершину А и образуемые пересечением двух линий В, Е, С, Д, необходимо равны друг другу, но все остальное может быть бесконечно разнообразно.

Говоря словами Гумбольдта, “никто не думает при известном слове именно того, что другой”, и это будет понятно, если со-

образим, что даже тогда, когда непонимание, по-видимому, невозможно, когда, например, оба собеседника видят перед собой предмет, о котором речь, что даже тогда каждый в буквальном смысле смотрит на предмет со своей точки зрения и видит его своими глазами. Полученное этим путем различие в чувственных образах предмета, зависящее от внешних условий (различия точек зрения и устройства организма), увеличивается в сильнейшей степени от того, что новый образ в каждой душе застает другое сочетание прежних восприятий, другие чувства, и в каждой образует другие комбинации. Поэтому всякое понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях — вместе несогласие» (Потебня 1993: 95).

Но, пожалуй, наиболее интересны идеи Потебни о ближайшем и дальнейшем значении слова, которые на протяжении его жизни изменялись и в одном из вариантов сводились к наличию у слова двух различных значений — ближайшего, общеупотребительного значения и дальнейшего, специализированного и понятного только специалистам. Возможно эта идея была симптомом осознания семантических процессов при формировании терминологий появляющихся в это время наук. Если ранее для наук использовались слова обыденной речи и только в ряде случаев термины резко отличались по характеру от обычных слов (латинские или латинизированные термины биологии и медицины, латино-греческие термины-элементы химии, минералогии) и не ассоциировались с обычной речью, то формирование в течение всего XIX в. большого числа новых областей знания и новых наук, особенно технических, было неожиданным для языка. В этом случае большинство обычных слов наполнялось новым, специализированным содержанием новых областей знания, и возникало двойное понимание — на базе собственного, лексического значения слова и понятийного значения, приобретаемого в системе понятий новой науки.

Таким образом в XIX в. продолжалось развитие некоторых идей семиотики, хотя интерес к знакам был не столь велик, как в предыдущие периоды истории, — рассматривалась проблема произвольности и субъективного истолкования знака, впервые поставлен вопрос о влиянии знаковых систем (языка) на осо-

бенности национального сознания, формулировались критерии эффективности знаковых систем.

Рассмотрение истории развития взглядов на знаки, их разновидности, свойства и особенности употребления, предшествующей появлению семиотики как самостоятельной области знания, дает возможность по-новому взглянуть на некоторые современные проблемы (вопрос о произвольности знака) и понять, что общая теория семиотики строилась не на пустом месте. Классики семиотики Ч. Пирс, Ф. де Соссюр и Ч. Моррис в формировании теоретических положений учитывали опыт своих исторических предшественников — логиков и философов Античности и Средних веков, положения Грамматики Пор-Рояля, философов XIX в.

---

2. ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ СЕМИОТИКИ. КЛАССИКИ СЕМИОТИКИ

2.1. Основоположник семиотики Чарльз Сандерс Пирс (1839—1914)

Как видно из предыдущего раздела, в течение долгого исторического периода вопросы знаков и их использования в общении людей интересовали философов и лингвистов. Однако только во второй половине XIX в. американский философ, логик и математик Чарльз Сандерс Пирс разработал общие основы семиотики, став ее подлинным основателем. Таким образом, между появлением идеи науки о знаках и самой этой науки прошло более двух тысячелетий.

Чарльз Сандерс Пирс — американский философ, который получил блестящую естественно-научную подготовку (в таких областях, как математика, химия, геодезия, астрономия) и прославился своими работами в области математики, логики, физики, геодезии, спектроскопии, астрономии, психологии, антропологии, экономики и семиотики (теории знаков).

Чарльз Пирс был сыном гарвардского профессора Бенджамина Пирса, знаменитого американского математика, профессора астрономии и математики. В 1855—1859 гг. Чарльз Пирс учился в Гарвардском университете. С 1861 г. он работал в Береговом и геодезическом управлении США, деловые отношения с которым не порывал и в последующие 30 лет. С 1869 по 1875 г. Пирс — ассистент Гарвардской обсерватории. За астрономические, геодезические и другие исследования он был избран сначала членом Американской академии искусств и наук, а затем — Национальной академии наук.

С юношеских лет Пирс интересовался литературой, гуманитарными дисциплинами, философией. Логикой он занимался особенно тщательно. Еще в конце 1860-х годов он начал публиковать статьи по логике и философии, которые, правда, не сразу

привлекли внимание специалистов. Именно он ввел сам термин «прагматизм» (от греческого слова «прагма» — дело, действие), а также основополагающий принцип прагматизма, который и получил название «принципа Пирса». Формулирование принципа относится к 1877—1878 гг., когда были опубликованы две статьи Пирса «Закрепление верования» и «Как сделать ясными наши идеи». Еще раньше он прочел на эти темы доклад для избранной группы слушателей, в которую входил Уильям Джемс, тогда физиолог и психолог, но впоследствии ставший фактическим создателем прагматизма как философского направления. В книге «Прагматизм» У. Джемс так изложил принцип Пирса: «Наши убеждения суть фактические правила для действия. Для того чтобы выявить смысл какого-либо утверждения, мы должны лишь определить тот способ действия (в оригинале: *conduct* — поведения), который оно способно вызвать: в этом способе действия и заключается для нас все значение данного утверждения».

В 1879 г. Пирс получил работу младшего преподавателя логики в недавно основанном университете Джона Гопкинса. Это была единственная академическая должность в его жизни. Несмотря на то что Пирс стал известным ученым, логиком и философом, его педагогическая карьера в американских университетах не ладилась. Причинами были более чем необычная для того времени свободная манера преподавания (Пирс не заботился о ясности и связности изложения, ориентировался лишь на наиболее одаренных слушателей) и утверждаемая им идея университетов как элитарных научных центров. Поэтому Пирс так и не нашел в Америке постоянного профессорского места.

Бертран Рассел считал Пирса величайшим американским мыслителем, а Карл Поппер — одним из величайших философов всех времен. Идеи Пирса настолько опережали свое время (в математике на 20—30 лет, в логике — на 50—70 лет, в кибернетике на 70—100 лет), что при его жизни не были признаны. В России, начиная с 1980-х годов, его идеи были положены в основу разработки систем Искусственного интеллекта, в результате чего ими заинтересовались во Франции, Германии, Дании, Финляндии, а в последнее время и в США.

Необычайная одаренность Пирса вызвала зависть и ненависть некоторых его коллег, занимавших официальные посты. Президент Гарвардского университета в 1869—1909 гг. Чарльз Элиот налагал вето на все попытки принять Пирса на работу, а считавшийся в те годы ведущим американским ученым Саймон Ньюкомб тайно срывал все попытки Пирса получить работу или гранты, стараясь опорочить его научный престиж (Wikipedia).

Всю жизнь Пирс страдал от лицевой невралгии — чрезвычайно болезненного состояния. Неудачно складывалась и семейная жизнь Пирса: его первая жена ушла от него в 1875 г., и только в 1883 г. он получил развод и смог оформить свой гражданский брак со второй женой. В том же году бдительный Ньюкомб обратил внимание совета директоров университета Джона Гопкинса на то, что преподаватель Пирс, находясь у них на службе, проживал совместно с женщиной, на которой не был женат. В результате Пирс был со скандалом уволен и позднее не смог устроиться на работу в университет Кларка, Висконсинско-Мэдисонский университет, Мичиганский университет, Корнельский университет, Станфордский университет и университет Чикаго как морально непригодный к академической работе где-либо в США. Детей у него не было ни от первого, ни от второго брака.

В 1891 г., после получения небольшого наследства, он вышел в отставку, прекратив работу в Береговом и геодезическом управлении. Последние десятилетия жизни Пирса прошли в бедности и забвении — на наследство от родителей он смог купить участок бесплодной земли и построить дом, где провел остаток жизни, напряженно работая над рукописями. Последние двадцать лет у него не было денег на отопление зимой и на еду, и он питался только старым хлебом, из жалости даваемым местным пекарем. Не имея денег на бумагу и уплату налогов, он писал на обороте старых рукописей и некоторое время вынужден был скрываться в Нью-Йорке, пока его соседи и брат собирали деньги на уплату налогов. За нищенскую плату он давал научные и инженерные консультации, писал статьи для научных журналов, энциклопедий и словарей, делал переводы и математические расчеты для самолетостроения. Он обращался в недавно основанный фонд Карнеги за грантом для написания книги, но его попытка была

обречена на неудачу, поскольку в совете директоров работал Ньюкомб. В этот безысходный период ему очень помогал его старый друг Уильям Джемс, который ежегодно, с 1898 г. до смерти Пирса в крайней нищете в 1914 г., обращался к Бостонской интеллигенции за пожертвованиями для помощи ему.

Пирс оставил значительное литературное наследие, в том числе не вышедшие при жизни работы по философии и логике. Только в конце 1960-х годов стало ясно, что уцелело около 1650 рукописей Пирса объемом свыше 100 тысяч страниц. Большинство его произведений при жизни не было опубликовано и вышло в свет спустя много лет после его смерти. В 1931—1935 гг. было опубликовано собрание сочинений Пирса в шести томах.

Начиная с середины XX в. работы Пирса получили широкое признание за рубежом — они переводились на немецкий, французский, финский, испанский и шведский языки. В университетах Бразилии, Финляндии, Германии, Франции, Испании и Канады организованы исследовательские центры, посвященные изучению творчества Пирса, в 1946 г. основано Общество Пирса, с 1965 г. выпускающее его научные труды. В последние годы центры Пирса появились даже в США в университетах Индианы и Пенсильвании. В настоящее время с истинно американским размахом предпринимается издание его творческого наследия в 32 томах.

Особое внимание сегодня уделяется семиотике Ч.С. Пирса. Современным исследователям кажется весьма привлекательным его проект — развить «радикальную теорию знаков». Под «радикализмом» пирсовской теории знаков имеются в виду утверждения Пирса, которые ведут к своего рода семиотическому (знаковому) редукционизму, т.е. сведению сознания и человеческой деятельности к сумме знаков и знаковым действиям «Нет ни одного элемента человеческого сознания, которому не соответствовало бы что-то из (мира) слова... Слово, которое человек употребляет, (есть) сам человек... Поскольку, таким образом мой язык есть совокупная сумма меня самого, то человек есть мышление». И если раньше такого рода редукционизм вызывал опасения и критику, то в современной семиотической философии он вполне принимается, опять-таки в духе прагматизма, как

удобная, операциональная философская теория. Сбылось предсказание Пирса о том, что семиотике, в его время бывшей неизвестной землей, суждено в будущем превратиться в широкую и важную область исследований (Чарльз Сандерс Пирс // <http://historic.ru/> «Historic.Ru: ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ»).

Основными положениями новой науки стали понятия о знаковой ситуации и типах знаков. Следует заметить, что раздел «Общая теория знаков» в работе «Элементы логики», в отличие от большинства его работ, выполненных в нетрадиционной и тяжелой для восприятия форме, написан простым и ясным языком.

Согласно Пирсу, **знаковая ситуация** включает **знак**, замещающий **объект**, создавая в разуме воспринимающего знак определенное впечатление, которое Пирс называет **интерпретантой** (Peirce 1897, par. 228). Связь между первым элементом знаковой ситуации — знаком и вторым — объектом дает возможность знаку определять третий элемент — интерпретанту (представление) (par. 274).

Типология знаков, которой Пирс уделял большое внимание, обращаясь к ней в работах разных лет, была разработана им чрезвычайно детально и предусматривала 66 типов знаков, сгруппированных в 10 групп на основе свойств знаков и отношений между элементами знаковой ситуации.

В ранних работах Пирс выделяет меньшее число знаков, которые он разделяет на три группы (на основе соотношений знака с самим собой, с объектом и с интерпретантой) по три типа в каждой: во-первых, на основе существования знака как простого качества, как реального факта или как общего закона; во-вторых, в зависимости от отношения знака к обозначаемому объекту, основанного или на общей с объектом характеристике, или на характеристике, связанной с этим объектом, или на характеристике, связанной с восприятием знака: в-третьих, на основе представления его восприятием как возможного знака, или как фактического знака или, как мыслимого знака (Ibid, par. 243).

В первой группе различаются **квалисигнум** (квалисайн, качественный знак) — «качество, которое является знаком», **синсигнум** (синсайн, единичный знак) — «реально существующий

предмет или событие, которое является знаком», и *легисигнум* (легисайн, условный знак) — «закон, который является знаком». Под законом понимается договоренность, «любой условный знак является легисигнумом», тогда как каждое отдельное употребление знака есть синсигнум — слово может встретиться на странице 15–25 раз и во всех этих употреблениях является тем же самым словом, легисигнумом, но каждое отдельное употребление является синсигнумом (Ibid, par. 244–246). Таким образом, разница между синсигнумом и легисигнумом в языке реализуется в виде различия между единицей речи и единицей языка.

Следует заметить, что первый и второй знаки не вполне самостоятельны, а, скорее, представляют собой определенные аспекты знака — его качественный характер и реализацию (что приводит Ю.К. Мельвиля к выводу о том, что они знаками не являются (Мельвиль 1968). Кроме того, это деление знаков в сущности предполагает не одно, а два основания: отношения между знаком и его качественной стороной и между знаком и его реализацией. По-видимому, возможна интерпретация отношения между синсигнумом и легисигнумом как между единичным и общим знаками (ср. Мельвиль 1968: 181).

Во второй группе, основанной на отношениях между знаком и объектом, выделяются следующие типы знаков (эти типы были введены еще в XII в. Абеяром — см. 1.2.1):

образы (icons) — знаки, относящиеся к объекту на основе схожести характеристик;

признаки (indices) — знаки, относящиеся к объекту на основе воздействия этого объекта, смежности с объектом; они обязательно имеют какую-то общую с объектом характеристику и

коды (symbols) — знаки, относящиеся к объекту на основе соглашения, обеспечивающего понимание знака, как относящегося к объекту (Peirce 1897, par. 247–249).

Первый знак Пирс также называл *подобием* (likeness), а второй — также *указателем* (indication). Для уточнения понимания характера этих знаков Пирс возвращается к ним несколько ниже, давая дополнительные пояснения и примеры.

Образ представляет объект в основном в силу подобия. Образы могут быть поделены на *отражения*, основанные на прямом подобии, *диаграммы*, в которых отношения определенных характеристик объекта представлены подобными отношениями характеристик знака, и *метафоры*, в которых определенные характеристики объекта представлены аналогией каких-либо других характеристик знака. Типичными примерами образов являются фотографии и картины, а также диаграммы, которые основаны на аналогии. К образам относятся и алгебраические формулы, отражающие определенные отношения между величинами (pag. 276—279).

В качестве примеров признаков могут рассматриваться такие явления, как характерная походка моряка, указывающая на его профессию; предметы одежды разных народов, указывающие на их национальность; часы, указывающие время; стук в дверь, указывающий на посетителя; гром, являющийся признаком грозы; приборы, например барометр и ватерпас; Полярная звезда, указывающая на север; деиктические местоимения «этот» и «тот»; другие местоимения: «любой», «каждый», «никто» (pag. 285); собственные имена; симптомы (Peirce 1904: 335).

В качестве примеров кодов Пирс приводит различные виды знаков, значение которых устанавливается предварительным соглашением: сигнальный костер, являющийся условным сигналом, флаг или вымпел, театральный билет, любой билет или чек, дающий право на получение чего-либо, любое обычное слово. Код не указывает на конкретный предмет, а обозначает тип предмета. Число кодов постоянно увеличивается в результате развития других видов знаков, чаще всего образов. Развиваются и значения кодов — многие широко известные слова имеют для нас совершенно иное значение чем когда-то для наших предков. В своих рассуждениях мы используем все три вида знаков (Peirce 1894).

Типы знаков, принадлежащие этой группе, наиболее широко известны и практически только они используются современными специалистами. Именно здесь и наиболее отчетливо проявляется разница в терминологии отдельных отечественных исследователей. Эта разница отчасти может быть объяснена

вполне естественными изменениями, произошедшими за последние пятьдесят лет в ходе развития теории семиотики. Однако в большой мере это расхождение может быть следствием недостаточного знакомства с подлинными взглядами Пирса, поскольку до 1990-х годов на русском языке был издан только небольшой отрывок из работы «Элементы логики» (в сборнике «Семиотика»), выбранный несколько неудачно и не дающий представления о предложенной Пирсом типологии знаков. Поэтому большая часть взглядов Пирса на знаковую теорию была известна в изложении других ученых (Ч. Морриса, Р. Якобсона, Г. Карри, Ю.К. Мельвиля, А.А. Ветрова, А.М. Коршунова и В.В. Мантатова, Ю.С. Степанова). К этому следует добавить отмеченную американскими издателями собрания сочинений Пирса чрезвычайную сложность и труднодоступность изложения в его работах, что усугубляется неудачным переводом большинства основных терминов семиотики.

В отечественной литературе для первого типа знаков — образов (icons) используются термины «икона», «иконический знак» (Коршунов и Мантатов 1974, Моррис 1938, Симкин 1976, Уфимцева 1990), «изображение» (Кондаков 1976), «копия» (Философский словарь 1986), «знак-копия» (СЭС 1985). Первые два термина не дают представления о характере соответствующего понятия, являясь скорее материальным заимствованием; два последних явно неудачны, поскольку Пирс описывает этот знак как образ, дающий определенную картину объекта, представление об объекте, но не являющийся копией объекта, как и вызываемое им представление в силу его субъективности не является его точным соответствием (Пирс, п. 92). Кроме того, вряд ли можно считать копией предмета его фотографию, картину или схему и трудно представить себе, как копии могут быть поделены на отражения, диаграммы и метафоры. Удачнее термин «изображение», но и он не очень удобен для называния метафоры или формулы. Поэтому, основываясь на дальнейшем делении Пирсом этого типа знаков и приводимых им примерах, удобнее всего использовать прямой перевод слова icon — образ. Термин «образ» точнее всего соответствует дальнейшему делению данно-

го типа знаков и вполне понятен, что значительно упрощает понимание идей Пирса.

Для второго типа знаков используются термины «признак» (Кодухов 1974, Маслов 1975, 1987, Головин 1979, Философский словарь 1986), «знак-признак» (СЭС 1985), «примета, показатель, симптом» (Уфимцева 1970), «индекс» (Коршунов и Мантатов 1974, Кондаков 1976, Моррис 1938), «знак-индекс» (Моррис 1938, Симкин 1976, Уфимцева 1990) и «индексальный знак» (Моррис 1938). Формальное заимствование английского термина, используемое в трех последних случаях, не позволяет дать точное представление о данном понятии, поскольку у слова «индекс» в русском языке есть другие привычные значения. Возможно точнее был бы перевод термина *index* как «указатель», поскольку в пар. 285 Пирс обращает внимание на выполняемую этим знаком функцию указания, о чем свидетельствуют и приводимые им примеры. Однако термин «признак» широко употребляется специалистами, соответствует данному понятию и вполне может быть использован для его названия.

Для третьего типа знаков используются термины «символ» (Коршунов и Мантатов 1974, Кондаков 1976), «знак-символ» (Моррис 1938, Симкин 1976, Уфимцева 1990), «сигнал». Замеченная Кондаковым необязательность сходства (подобия) символа с объектом и непривычное для современного понимания значение слова «символ» (у Пирса в символе нет ничего символического в современном значении), по-видимому, привели к современному выделению рядом авторов (Кодухов 1974, Маслов 1975, 1987, Головин 1979) двух типов условных знаков: *сигнала* (немотивированного условного знака) и *символа* (мотивированного условного знака).

Возможно эти два новых вида знаков были введены в обиход еще в начале XX в. австрийским психологом К. Бюлером, который выделял в своей классификации знаков по функции (выражения, побуждения и сообщения) — в зависимости от того, какой из трех основных элементов коммуникации (отправитель, адресат или сам предмет сообщения) находится на первом плане — три категории знаков: *симптомы*, т.е. знаки, имеющие экспрессивную функцию и выражающие «внутреннюю сущ-

ность посылающего»; *сигналы*, т.е. знаки, имеющие функцию побуждения «в силу своего обращения к слушающему, внешнее и внутреннее поведение которого ими направляется»; и, наконец, *символы*, т.е. знаки, имеющие функцию сообщения «в силу своей ориентации на предметы и материальное содержание» (Бюлер 1965: 26).

Современное понимание термина «символ» как знака, отражающего свойства объекта, ближе к тому, что Пирс понимал под образом. Так, согласно Ф. де Соссюру, в символических системах существует естественное необходимое отношение подобия между символизирующим (материальной поддержкой) и символизируемым (значением сигнала): например, стилизованный рисунок вигвама на дорожном знаке, указывающий наличие кемпинга, до сих пор рассматривается как символ.

Таким образом, налицо смещение понятий: то, что Пирс называл символом (*symbol*), стало в ряде работ называться сигналом, а термин «символ» стал иногда использоваться для того, что Пирс называл образом (*icon*).

Для того, чтобы современные коннотации не затрудняли понимание характера третьего типа знаков второй триады, нами был предложен термин *код*, который, по нашему мнению, точнее передает характер этого типа знаков в понимании Пирса — знак, приписываемый объекту по соглашению, безотносительно к наличию или отсутствию общих с объектом характеристик (Гринев 1997).

В третьей группе, основанной на восприятии знаков, Пирсом выделяются *рема*, которая, по ее восприятию, является возможным знаком; *дицисигнум*, который, по его восприятию, является действительно существующим знаком и поэтому не может быть образом, поскольку образ не обязательно совпадает с действительным объектом; и *аргумент*, который, по его восприятию, является знаком закона (договорным, условным знаком). «Иначе говоря, можно считать рему знаком, воспринимаемым как представление объекта только с точки зрения его качественных сторон; дицисигнум — знаком, воспринимаемым как представление объекта с точки зрения его действительного существова-

ния, а аргумент — знаком, воспринимаемым как представление объекта с точки зрения выполняемой им функции знака» (Peirce 1897, par. 250—252).

Согласно Пирсу, полная характеристика знаков может быть дана только на основе трех вышеописанных трихотомий, позволяющих разделить существующие знаки на десять основных классов:

(1) квалисигнум (качественный знак) — любое качество (например, ощущение красноты), и поскольку качество обозначает объект на основе некоторого общего компонента или подобия, оно неизбежно является образом, и поскольку качество является простой логической вероятностью, оно является вероятностным знаком (ремой);

(2) образный синсигнум (образный фактический знак) — любой объект опыта, обладающий некоторым качеством, определяющим представление об объекте (например, конкретная диаграмма). Он может быть воспринимаем только как вероятностный знак (рема);

(3) рематический признаковый синсигнум (вероятностный фактический признак) — любое непосредственно воспринимаемое явление, привлекающее внимание к вызывающему его объекту (например, неожиданный крик боли или радости);

(4) дицисигнумный синсигнум (информирующий фактический знак) — любое непосредственно воспринимаемое явление, дающее информацию о соответствующем объекте (например, фотография или флюгер). Это образ;

(5) образный легисигнум (образный условный знак) — любое условное общее явление, обладающее в каждой своей реализации определенным качеством вызывать представление о подобном объекте (например, диаграмма в отвлечении от ее конкретных реализаций). Будучи образом, он должен быть вероятностным знаком (ремой);

(6) рематический признаковый легисигнум (вероятностный условленный признак) — условный знак, являющийся в каждой своей реализации результатом влияния объекта, с тем чтобы привлечь внимание к этому объекту (например, указательное местоимение, вероятностный характер которого вызван тем, что

каждый раз оно может использоваться для обозначения иного объекта);

(7) дицисигнумный признаковый легисигнум (информирующий условный признак) — условный знак, являющийся в каждой своей реализации результатом влияния объекта, с тем чтобы дать информацию об этом объекте (например, дорожный знак);

(8) рематический код, или кодовая рема (вероятностный код), — знак, связанный с объектом ассоциацией, на основе которой он вызывает общее понятие и интерпретируется как знак объекта (например, нарицательное существительное). Он должен быть условным знаком (легисигнумом);

(9) дицисигнумный код (информирующий код) — знак, связанный с объектом ассоциацией, на основе которой он вызывает общее понятие. Он должен быть условным знаком (легисигнумом);

(10) аргумент — знак, восприятие которого (интерпретанта) представляет его объект как истинную договоренность. Это условный знак (легисигнум) и код (pag. 254—263).

Аналогичные мысли высказываются и в других работах — «Об алгебре логики: к философии знаковой системы» (Peirce 1885), «К леди Уэлби: о знаках и категориях» (Peirce 1904), «К леди Уэлби: о классификации знаков» (Peirce 1908). В последней работе он говорит уже о 10 основаниях классификации знаков, добавляя к вышеперечисленным трем основаниям еще такие как различие между непосредственным и динамическим объектами, их представлением, непосредственной и динамической интерпретантой, а также их представлением. В своей теории семиотики Пирс испытал влияние теории знаков Дунса Скотта с ее развитием в работах Джона Пойнсота.

Таким образом, Пирс ввел представление о знаковой ситуации (правда, так ее не называя) и предпринял попытку наиболее полной классификации типов знаков на основе отношений элементов знаковой ситуации и таких свойств знаков, как степень вероятности использования и характер связи с объектом.

В дальнейшем при описании представления Пирса о знаковой ситуации стал использоваться семиотический треугольник, в основу которого лег треугольник Фреге. Немецкий логик, мате-

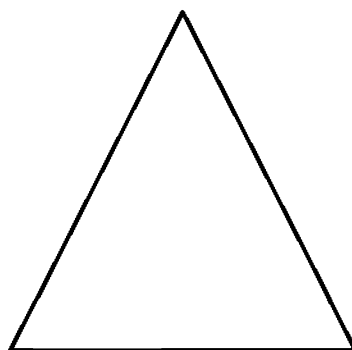
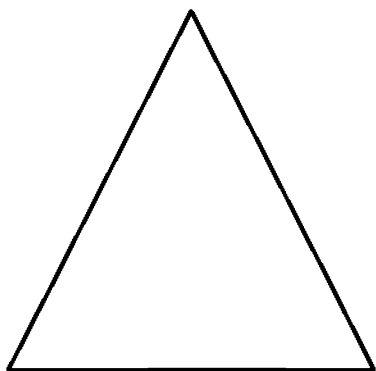
матик и философ Готлоб Фреге (1848—1925) является основателем современной логической семантики. В 1892 г. в своей работе *Смысл и денотат* (известной также под названием «О смысле и значении») он установил отношения между именем, значением и смыслом. В понимании Фреге значение имени есть тот предмет, который обозначается (назван) этим именем, а смысл имени можно описать как те сведения, ту информацию, которая заключена в имени (Бирюков 1960). Теория легла в основу того, что впоследствии было названо «логическим треугольником» (или «треугольником Фреге»).

Объект, представляемый знаком, логики стали называть денотатом; представление о денотате, точнее, о всем классе денотатов, сложившееся у субъекта знаковой деятельности, именовалось концептом (десигнантом). В языкознании сложилась несколько иная терминология: здесь под значением или смыслом, которые в большинстве случаев употребляют как синонимы, понимают или умственное представление об объекте, или отношения между знаком и обозначаемым им предметом, объектом и между знаком и представлением о предмете. Между треугольником Фреге и графическим (в виде треугольника) представлением знаковой ситуации Пирсом заметна определенная терминологическая разница.

Треугольники Фреге и Пирса

Смысл

Интерпретанта
(представление)

Имя

Значение

Знак

Предмет

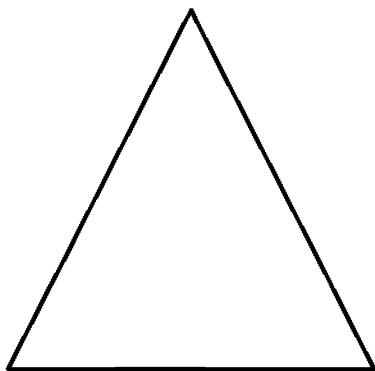
Будучи в первую очередь логиком и математиком, Пирс рассматривал проблемы знаков в рамках логики, иногда смешивая семиотику с логикой, хотя учитывал и психологические аспекты восприятия знака.

В языкознании использование семиотического подхода при рассмотрении понятия значения в рамках знаковой ситуации нашло выражение в трансформации треугольника Фреге в так называемый семантический треугольник, или треугольник Огдена—Ричардса. В 1923 г. английские ученые С.К. Огден и И.А. Ричардс опубликовали книгу с характерным названием: «Значение значения. Исследование влияния языка на мышление и научный символизм». В этой книге предложен семантический треугольник, который представляет собой удачную модель взаимосвязи трех уже известных нам логико-лингвистических категорий:

- данный в ощущениях объект реальной действительности или явление психического мира, именуемые в логике «денотат», а в лингвистике «референт»;
- возникающий в сознании людей мысленный образ данного объекта, который в логике называется «понятие», в психологии «представление», а в лингвистике «значение» или «смысл»;
- принятое в человеческом обществе наименование объекта — «имя» (слово, лексема, знак) (ср. А.В. Соколов).

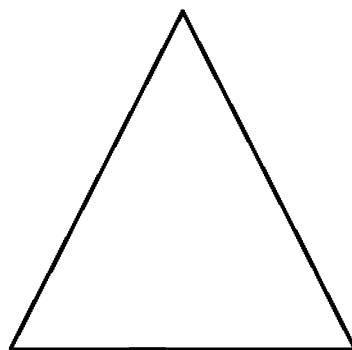
**Треугольник
Огдена—Ричардса**

Референция

**Современный семантический
треугольник**

Представление (сигнификат)

Символ (слово)

Референт

Слово

Предмет (денотат)

По мнению Огдена и Ричардса, всякий раз, когда высказывается или понимается какое-нибудь утверждение, налицо три фактора: символ (слово), референс (мысль) и референт (предмет, о котором мы мыслим или который мы имеем в виду). Назначение треугольника как раз и заключается в том, чтобы в наглядной форме воспроизвести отношения, существующие между этими факторами.

В современной лингвистике отношение слово–представление называется сигнификативным значением, или **сигнификацией** (обозначением, от англ. обозначать), а слово-предмет — денотативным значением, или **денотацией** (указанием, от англ. указывать на что-л.). В ряде случаев кроме прямого значения — указания на объект (денотации), в слове представлены **коннотации** — эмоциональные, оценочные или экспрессивные элементы (ср. нейтральное *дом* и *домишко*, *лачуга*, *домик*, *палаты*).

2.2. Фердинанд де Соссюр (1857–1913)

Семиотические вопросы рассматривались и в работах основателя современной лингвистики — швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, который в первую очередь исследовал языковые знаки, хотя и обращал внимание на общность языка и других знаковых систем и считал, что лингвистика является частью общей теории знаков. Соссюр выделял в языковом знаке две стороны — понятие (означаемое) и акустический образ (означающее) и, таким образом, рассматривал знак как полностью психическое явление (см.: Головин 1979: 111–112). В отличие от Пирса, для которого знак — скорее материальный объект, у Соссюра как означаемое (понятие), так и означающее (акустическое ощущение) имеют психический характер: «...акустический образ... является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим отпечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств» (Соссюр 1977: 99).

Принято считать, что именно Соссюр впервые выдвинул идею билатеральности (двусторонности) и психического ха-

рактера знака, однако именно такова концепция знака в «Логике Пор-Рояля», которую он, несомненно, знал и использовал в своей работе. Согласно М. Фуко, «Логика Пор-Рояля» так формулирует концепцию знака: «Знак заключает в себе две идеи — идею вещи, которая представляет, и идею представленной вещи, причем природа знака состоит в возбуждении первой идеей второй» (Logique de Port-Royal, I partie, ch. IV). Это дуальная теория знака, прямо противопоставленная более сложной организации эпохи Возрождения; тогда теория знака содержала в себе три совершенно различных элемента: то, что было отмеченным, то, что было отмечающим, и то, что позволяло видеть во втором метку первого; этот последний элемент был сходством: знак отмечал в той мере, в какой он был «почти той же вещью», что и вещь, которую он обозначал. Эта унитарная и тройная система исчезла в то же самое время, что и «мышление посредством сходства», будучи заменена строго бинарной организацией. ...Бинарная диспозиция знака в том виде, в каком она появляется в XVII в., заменяет ту организацию, которая всегда, хотя и различным образом, была троичной, начиная со стоиков и даже с первых греческих грамматистов» (Фуко 1977: 97–98).

Соссюр подчеркивает: «Мы называем **знаком** соединение понятия и акустического образа, но в общепринятом употреблении этот термин обычно обозначает только акустический образ, например слово *arbor* и т.д. Забывают, что если *arbor* называется знаком, то лишь постольку, поскольку в него включено понятие “дерево”, так что чувственная сторона знака предполагает знак как целое.

Двусмысленность исчезнет, если называть все три наличных понятия именами, предполагающими друг друга, но вместе с тем взаимно противопоставленными. Мы предлагаем сохранить слово *знак* для обозначения целого и заменить термины *понятие* и *акустический образ* соответственно терминами *означаемое* и *отмечающее*; последние два термина имеют то преимущество, что отмечают противопоставление, существующее как между ними самими, так и между целым и частями этого целого. Что же касается термина “знак”, то мы довольствуемся им, не зная, чем

его заменить, так как обиходный язык не предлагает никакого иного подходящего термина» (Соссюр 1999: 70).

Таким образом, в трактовке Соссюра традиционный семиотический треугольник (Пирса) превращается в четырехугольную фигуру: акустическое явление (сочетание звуков) — акустический образ в сознании человека — представление о денотате в сознании человека — денотат, причем под знаком понимается только неразрывное сочетание акустического образа и представления.

Представление знака

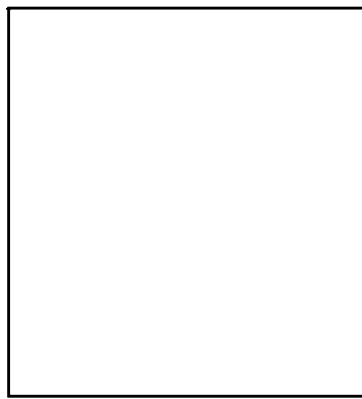
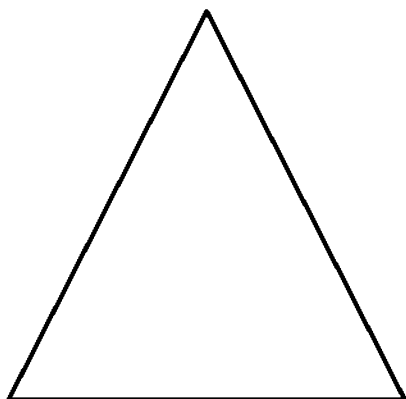
у Пирса

у Соссюра

Интерпретанта
(представление)

Означающее
акустический
образ

Означаемое
представление
о денотате

Знак

Предмет
(денотат)

Звуки

Предмет
(денотат)

Нетривиальный подход Ф. де Соссюра к проблеме знака не всегда правильно понимается. Как отмечает Б.Н. Головин «В современной лингвистике», взгляды Соссюра нередко приспособляются к мировоззрению излагающих и обсуждающих эти взгляды лингвистов, и получается, что обозначаемое — это предмет, вещь, а обозначающее — звуковая, материальная оболочка слова; другой вариант: обозначаемое — это понятие, обозначаю-

щее — звучание слова. Но это, как легко убедиться, не соответствует взглядам женевского лингвиста, для которого языковой знак — психичен целиком, а значит, психичен и построенный из знаков язык» (Головин 1977: 112). Сам Головин трактует знак, правда языковой, как «...феномен материально-идеальный, а не психический: его значение — идеально, его объективная, доступная восприятию посредством органов чувств форма — материальна» (там же: 113).

По нашему мнению, необходимо учитывать, что материальная форма знака вызывает в представлении определенный образ (не только акустический — в зависимости от материального воплощения знака), и это усложняет наше представление о знаковой ситуации. Вместо двух компонентов знака — материальной формы (например, сочетания звуков) и значения (представления о денотате) — с введением Соссюром психического образа материальной формы мы должны учитывать три таких компонента. Однако игнорировать материальную форму знака все же не следует (хотя и такой взгляд имеет право на существование), поскольку психический образ знака основан на восприятии его материальной формы и, как правило, неразрывно связан с ней.

В своих размышлениях о природе языкового знака, Соссюр отметил ряд его свойств, в первую очередь произвольность, немотивированность и линейный характер означающего: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: *языковой знак произволен*.

Так, понятие “сестра” не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков *s-oeu-r*, служащей во французском языке ее означающим; оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков; это может быть доказано различиями между языками и самим фактом существования различных языков: означаемое “бык” выражается означающим *b-oe-f* (франц. *boeuf*) по одну сторону языковой границы и означающим *o-k-s* (нем. *Ochs*) по другую сторону ее.

...Для обозначения языкового знака, или, точнее, того, что мы называем означающим, иногда пользуются словом *символ*. Но пользоваться им не вполне удобно именно в силу нашего первого принципа. Символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например колесницей.

Слово *произвольный* ...требует пояснения. Оно не должно пониматься в том смысле, что означающее может свободно выбираться говорящим (как мы увидим ниже, человек не властен внести даже малейшее изменение в знак, уже принятый определенным языковым коллективом); мы хотим лишь сказать, что означающее *немотивировано*, т.е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи.

Отметим в заключение два возражения, которые могут быть выдвинуты против этого первого принципа.

1. В доказательство того, что выбор означающего не всегда произволен, можно сослаться на *звукоподражания*. Но ведь звукоподражания не являются органическими элементами в системе языка. Число их к тому же гораздо ограниченной, чем обычно полагают...

2. Что касается междометий, весьма близких к звукоподражаниям, то о них можно сказать то же самое, что говорилось выше о звукоподражаниях. Они также ничуть не опровергают нашего тезиса о произвольности языкового знака. Весьма соблазнительно рассматривать междометия как непосредственное выражение реальности, так сказать, продиктованное самой природой. Однако в отношении большинства этих слов можно доказать отсутствие необходимой связи между означаемым и означающим. Достаточно сравнить соответствующие примеры из разных языков, чтобы убедиться, насколько в них различны эти выражения (например, франц. *ai'e!* соответствует нем. *au!* «ой!»). Известно к тому же, что многие междометия восходят к знаменательным словам (ср. франц. *diable!* «черт возьми!» при

diable «черт», *mordieu!* «черт возьми!» из *mort Dieu*, букв. «смерть бога» и т.д.).

Итак, и звукоподражания и междометия занимают в языке второстепенное место, а их символическое происхождение отчасти спорно» (Соссюр 1999: 70–72).

Касаясь принципа *линейности* означающего, Соссюр пишет: «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение— это линия.

Об этом совершенно очевидном принципе сплошь и рядом не упоминают вовсе, по-видимому, именно потому, что считают его чересчур простым, между тем это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы. Он столь же важен, как и первый принцип... В противоположность означающим, воспринимаемым зрительно (морские сигналы и т.п.), которые могут комбинироваться одновременно в нескольких измерениях, означающие, воспринимаемые на слух, располагают лишь линией времени; их элементы следуют один за другим, образуя цепь. Это их свойство обнаруживается воочию, как только мы переходим к изображению их на письме, заменяя последовательность их во времени пространственным рядом графических знаков» (там же: 72–73).

В современной трактовке тезиса Соссюра о произвольности знака существуют два распространенных заблуждения: во-первых, что Соссюр первым выдвинул идею произвольности знака; во-вторых, что Соссюр учитывал при этом только звукоподражания и междометия, которые, если частично и мотивированы, то, подобно другим словам, принимают в разных языках различную форму.

Как можно заметить из предыдущего исторического раздела, на произвольность слов как знаков указывали многие исследователи, начиная от Платона (в диалоге «Кратил») и Аристотеля. О произвольности слов говорили номиналисты Средневековья, Гоббс, Локк (см.: Березин: 25; Нелюбин: 86), Лейбниц, Кант, Ге-

гель, Якоб — словом, Соссюр отнюдь не был первым, кто заметил это свойство словесных знаков.

Что касается представленных Соссюром свойств знака, то если со свойством линейности для речи, всегда носящей линейный характер, можно безоговорочно согласиться, то тезис о безусловной произвольности и немотивированности знака отнюдь не является бесспорным. Б.Н. Головин по этому поводу пишет: «Тезис о немотивированности знака заслуживает внимания, но не может быть безоговорочно принят, даже если разделить предложенное Соссюром понимание знака как двусторонней психической сущности. Во-первых, если и означающее и означаемое одинаково психичны и образуют психическое же целое, так сказать, сливаются в этом целом, то невозможно представить независимость одной стороны этой двуединой психической сущности (означающего) от другой (означаемого). Во-вторых, просто неверно (и это хорошо показывают факты различных языков), будто звукоморфемная структура слова (означающее) не зависит от его семантики (означаемое). В словах производных (а таких слов в развитых литературных языках большинство) мотивированность их материальной структуры выражаемым значением выявлена достаточно хорошо для того, чтобы ее увидеть: любое сложное слово немецкого языка (таких слов в этом языке множество) говорит или даже кричит о своей большей или меньшей мотивированности: *Bergbauingenieurschüle* “школа горных инженеров”, *Blumengarten* “цветник” и т.д. В русских производных, простых и сложных, словах также отчетливо просматривается их мотивированность тем значением, для выражения которого они были созданы языком: *вбежать* и *выбежать*, *приклеить* и *отклеить*, *ученик* и *учитель*, *цветочница* и *цветовод*, *воздухоплаватель* и *космонавтика*. Именно потребности выражаемой информации и сложившиеся в языке словообразовательные закономерности предопределяют ту звукоморфемную оболочку, которую получит вновь рождаемое языком слово. Никакого произвола в смысле независимости одной стороны слова от другой (материальной от семантической) в языке нет» (Головин 1977: 113–114).

Далее Головин заключает: «Знак — материальный носитель социальной информации. Он не произволен в системе языка, потому, что создание каждого нового знака обусловлено достигнутым состоянием всей системы. Он произволен по отношению к реальным объектам только в том смысле, что сами свойства этих объектов не требуют, чтобы их обозначали одним, а не другим звукосочетанием. Однако знак не случаен и по отношению к объекту, потому что существуют реальные связи между объектами, предрекающие многие связи между словами, в частности уже существующими и вновь образуемыми. Если в языке есть глагол *читать* и есть закономерные способы образования производных слов, то совершенно не случайно отвлеченное действие будет названо словом *чтение*, человек, осуществляющий это действие, словом *читатель*, а место, где занимаются осуществлением этого действия, *читальня*. Получается, что реальные свойства реальных объектов влияют на выбор людьми той формы, которую получит вновь создаваемое слово. Таким образом, произвольность знака и по отношению к объекту становится весьма и весьма относительной» (там же: 116).

К этому можно добавить, что если с точки зрения современности многие (но далеко не все) слова не мотивированны, то этимологические исследования во многих случаях позволяют раскрыть мотивированный характер опрощенных или заимствованных слов (в языках-источниках), что снижает число издревле немотивированных слов до ничтожной величины. Теоретически рассуждая с учетом известных нам примеров появления новых слов, трудно представить себе появление знака, никак не мотивированного — просто в настоящее время у нас нет возможности анализа, например для языков индоевропейской семьи, обстоятельств появления той горстки слов, этимология которых неизвестна.

Однако Соссюр вполне учитывал существование мотивированных слов и в шестой главе второй части своего труда ввел понятие относительной произвольности знака, посвятив этому отдельный параграф (§ 3 «Произвольность знака, абсолютная и относительная»). В нем он пишет: «Основной принцип произвольности знака не препятствует различать в каждом языке

то, что в корне произвольно, т.е. немотивировано, от того, что произвольно лишь относительно. Только часть знаков является абсолютно произвольной; у других же знаков обнаруживаются признаки, позволяющие отнести их к произвольным различной степени: *знак может быть относительно мотивированным*.

Так, *vingt* “двадцать” немотивировано; но *dix-neuf* “девятнадцать” немотивировано в относительно меньшей степени, потому что оно вызывает представление о словах, из которых составлено, и о других, которые с ним ассоциируются, как, например, *dix* “десять”, *neuf* “девять”, *vingt-neuf* “двадцать девять”, *dix-huit* “восемнадцать” и т.п.; взятые в отдельности *dix* и *neuf* столь же произвольны, как и *vingt*, но *dix-neuf* представляет случай относительно мотивированный. То же можно сказать и о франц. *poirier* “груша” (дерево), которое напоминает о простом слове *poire* “груша” (плод) и чей суффикс *-ier* вызывает в памяти *potier* “яблоня”, *cerisier* “вишня (дерево)” и др. Совсем иной случай представляют такие названия деревьев, как *frene* “ясень”, *chene* “дуб” и т.д. Сравним еще совершенно немотивированное *berger* “пастух” и относительно мотивированное *vocher* “пастух”, а также такие пары, как *geole* “тюрьма” и *cachot* “темница” (ср. *cachier* “прятать”), *concierge* “консьерж” и *portier* “портъ” (ср. *porte* “дверь”), *jadis* “некогда” и *autrefois* “прежде” (ср. *autre* “другой” + *fois* “раз”), *souvent* “часто” и *frequemment* “нередко” (ср. *frequent* “частый”), *aveugle* “слепой” и *boiteux* “хромой” (ср. *botter* “хромать”), *sourd* “глухой” и *bossu* “горбатый” (ср. *bosse* “горб”), нем. *Laub* и франц. *feuillage* “листва” (ср. *feuille* “лист”), франц. *metier* и нем. *Handwerk* “ремесло” (ср. *Hand* “рука” + *Werk* “работа”). Английское мн. ч. *ships* “корабли” своей формой напоминает весь ряд — *flags* “флаги”, *birds* “птицы”, *books* “книги” и т.д., а *men* “люди”, *sheep* “овцы” ничего не напоминает. Греч. *doso* “дам” выражает идею будущего времени знаком, вызывающим ассоциацию с *steso* “поставлю”, *tupso* “ударю” и т.д., а *eimi* “пойду” совершенно изолировано.

Здесь не место выяснять факторы, в каждом отдельном случае обуславливающие мотивацию: она всегда тем полнее, чем легче синтагматический анализ и очевиднее смысл единиц низшего уровня. В самом деле, наряду с такими прозрачными

формантами, как *-ier* в слове *poir-ier*, сопоставляемом с *pot-ier*, *ceris-ier* и т.д., есть другие, чье значение смутно или вовсе ничтожно, например, какому элементу смысла соответствует суффикс *-ot* в слове *cachot* “темница”? Сопоставляя такие слова, как *coutelas* “тесак”, *fatras* “ворох”, *platras* “штукатурный мусор”, *canevas* “канва”, мы смутно чувствуем, что *-as* есть свойственный существительным формант, но не в состоянии охарактеризовать его более точно. Впрочем, даже в наиболее благоприятных случаях мотивация никогда не абсолютна. Не только элементы мотивированного знака сами по себе произвольны (ср. *dix* “десять”, *neuf* “девять” в *dix-neuf* “девятнадцать”), но и значимость знака в целом никогда не равна сумме значимостей его частей; *poirier* не равно *poire* + *ier*.

Что касается самого явления, то... понятие относительно мотивированного предполагает 1) анализ данного элемента, следовательно, синтагматическое отношение, 2) притягивание одного или нескольких других элементов, следовательно, ассоциативное отношение. ...До сих пор, рассматривая языковые единицы как значимости, т.е. как элементы системы, мы брали их главным образом в их противопоставлениях; теперь мы стараемся усматривать объединяющие их единства: эти единства ассоциативного порядка и порядка синтагматического, и они-то ограничивают произвольность знака. *Dix-neuf* ассоциативно связано с *dix-huit*, *soixante-dix* и т.д., а синтагматически — со своими элементами *dix* и *neuf*. Оба эти отношения создают известную часть значимости целого.

По нашему глубокому убеждению, все, относящееся к языку как к системе, требует рассмотрения именно с этой точки зрения, которой почти не интересуются лингвисты, — с точки зрения ограничения произвольности языкового знака. ...В самом деле, вся система языка покоится на иррациональном принципе произвольности знака, а этот принцип в случае его неограниченного применения привел бы к невероятной сложности. Однако разуму удастся ввести принцип порядка и регулярности в некоторые участки всей массы знаков, и именно здесь проявляется роль относительной мотивированности. Если бы механизм языка был полностью рационален, его можно было бы изучать

как вещь в себе, но, поскольку он представляет собой лишь частичное исправление хаотичной по природе системы, изучение языка с точки зрения ограничения произвольности знаков навязывается нам самой его природой.

Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но немыслимо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между этими двумя крайними точками — наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью — можно найти все промежуточные случаи. Во всех языках имеются двоякого рода элементы — целиком произвольные и относительно мотивированные, — но в весьма разных пропорциях, и эту особенность языков можно использовать при их классификации.

Можно отметить, например, что в английском языке значительно больше немотивированного, чем, скажем, в немецком; примером ультралексического языка является китайский, а индоевропейский праязык и санскрит — образцы ультраграмматических языков. Внутри отдельного языка все его эволюционное движение может выражаться в непрерывном переходе от мотивированного к произвольному и от произвольного к мотивированному; в результате этих разнонаправленных течений сплошь и рядом происходит значительный сдвиг в отношении между этими двумя категориями знаков. Так, например, французский язык по сравнению с латинским характеризуется, между прочим, огромным возрастанием произвольного: лат. *inimicus* “враг” распадается на *in-* (отрицание) и *amicus* “друг” и ими мотивируется, а франц. *ennemi* “враг” не мотивировано ничем, оно всецело относится к сфере абсолютно произвольного, к чему, впрочем, в конце концов, сводится всякий языковой знак. Такой же сдвиг от относительной мотивированности к полной немотивированности можно наблюдать на сотне других примеров: ср. лат. *constare* (*stare* “стоять”): франц. *couter* “стоить”, лат. *fabrica* (*faber* “кузнец”): франц. *forge* “кузница”, лат. *magister* (*magis* “больше”): франц. *maitre* “учитель” и т.д. Этот прирост элементов произвольностей — одна из характернейших черт французского языка» (Соссюр 1999: 131–133).

Таким образом, в этом отношении наблюдается сходство взглядов Пирса и Соссюра — форма кодов, разновидностью

которых являются языковые знаки, не связана с обозначаемым предметом, это в первую очередь условные знаки. Часть из них может быть мотивирована, однако в основе этой мотивированности в разных языках могут быть разные признаки предмета.

В числе свойств знака Соссюр указывает также **неизменчивость** и **изменчивость**. Свойство неизменчивости знака он формулирует следующим образом: «Если по отношению к выражаемому им понятию означающее представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано. У этого коллектива мнения не спрашивают, и выбранное языком означающее не может быть заменено другим. ...Рассмотрим, каким же образом языковой знак не подчиняется нашей воле, и укажем затем на вытекающие из этого важные следствия. ...Мы предпочитаем нижеследующие, более существенные, более прямые соображения, от которых зависят все прочие.

1. Произвольность знака ...сама произвольность знака защищает язык от всякой попытки сознательно изменить его. Говорящие, будь они даже сознательнее, чем есть на самом деле, не могли бы обсуждать вопросы языка. Ведь для того, чтобы подвергать обсуждению какую-либо вещь, надо, чтобы она отвечала какой-то разумной норме. Можно, например, спорить, какая форма брака рациональнее — моногамия или полигамия, и приводить доводы в пользу той или другой. Можно также обсуждать систему символов, потому что символ связан с обозначаемой вещью рационально (см. выше); в отношении же языка, системы произвольных знаков, не на что опереться. Вот почему исчезает всякая почва для обсуждения: ведь нет никаких оснований для того, чтобы предпочесть означающее *soeur* означающему *sister* для понятия “сестра” и означающее *Ochs* означающему *beuf* для понятия “бык”.

2. Множественность знаков, необходимых в любом языке. Значение этого обстоятельства немаловажно. Система письма, состоящая из 20—40 букв, может быть, если на то пошло, заменена другою. То же самое можно было бы сделать и с языком, если

бы число элементов, его составляющих, было ограниченным. Но число знаков языка бесконечно.

3. Слишком сложный характер системы. Язык является системой. Хотя... с этой именно стороны он не целиком произволен и, таким образом, в нем господствует относительная разумность, но вместе с тем именно здесь и обнаруживается неспособность говорящих преобразовать его. Дело в том, что эта система представляет собой сложный механизм и постичь ее можно лишь путем специальных размышлений. Даже те, кто изо дня в день ею пользуются, о самой системе ничего не знают. Можно было бы представить себе возможность преобразования языка лишь путем вмешательства специалистов, грамматистов, логиков и т.д. Но опыт показывает, что до сего времени такого рода попытки успеха не имели.

4. Соппротивление коллективной косности любым языковым инновациям. Все вышеуказанные соображения уступают по своей убедительности следующему: в каждый данный момент язык есть дело всех и каждого; будучи распространен в некотором коллективе и служа ему, язык есть нечто такое, чем каждый человек пользуется ежечасно, ежеминутно. В этом отношении его никак нельзя сравнивать с другими общественными установлениями. Предписания закона, обряды религии, морские сигналы и пр. затрагивают единовременно лишь ограниченное количество лиц и на ограниченный срок; напротив, языком каждый пользуется ежеминутно, почему язык и испытывает постоянное влияние всех. Это фундаментальный фактор, и его одного достаточно, чтобы показать невозможность революции в языке. Из всех общественных установлений язык предоставляет меньше всего возможностей для проявления инициативы. Он составляет неотъемлемую часть жизни общества, которое, будучи по природе инертным, выступает прежде всего как консервативный фактор.

Однако еще недостаточно сказать, что язык есть продукт социальных сил, чтобы стало очевидно, что он несвободен; помня, что язык всегда унаследован от предшествующей эпохи, мы должны добавить, что те социальные силы, продуктом которых он является, действуют в зависимости от времени. Язык устой-

чив не только потому, что он привязан к косной массе коллектива, но и вследствие того, что он существует во времени. Эти два факта неотделимы. Связь с прошлым ежеминутно препятствует свободе выбора. Мы говорим *человек* и *собака*, потому что и до нас говорили *человек* и *собака*. Это не препятствует тому, что во всем явлении в целом всегда налицо связь между двумя противоречивыми факторами — произвольным соглашением, в силу которого выбор означаемого свободен, и временем, благодаря которому этот выбор оказывается жестко определенным. Именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме закона традиции, и, наоборот, он может быть произвольным только потому, что опирается на традицию.

Изменчивость знака. Время, обеспечивающее непрерывность языка, оказывает на него и другое действие, которое на первый взгляд противоположно первому, а именно: оно с большей или меньшей быстротой изменяет языковые знаки, так что в известном смысле можно говорить одновременно как о неизменчивости языкового знака, так и о изменчивости его. В конце концов, оба эти факта взаимно обусловлены: знак может изменяться, потому что его существование не прерывается. При всяком изменении преобладающим моментом является устойчивость прежнего материала, неверность прошлому лишь относительна. Вот почему принцип изменения опирается на принцип непрерывности.

Изменение во времени принимает различные формы, каждая из которых могла бы послужить материалом для большой главы в теории лингвистики. Не вдаваясь в подробности, необходимо подчеркнуть следующее.

Прежде всего требуется правильно понимать смысл, который приписывается здесь слову “изменение”. Оно может породить мысль, что в данном случае речь идет специально о фонетических изменениях, претерпеваемых означаемым, или же специально о смысловых изменениях, затрагивающих обозначаемое понятие. Такое понимание изменения было бы недостаточным. Каковы бы ни были факторы изменения, действуют ли они изолированно или в сочетании друг с другом, они всегда приводят к *сдвигу отношения между означаемым и означающим*.

Вот несколько примеров. Лат. *pecare*, означающее “убивать”, превратилось во французском в *poyer* со значением “топить (в воде)”. Изменились и акустический образ и понятие; однако бесполезно различать обе эти стороны данного факта, достаточно констатировать *in globo*, что связь понятия со знаком ослабла и что произошел сдвиг в отношениях между ними. Несколько иначе обстоит дело, если сравнивать классически латинское *pecare* не с французским *poyer*, а с народнолатинским *pecare* IV и V вв., означающим “топить”; но и здесь, при отсутствии изменения в означающем, имеется сдвиг в отношении между понятием и знаком.

Старонемецкое *dritteil* “треть” в современном немецком языке превратилось в *Drittel*. В данном случае, хотя понятие осталось тем же, отношение между ним и означающим изменилось двояким образом: означающее видоизменилось не только в своем материальном аспекте, но и в своей грамматической форме; оно более не включает элемента *Teil* “часть”, оно стало простым словом. Так или иначе, и здесь имеет место сдвиг в отношении между понятием и знаком. В англосаксонском языке дописьменная форма *fōt* “нога” сохранилась в виде *fōt* (совр. англ. *foot*), а форма мн. ч. *fōti “ноги” превратилась в *fēt* (совр. англ. *feet*). Какие бы изменения здесь ни подразумевались, ясно одно: произошел сдвиг в отношении, возникли новые соответствия между звуковым материалом и понятием.

Язык коренным образом не способен сопротивляться факторам, постоянно меняющим отношения между означаемым и означающим. Это одно из следствий, вытекающих из принципа произвольности знака. Прочие общественные установления — обычаи, законы и т.п. — основаны, в различной степени, на естественных отношениях вещей; в них есть необходимое соответствие между использованными средствами и поставленными целями. Даже мода, определяющая наш костюм, не вполне произвольна: нельзя отклониться далее определенной меры от условий, диктуемых свойствами человеческого тела. Язык же, напротив, ничем не ограничен в выборе своих средств, ибо нельзя себе представить, что могло бы воспрепятствовать ассоциа-

ции какого угодно понятия с какой угодно последовательностью звуков.

...своим произвольным характером язык резко отличается от всех прочих общественных установлений. Это ясно обнаруживается в том, как он развивается; нет ничего сложнее его развития: так как язык существует одновременно и в обществе и во времени, то никто ничего не может в нем изменить; между тем произвольность его знаков теоретически обеспечивает свободу устанавливая любые отношения между звуковым материалом и понятиями. Из этого следует, что оба элемента, объединенные в знаке, живут в небывалой степени обособленно и что язык изменяется, или, вернее, эволюционирует, под воздействием всех сил, которые могут повлиять либо на звуки, либо на смысл. Эта эволюция является неизбежной: нет языка, который был бы от нее свободен. По истечении некоторого промежутка времени в каждом языке можно всегда констатировать ощутимые сдвиги.

Это настолько верно, что принцип этот можно проверить и на материале искусственных языков. Любой искусственный язык, пока он еще не перешел в общее пользование, является собственностью автора, но, как только он начинает выполнять свое назначение и становится общим достоянием, контроль над ним теряется. К числу языков этого рода принадлежит эсперанто; если он получит распространение, ускользнет ли он от неизбежного действия закона эволюции? По истечении первого периода своего существования этот язык подчинится, по всей вероятности, условиям семиологического развития: он станет передаваться в силу законов, ничего общего не имеющих с законами, управляющими тем, что создается продуманно; возврат к исходному положению будет уже невозможен. Человек, который пожелал бы создать неизменяющийся язык для будущих поколений, походил бы на курицу, высидевшую утиное яйцо: созданный им язык волей-неволей был бы захвачен течением, увлекающим вообще все языки.

Непрерывность знака во времени, связанная с его изменением во времени, есть принцип общей семиологии: этому можно было бы найти подтверждения в системе письма, в языке глухонемых и т.д.

...Причины непрерывности а priori доступны наблюдению; иначе обстоит дело с причинами изменения во времени. Лучше пока отказаться от их точного выяснения и ограничиться общими рассуждениями о сдвиге отношений. Время изменяет все, и нет оснований считать, что язык представляет исключение из этого общего правила» (там же: 74–79).

В примечании издателей указывается: «Было бы несправедливо упрекать Ф. де Соссюра в нелогичности или парадоксальности в связи с тем, что он приписывает языку два противоречивых качества. Противопоставлением двух антонимичных терминов он лишь хотел резче подчеркнуть ту истину, что язык изменяется, а говорящие на нем изменить его не могут. Эту же мысль можно было бы выразить иначе; язык неприкосновенен, но не неизменяем».

Новым в учении Соссюра было выдвинутое им положение о **значимости** слова, которая, в отличие от значения, приобретает им в системе конкретного языка. «...Для того чтобы определить, какова ценность монеты в 5 франков, нужно знать: 1) что ее можно обменять на определенное количество чего-то другого, например хлеба, и 2) что ее можно сравнить с подобной ей монетой той же системы, например с монетой в один франк, или же с монетой другой системы, например с фунтом стерлингов и т.д. Подобным образом и слову может быть поставлено в соответствие нечто не похожее на него, например понятие, а с другой стороны, оно может быть сопоставлено с чем-то ему однородным, а именно с другими словами. Таким образом, для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием, т.е. что оно имеет то или иное значение; его надо, кроме того, сравнить с подобными ему значимостями, т.е. с другими словами, которые можно ему противопоставить. Его содержание определяется как следует лишь при поддержке того, что существует вне его. Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще главным образом значимостью, а это нечто совсем другое.

Для подтверждения этого достаточно немногих примеров. Французское слово *mouton* “баран”, “баранина” может совпа-

дать по значению с английским словом *sheep* “баран”, не имея с ним одинаковой значимости, и это по многим основаниям, в частности потому, что говоря о приготовленном и поданном на стол куске мяса, англичанин скажет *mutton*, а не *sheep*. Различие в значимости между англ. *sheep* и франц. *mouton* связано с тем, что в английском наряду с *sheep* есть другое слово, чего нет во французском.

Внутри одного языка слова, выражающие близкие понятия, ограничивают друг друга: синонимы, например *redouter* “опасаться”, *craindre* “бояться”, *avoir peur* “испытывать страх”, обладают значимостью лишь в меру взаимного противопоставления; если бы не существовало *redouter*, то все его содержание перешло бы к его конкурентам. И наоборот, бывают слова, обогащающиеся от контакта с другими словами: например, новый элемент, привходящий в значимость *decrepit* (*un vieillard decrepit* “дряхлый старик”), появляется в силу наличия рядом с этим словом другого слова — *decrepit* (*un mur decrepi* “облупившаяся стена”). Итак, значимость любого слова определяется всем тем, что с ним связано; даже у слова со значением “солнце” вряд ли возможно установить непосредственно его значимость, если не принять в соображение все то, что связано с этим словом; есть языки, в которых немислимо, например, выражение “сидеть на *солнце*”.

Сказанное выше о словах имеет отношение к любым явлениям языка, например к грамматическим категориям. Так, например, значимость французского множественного числа не покрывает значимости множественного числа в санскрите, хотя их значение чаще всего совпадает: дело в том, что санскрит обладает не двумя, а тремя числами (“мои глаза”, “мои уши”, “мои руки”, “мои ноги” имели бы в санскрите форму двойственного числа); было бы неточно приписывать одинаковую значимость множественному числу в санскритском и французском языках, так как в санскритском языке множественное число употребляется не во всех тех случаях, где оно употребляется во французском; следовательно, значимость множественного числа зависит от того, что находится вне и вокруг него (в системе)» (там же: 116).

Следует заметить, что свойство значимости семиотически универсально — оно распространяется на все виды знаков.

2.3. Чарльз Уильям Моррис (1901—1978)

Если Соссюр специально не занимался исследованиями в области общей семиотики, по-видимому не был знаком с работами Пирса и вклад его в общую теорию семиотики сравнительно незначителен (хотя выдвинутые им положения для языка составили фундамент лингвосемиотики и позднее были перенесены и в общую семиотику), то американский философ Ч. Моррис, с именем которого связан следующий этап становления семиотики, несомненно внес значительный вклад в ее развитие и во многом определил ее современные черты.

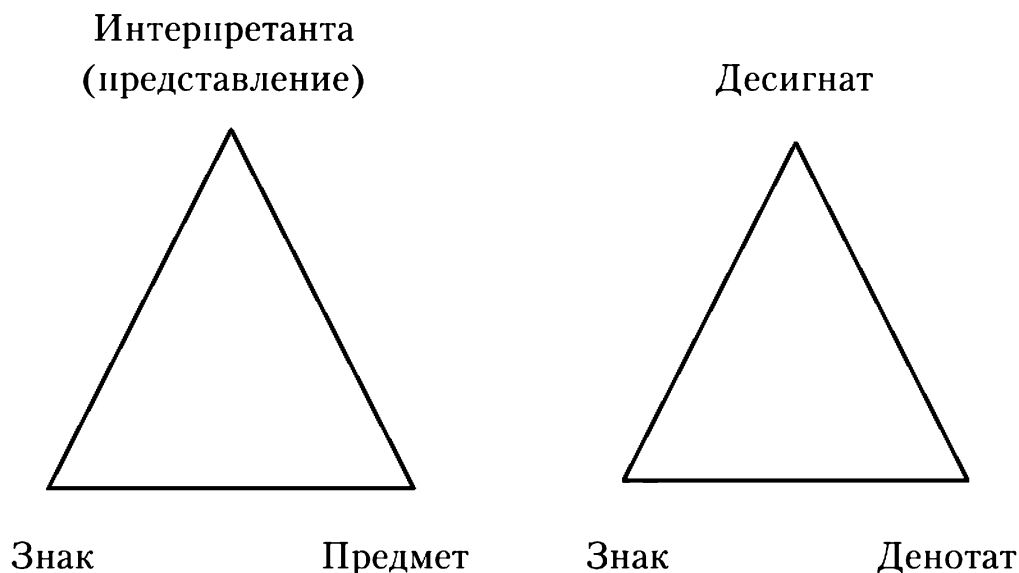
Моррис значительно изменил состав элементов знаковой ситуации. Во-первых, к первоначальным трем элементам Пирса (объект, знак, интерпретанта — представление) он добавил четвертый — интерпретатора. Во-вторых, подходя к семиотике с позиций бихевиоризма, центральным понятием которого является реакция организма на внешние стимулы, он изменил содержание понятия «интерпретанта». Описав его сначала как «воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком» (Моррис 1938: 39), что вполне согласуется с пониманием Пирса, Моррис затем заменяет его на *реакцию интерпретатора на знак* (там же: 41; см. также примеры на с. 39—40).

Изменяется и содержание понятия «объект»: вместо него вводятся понятия «денотат» — реально существующий объект и «десигнат» — «класс объектов, к которым применим знак... не вещь, но род объекта или класс объектов, а класс может включать в себя или много членов, или только один член, или вообще не иметь членов», что близко к понятию или представлению (там же: 41).

Таким образом, получилось пять элементов знаковой ситуации, два из которых — знак и денотат — близки к тому, что Пирс понимал под знаком и объектом; содержанием термина «десигнат» скорее является обозначаемое знаком представление или понятие (что достаточно близко к тому, что Пирс называл интерпретантой — к восприятию объекта, представлению о нем), и фактически вводятся два новых элемента — интерпретатор и его

реакция на знак (интерпретанта). Следует отметить, что, вводя понятие интерпретатора, Моррис не дает четкого разграничения между этим фактором и интерпретантой. В результате понятие «интерпретанта» в дальнейшем им практически не используется.

Графическое представление семиозиса у Пирса и Морриса

Моррис существенно развил учение о знаковой ситуации и, обратив внимание на бинарные отношения, существующие между элементами семиозиса, впервые выделил в качестве основных разделов семиотики три аспекта рассмотрения знаков: **семантику** — изучающую отношение знака к объекту, **синтактику** — рассматривающую формальное отношение знаков друг к другу, и **прагматику** — исследующую отношение знаков к интерпретаторам (Моррис 1938: 42). При этом Моррис понимал синтактику достаточно широко, включая в ее проблематику не только отношения между знаками в речевой последовательности, но и структуру знаков (там же: 47).

Следует заметить, что отношения знака к объекту и пользователю, рассматриваемые в семантике и прагматике, у Пирса уже анализировались и даже использовались в качестве основания выделения второй и третьей триад типологии знаков, поэтому полностью новым явился только третий аспект — синтактика,

введение которого Моррис дополнительно обосновывает (Моррис 1938: 42).

Моррис заметил, что семиотика как система охватывает современные эквиваленты средневекового «тривия» (*trivium*) — начального этапа высшего образования, включавшего логику, грамматику и риторику.

В тривии	В семиотике	Что изучается
Грамматика	Синтактика	Отношение знака к знаку
Диалектика (логика)	Семантика	Отношение знака к значению, смыслу
Риторика	Прагматика	Отношение знака к пользователю

Как Пирс, так и Моррис несомненно знали о логическом треугольнике Г. Фреге. Моррис даже участвовал в работе Огдена и Ричардса по трансформации логического треугольника в семантический и остался недоволен тем, что его участие не упоминается в книге Огдена и Ричардса (Morris 1946).

Согласно Моррису, семиотика не ограничивается изучением языка; совокупность знаков имеет тенденцию превращаться в знаковую систему; это справедливо и для знаков, воспринимаемых органами чувств: жестов, музыкальных тонов и живописи; для речи и письма. Введение Моррисом понятия реакции на знак практически дает возможность включить в область рассмотрения семиотики не только все общественные науки, но и большую часть проблематики биологических наук, поскольку оно позволяет рассматривать любое воздействие на организм как знак-признак изменения внешней среды, а любую реакцию живого организма на внешнюю среду — как знаковую ситуацию. Впрочем, Моррис и рассматривал семиотику достаточно широко, считая такие науки, как «лингвистика, логика, математика, риторика и (по крайней мере до известной степени) эстетика», частными науками о знаках (Моррис 1938: 38).

С точки зрения языкознания и терминоведения определенный интерес представляют новые типы знаков, введенные Моррисом — *индексальные знаки* (для обозначения единичных объектов и понятий, что в лексике соответствует собственным именам, а в терминоведении — номенклатурным наименованиям), *характеризующие знаки* (для обозначения общих понятий, что в лексике и терминоведении соответствует терминам) и *универсальные знаки* (с предельно широким значением, что в лексике может соответствовать служебным словам, а в терминоведении — общенаучным и общетехническим терминам и некоторым терминоподэлементам).

Таким образом Пирс, который большинством исследователей справедливо считается основоположником семиотики, дал определение знака и знаковой ситуации, первоначальную классификацию знаков (признаки, образы, коды), определил задачи и рамки новой науки. Некоторые авторы оспаривают право Пирса считаться основоположником семиотики. Так, А.А. Ветров считает, что семиотику основал не Пирс, а Ч. Моррис, поскольку Моррис впервые достаточно полно и системно изложил основные положения общей теории знаков, а Пирс рассматривал типы знаков в рамках логики и смешивал семиотику с логикой (Ветров 1968: 5–6). По нашему мнению более объективный подход отражен в «Философском словаре»: «Основные принципы семиотики впервые были сформулированы американским логиком и математиком Пирсом, впоследствии они были изложены и систематизированы философом Ч. Моррисом» (Философский словарь 1986: 423). Чандлер и некоторые лингвисты считают основателем семиотики Ф. де Соссюра, а Ю.С. Степанов считает, что общие принципы семиотики были первоначально подмечены одновременно и независимо в работах Пирса и Ф. де Соссюра (Ю.С. Степанов 1990: 440). Однако работа Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» вышла в 1916 г., т.е. намного позднее работ Пирса, первая из которых появилась в 1867 г., а основные — в 1885 и 1897 гг., что свидетельствует о его несомненном приоритете, и поэтому вряд ли можно говорить об одновременности.

Идеи Пирса, изложенные в нетрадиционной форме, да к тому же в далеких от круга чтения языковедов работах по логике, получили известность лишь в 1930-х годах, когда их развил в своей работе «Основания теории знаков» Ч. Моррис, который определил и структуру самой семиотики. Дальнейшее развитие подход Пирса получил в работах таких логиков и философов, как Р. Карнап, А.Тарский, К. Айдукевич и др.

Соссюр, по-видимому, был первым, кто обратил внимание на знаковый характер языка и положил начало рассмотрению языка, как наиболее развитой и универсальной семиотической системы в рамках семиотики, что позволило ему сформулировать ряд положений, значимых для общей семиотики. Не зная о работах Пирса в этой области, он предложил для наименования науки о знаках свой термин — **семиология**.

По мнению Соссюра, «знаки, целиком произвольные, лучше других реализуют идеал семиологического подхода; вот почему язык — самая сложная и самая распространенная из систем выражения — является вместе с тем и наиболее характерной из них; в этом смысле лингвистика может служить моделью для всей семиологии в целом, хотя язык — только одна из многих семиологических систем» (Соссюр 1999: 71). В дальнейшем многие его положения, относящиеся к лингвистике (антиномии языка и речи, отношения слов в речевой цепи — синтагматики и в языковых системах — парадигматики, синхронии и диахронии и т.д.), были перенесены в семиотику и привязаны к ее аспектам (например, синтагматика Соссюра и синтактика Морриса, парадигматика Соссюра и семантика Морриса), хотя при этом не было достаточного осмысления, в частности, того, что Моррис и парадигматику включал в синтактику, а по мнению ведущего отечественного семиотика Ю. Лотмана, перенос некоторых лингвистических методов в семиотику не вполне корректен (Лотман. О семиосфере). Тем не менее использование методов лингвистических исследований в общей семиотике оказалось не только возможно, но и в ряде случаев полезно.

Одновременное существование двух наименований науки о знаках — семиотика и семиология — привело к появлению двух направлений в семиотических исследованиях: философско-

логического, к которому принадлежат Ч. Моррис, Р. Карнап, А. Тарский, К. Айдукевич, Т. Себеок, Е. Пельц, У. Эко, А.А. Ветров и др. и филологического, связанного с именами Р. Якобсона, Э. Бенвениста, Р. Барта, Ю. Лотмана (ср. Мечковская 2004). В настоящее время замечена тенденция к соответствующему расхождению значений этих наименований. При этом, поскольку в Европе в первой половине XX в. семиотические представления складывались под влиянием идей Соссюра, своим широким пониманием знаковых систем («Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д. и т.п. Он только наиважнейшая из этих систем») (Соссюр 1999: 23) Соссюр инициировал семиотические исследования не только в различных системах сигналов, но также в искусстве, культуре, истории с соответствующим перенесением и переосмыслением лингвистических терминов (например, *текст*, *слово*).

Следует заметить, что начиная с 1920-х годов, семиотика в своем ускоренном развитии испытала влияние целого ряда складывающихся смежных с ней наук — структурной лингвистики, теории коммуникации, информатики, структурной поэтики, лингвистики текста, культурной антропологии, философии, теории систем — что, с одной стороны, обогащало понятийный аппарат семиотических исследований, а с другой — приводило к разноплановости и неоднозначности теоретических построений и элементам неопределенности в отнесенности исследований.

3.1. Проблематика семиотики

В послевоенный период, а особенно в 1960—80-е годы, произошло необыкновенно бурное развитие семиотики. Публиковалось большое число исследований, прошли первые семиотические конференции. В 1974 г. в Милане состоялся первый Международный конгресс по семиотике; в 1969 г. в Париже при активном участии Р. Якобсона, Э. Бенвениста и К. Леви-Стросса было решено создать Международную организацию семиотических исследований (IASS). Официальным периодическим изданием этой ассоциации стал журнал «Semiotica», а его главным редактором — Т. Себеок. Первым президентом ассоциации стал Э. Бенвенист, а генеральным секретарем — А. Греймас.

Первым крупным семиотическим мероприятием в СССР стал Симпозиум по структурному изучению знаковых систем, организованный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Научным советом по кибернетике АН СССР в 1962 г. В программу симпозиума входили следующие секции:

- 1) естественный язык как знаковая система;
- 2) знаковые системы письма и дешифровка;
- 3) неязыковые системы коммуникации;
- 4) искусственные языки;
- 5) моделирующие семиотические системы;
- 6) искусство как семиотическая система;
- 7) структурное и математическое изучение литературных произведений.

На симпозиуме были сделаны доклады по машинному переводу, лингвистической и логической семиотике, семиотике искусства, мифологии, невербальным системам коммуникации, ритуалу и пр.

В 1964 г. в Тартуском университете, где работал крупнейший отечественный семиотик Ю.М. Лотман, состоялась первая Лет-

няя школа по вторичным знаковым системам. В течение десяти лет было проведено пять Летних школ — в 1964, 1966, 1968, 1970 и 1974 гг., причем последняя официально называлась Всесоюзным симпозиумом. Значительно позднее (в 1986 г.) состоялась последняя школа.

В 1964 г. здесь вышел первый сборник *Трудов по знаковым системам*, которые превратились в продолжающееся издание. Событием в развитии отечественной семиотики стали книги А.А. Ветрова «Семиотика и ее основные проблемы» (М., 1968), Ю.К. Мельвиля «Чарльз Пирс» (М., 1968), Ю.С. Степанова «Семиотика» (М., 1971) и сборник статей под его редакцией «Семиотика» (М., 1983), Глава «Знаковая природа языка» в фундаментальном труде по общему языкознанию (М., 1970). В этих публикациях нашли отражение не только основные проблемы, но и формирующиеся направления семиотических исследований, которые стали складываться в самостоятельные научные дисциплины со своей проблематикой, специфичными объектами и методами.

Как указывалось выше (раздел 2.2), своим широким пониманием знаковых систем Соссюр инициировал семиотические исследования как во вспомогательных языковых системах (языки жестов, системы сигналов, искусственные языки и т.д.), так и в искусстве, культуре, истории. В связи с этим на основе концепции знака Соссюра в послевоенный период сформировалось два направления исследований.

Первое направление может быть названо **семиологией коммуникации**, поскольку оно изучает коммуникативные системы, использующие различные виды кодов, т.е. знаков, устанавливаемых предварительным соглашением — знаки дорожного движения, азбука Морзе, шрифт Брайля, язык глухонемых, геральдика, различные морские и железнодорожные коды и т.д., включая естественный язык.

В рамках этого направления выделились более специализированные теоретические и прикладные направления. При этом указывалось, что значение слова как основного языкового знака реализуется в речи, в тексте, где оно может подвергаться значительным изменениям. В высказывании слово обростает допол-

нительными значениями, коннотациями, которых у него нет в системе. Знак не перестает быть частью системы, но внутри текста обрастает новыми контекстуальными значениями, определяемыми спецификой данного речевого акта. В связи с этим лингвистика должна заняться изучением больших значащих единиц языка — текстов. В дальнейшем, в связи с выделением в 1970-е годы лингвистики текста в самостоятельную лингвистическую дисциплину, это направление сформировалось в один из основных ее разделов — интерпретации текста, который занимается изучением особенностей функционирования языковых единиц разного уровня под влиянием текста — особенностей их реализации в тексте, появления новых свойств, приращения смысла и т.д. (Гринев 1999: 11; Гринев-Гриневиц, Ильченко 2009).

В разработанных авторами и использовавшихся в 1970—80-е годы автоматизированных документальных системах НТИ информационные тексты рассматривались как сложные знаки, основное значение которых может быть представлено в виде модели предложения, в которой объект описания является подлежащим, аспект его описания — сказуемым, а дополнительная информация — обстоятельствами (Гринев 1999: 54—56; Гринев-Гриневиц, Ильченко 2009).

Второе направление, к которому принадлежит Ролан Барт и наиболее исчерпывающее определение которого было сделано Юлией Кристевой, имеет дело со всеми наблюдаемыми социокультурными феноменами (системы родства, мифы, мода, стереотипные или ритуальные поведения) с целью сделать очевидной «скрытую логику» «означивающих социальных практик». По словам одного из крупнейших этнографов XX в. Леви-Стросса, «Всякая культура может рассматриваться как совокупность символических систем, к которым прежде всего относятся язык, брачные правила, искусство, наука, религия».

Это направление может рассматриваться как **семиология сигнификации**, которая утверждает, что признаки (симптомы), наблюдаемые в социокультурных сферах, являются знаками, и эти знаки образуют «значащие системы», или «знаковые системы». Подтверждается это тем фактом, что социокультурные феномены обладают значением. Поэтому они рассматриваются

как знаки, состоящие из означающего и означаемого, и, таким образом, могут рассматриваться как сообщения с отправителем и получателями.

Такое направление означало переход от изучения знаковых систем, непосредственно осознаваемых и сознательно используемых людьми, к неосознаваемым знаковым системам; по существу, это переход к семиотическому изучению социального бессознательного. В связи с этим сегодня особое внимание уделяется сфере междисциплинарных исследований — семиотике культуры, исследующей культуру как иерархию знаковых систем и имеющую свою логику развития, фиксируемую семиотическими практиками. Каждой эпохе свойственен свой семиотический стиль, способы интерпретации культурных текстов, в результате чего композиция и корреляция отдельных семиотических систем определяют тип культуры. По мере развития этого направления понятие «знак» постепенно отходило на второй план, уступая место понятию «текст» — интегративному знаку, проводнику функции и значения, применяемому для обозначения любой связной последовательности знаковых высказываний.

По мнению Н.Б. Мечковской, школы и направления семиотики во второй половине XX в. можно определять по доминирующему объекту исследования, по территориальному признаку (часто объединяющему сторонников одного метода) и по теоретическому кредо исследователей одной школы. Можно говорить о следующих относительно автономных семиотических направлениях: французская школа семиотики и структурализма; семиотическое направление Умберто Эко; Тартуская семиотическая школа; Московская семиотическая школа; Польская семиотическая школа; школа Рурского университета г. Бохума; семиотические работы российских ученых, не объединенных в группы и направления. Наиболее существенный вклад в развитие семиотических идей внесли французская и Московско-Тартуская школы.

Французская семиотическая школа представлена прежде всего именами Р. Барта, Ю. Кристевой, Ц. Тодорова, Ж. Деррида и др., группировавшихся в 1960-е годы вокруг журнала «Tel

Quel». Журнал этот был создан в 1960 г. и просуществовал до 1982 г., постепенно теряя влияние. Генезис школы определяется сложным сплавом воздействия со стороны теоретиков и практиков так называемого «нового романа», влияния русских филологов — В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, «формальной школы» русского литературоведения и мощной струи философско-психологического плана, представленной такими мыслителями, как Г. Башляр, Ж. Лакан, М. Фуко.

Следует отметить роль структурной поэтики в формировании этносемиотики и культурной семиотики — несомненно универсальные структурные модели мифа Проппа оказались достаточно легко применены сначала к анализу текстов (ср. выделение структурных типовых стандартных элементов текста в романах о Джеймсе Бонде у Эко), затем к описанию исторических культурных событий, в структуре которых можно выделить определенные элементы. Отсюда описание ситуаций этикета, обрядов и других систем культуры, и все это анализируется посредством и на основе текстов описаний. Однако считать структурную поэтику частью семиотики или ставить между ними знак равенства, как это делают некоторые исследователи, так же нелогично, как считать математику частью тех наук, в которых могут применяться математические методы. Поэтому не случайна описанная Степановым реакция Проппа на такие попытки («Кульминацией расхождений между Проппом и антропологическими структуралистами стало различное понимание структуры и истории в их соотношении» (Степанов 2001). Не случайна и эволюция Р. Барта по направлению к текстам, поскольку невербальные знаковые ситуации легко трансформируются в текст.

Р. Барт в своей работе «Основы семиологии» (1965) пытался осмыслить исходные положения Соссюра, к которым он добавил теорию языка Л. Ельмслева, у которого он заимствовал понятия плана выражения и плана содержания, а также формы и субстанции. Барт изменил идею о знаке Соссюра, понимая акустический образ как материальное выражение и ввел понятие знака-функции. «Мы предполагаем называть семиологические знаки, происхождение которых является утилитарным и функци-

ональным, знаками-функциями» (Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975).

В СССР взаимодействовали два основных семиотических центра: в Москве (В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский и др.) и Тарту (Ю.М. Лотман, Б.М. Гаспаров и др.), которые впоследствии объединились. К началу 1960-х годов в Москве сформировалась группа исследователей, пришедших к семиотике разными путями: от структурной лингвистики и автоматического перевода, от компаративистики, общего языкознания. Часть из них стала сотрудниками сектора структурной типологии Института славяноведения Академии наук СССР, которым с 1960 по 1963 г. руководил В.Н. Топоров, с 1963 по 1989 г. — В.В. Иванов. Именно они стали идеологами той семиотической ветви, которая впоследствии получила имя Московской семиотической школы. В основе московской лингвистической традиции лежали методы структурной лингвистики, кибернетики и информатики. Для Лотмана ключевым стало понятие текста (прежде всего художественного), которое он распространил на описание культуры в целом.

Для начального этапа работы Московско-Тартуской школы было характерно чрезвычайное разнообразие охватываемой тематики, при этом было широко представлено исследование «простых» систем: дорожных знаков, карточных игр, гаданий и т.д. Постепенно, однако, интересы членов школы сместились к «сложным» знаковым системам: мифологии, фольклору, литературе и искусству. Основной понятийной категорией, используемой в этих исследованиях, был текст. К семиотическому анализу текстов в самом широком смысле слова относятся, например, исследования основного мифа (В.В. Иванов, В.Н. Топоров), фольклорных и авторских текстов (М.И. Лекомцева, Т.М. Николаева, Т.В. Цивьян и др.). Другое направление, связанное с этим понятием, представлено в работах М.Ю. Лотмана. В этом случае речь идет о тексте культуры, а само понятие культуры становится центральным, фактически вытесняя понятие языка.

Культура понимается как знаковая система, по существу являющаяся посредником между человеком и окружающим миром. Она выполняет функцию отбора и структурирования информа-

ции о внешнем мире. Соответственно, различные культуры могут по-разному производить такой отбор и структурирование. В современной российской семиотике преобладает именно эта традиция, однако с активным использованием лингвистических методов. Так, можно говорить о семиотике истории и культуры, основанной на лингвистических принципах (Ю.С. Степанов, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский и др.).

Большое значение для развития общей теории семиотики имело введение Лотманом на основе исторического анализа развития различных культур понятия **семиосферы**, элементами которого являются все семиотические системы. По мнению Лотмана, «...четкие и функционально однозначные системы в реальном функционировании не существуют сами по себе, в изолированном виде. Вычленение их обусловлено лишь эвристической необходимостью. Ни одна из них, взятая отдельно, фактически не работоспособна. Они функционируют, лишь будучи погружены в некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями. Такой континуум мы, по аналогии с введенным В.И. Вернадским понятием “биосфера”, называем семиосферой. ...Можно рассматривать семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых по отношению друг к другу языков. Тогда все здание будет выглядеть как составленное из отдельных кирпичиков. Однако более плодотворным представляется противоположный подход: все семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичной окажется не тот или иной кирпичик, а “большая система”, именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса» (Лотман. О семиосфере: 11, 14).

Семиосфера обладает рядом свойств:

1. **Отграниченность** от окружающего ее внесемиотического или иносемиотического пространства. Функция границы, пограничного слоя семиосферы заключается в отделении своего от чужого, фильтрации внешних сообщений и переводе их на свой язык, равно как и превращении внешних не-сообщений в сооб-

щения, т.е. семиотизации поступающего извне и превращении его в информацию.

2. **Семиотическая неравномерность**, структурная неоднородность, которая выражается в том, что семиотическое пространство характеризуется наличием ядерных структур (чаще нескольких) с выявленной организацией и тяготеющего к периферии более аморфного семиотического мира, в который ядерные структуры погружены, причем неравномерность на одном структурном уровне дополняется смешением уровней. Структурная неравномерность внутренней организации семиосферы определяется также и тем, что она развивается с различной скоростью в различных своих участках. Разные языки имеют разное время и различную величину циклов; так, естественные языки развиваются значительно медленнее, чем ментально-идеологические структуры. Поэтому о синхронности протекающих в них процессов не может быть и речи.

3. Семиосфера имеет **диахронную глубину**, поскольку она наделена сложной системой памяти и без этой памяти функционировать не может, причем динамическое развитие элементов семиосферы (субструктур) направлено в сторону их спецификации и, следовательно, увеличения ее внутреннего разнообразия. Основой структурного построения семиосферы является пересечение пространственной симметрии / асимметрии (сходства и различия взаимодействующих элементов) и синусоидной смены интенсивности и затухания временных процессов, происходящих на всех уровнях семиосферы — от мировых цивилизаций до личности отдельного человека (Лотман. О семиосфере).

Следует заметить, что большая часть общетеоретических вопросов семиотики разрабатывалась и получила современный вид именно в тот период. Тогда же ранние предположения о всеобъемлющем характере семиотики и возможности применения ее положений в разных областях знания реализовались в ряде работ, посвященных отдельным отраслевым направлениям семиотики.

Сформировавшаяся в ходе исторического развития проблематика семиотики в этот период включала следующие вопросы:

- общая семиотика и ее структура;
- типология знаков;
- аспекты семиотики;
- свойства знаков и знаковых систем;
- типология знаковых систем.

3.2. Развитие структуры семиотики и формирование семиотических дисциплин

Развитие семиотики в послевоенный период характеризовалось попытками применения ее принципов в различных областях деятельности человека. К середине XX в. стало ясно, что и невербальные (несловесные) системы коммуникации, и произведения человеческой культуры являются знаковыми системами, для изучения которых можно использовать приемы вербальной (языковой) семиотики. Зародилась и развивается семиотика невербальных феноменов культуры; ее объекты — сюжеты и символы живописи, танцев, архитектурные стили, предметы утвари, технические чертежи, механизмы и приборы и многое другое.

Наметившиеся в результате этого направления семиотики стали оформляться в самостоятельные разделы. Так, Ю.С. Степанов еще в 1971 г. предложил выделить такие разделы, как **биосемиотика**, которая исследует системы, основанные на естественных знаках, биологически релевантных для существования организма и отправляется от изучения систем сигнализации (коммуникации) животных; **этносемиотика**, включающая несколько направлений, ориентирующихся на антропологию и этнографию (изучение примитивных обществ); социальную и инженерную психологию (изучение высокоразвитых обществ); историю философии и литературы; **лингвосемиотика**, изучающая естественный язык и сопровождающие его знаковые системы, в том числе искусственные языки; **абстрактная семиотика** (разработка логико-математической теории знаковых систем) — все это в рамках общей семиотики (Степанов 1971, с. 24—25). Такое раз-

деление легло в основу структуры современной отечественной семиотики.

Кроме того в тот период появились исследования, посвященные *семиотике культуры, семиотике искусства* (прежде всего изобразительного — живописи, кино, архитектуры, а также театра, литературы), развивалась традиционная *медицинская семиотика*.

Подводя в 1970 г. в статье «Семиотика и сегодняшний мир» итоги развития семиотики за предшествующий период, Ю.М. Лотман писал о том, что «семиотика превратилась из гениальной догадки, суммы гипотез в развитую, обладающую и современной научной теорией, и широкой областью практических применений исследовательскую дисциплину. ...Особенно бурно развивается семиотика в последние годы как инструмент исследования сложных знаковых систем, функционирующих в человеческих коллективах, — семиотика культуры, семиотика живописи, поэзии, кино привлекает все большее число ученых» (Лотман 1970: 100—101).

Одновременно с этим появились рефлексии по поводу необходимости определения содержания общей семиотики в условиях раздробления ее тематики. Показательным в этом плане является мнение Г.П. Щедровицкого: «Какой бы подход мы сейчас ни взяли — логический, лингвистический или психологический — в каждом семиотика мыслится как простое расширение предмета соответствующей науки, как приложение ее понятий и методов к новой области объектов. Фактически нигде не идет речь о специфических методах семиотики, об особых — и они должны быть новыми — процедурах выделения и описания ее предмета.

Но при таком множественном подходе к семиотике мы, очевидно, никогда не получим *синтеза* наших представлений о знаках и знаковых системах, мы не будем иметь семиотики как особой науки. А потребность в синтезе существующих представлений чувствуется все больше и больше. ...Основная задача семиотики как теории знаковых систем, если она хочет быть особой наукой, а не другим названием расширенной лингвистики, расширенной логики или психологии, состоит в объединении

тех представлений о знаках и знаковых системах, которые выработаны к настоящему времени в психологии, логике, языкознании и других дисциплинах; семиотика будет иметь право на существование в качестве самостоятельной науки, если будет решать эту, ставшую уже насущной, задачу» (Щедровицкий 1967: 20–21).

3.2.1. Медицинская семиотика

Медицинская семиотика сформировалась как самостоятельная область знания значительно раньше, чем другие отраслевые направления семиотики, и даже раньше, чем общая семиотика. В английском языке первое упоминание о семиотике относится к 1670 г. (ОЕД), хотя практическая деятельность по определению признаков заболеваний уходит в глубь веков: еще в древнегреческой медицине диагноз рассматривался как знаковый процесс. Особенностью медицинской семиотики (семиологии, симптомологии) является ориентация только на один тип знаков — признаки, выступающие в виде *симптомов* болезней и патологических состояний, что обуславливает специфику знаковой ситуации, которая носит строго односторонний характер. Такие признаки обнаруживаются с помощью клинических методов исследования и используются для диагностики и (или) прогноза заболевания. При этом симптомом может быть не только появление нового, необычного, но и отсутствие какого-либо нормального явления.

В результате развития медицинской семиотики сложилась классификация симптомов, предположительно применимая и к другим видам признаков и природных знаков в целом. Согласно этой классификации различаются следующие типы симптомов:

- объективные и субъективные;
- по доступности выявления — явные и скрытые;
- по срокам появления в течение болезни — ранние и поздние;
- по диагностическому значению — неспецифические, специфические и патогномонические.

Наиболее важным является деление диагностическое. Патогномонический симптом наблюдается только при одном заболевании и имеет абсолютное диагностическое значение. Специфический для конкретной болезни симптом значительно повышает вероятность ее правильного распознавания, однако недостаточен для постановки абсолютно достоверного диагноза, реализуемого при наличии и других признаков данной болезни. Специфичность симптома часто зависит от уточнения его качественной характеристики. Например, хрипы в легких — неспецифический симптом, встречающийся при многих заболеваниях. Уточнение принадлежности хрипов к классу влажных или сухих, определение их калибра, звонкости, локализации, связи с фазами дыхания и т.д. позволяет установить их специфичность для конкретной болезни. Различная степень специфичности симптомов используется в дифференциальной диагностике, в том числе компьютерной.

Различают также устойчивые совокупности ряда симптомов — **синдромы** (при едином патогенезе — совокупности процессов возникновения, течения и исхода болезни) и **симптомокомплексы** (при сочетании патогенетически разнородных симптомов, характеризующих заболевание, его осложнения и варианты проявлений) (см.: Соколов, Полосова 1996).

О степени развития медицинской семиотики свидетельствуют следующие цифры: в 1974 г. в отечественной медицинской терминологии было свыше 100 тысяч наименований симптомов и несколько десятков тысяч наименований синдромов. В этом же году, по данным Американской ассоциации врачей, в английском языке применялось свыше 150 тысяч наименований и символов симптомов. Диахронический анализ выборки в 1018 отечественных эпонимических (названных по имени врача или пациента) наименований симптомов показал, что 20 из них появилось в XVIII веке, 50 — в период 1800—1850-х годов; за период 1850—1890-х годов в каждые 10 лет появлялось около 40 наименований симптомов, в 1890—1910 годов — 200 наименований, в 1910—1930 годов — 300 наименований и в 1930—1950 годов — 320 наименований (Субботин 1982).

В развитии наименований некоторых симптомов и синдромов замечена тенденция к замене мотивировки наименований в связи с развитием и уточнением знаний. Из-за важности определения формы заболевания и сложности отнесения впервые описываемого заболевания к определенному классу, обнаруженные явления часто называются именем исследователя как наиболее нейтральной, «безопасной» формой термина, в силу чего здесь очень распространены эпонимические термины. По мере развития знаний о данной форме болезни, ее название зачастую изменяется для отражения ее места в научной системе болезней.

Например, одна из наиболее распространенных в настоящее время форм туберкулеза кожи (индуративный туберкулез кожи) был впервые описан в 1855 г. французским дерматологом Антуаном Базеном и первоначально получил название «болезнь Базена». Эта болезнь характеризуется образованием в подкожной клетчатке твердых узлов, кожа над которыми становится розоватой, вследствие чего в дальнейшем появилось новое наименование, основанное на этом внешнем признаке — «уплотненная эритема» (эритема — ограниченное покраснение кожи). С дальнейшим изучением болезни и открытием ее возбудителей — микробактерий туберкулеза — эта болезнь получила свое место в классификации болезней, а ее наименование — нынешнюю системную форму «индуративный туберкулез кожи». Бывшие названия перешли в ряд синонимов и постепенно выходят из употребления. Этот пример свидетельствует о возможности определения развития знания по форме термина (Гринев-Гриневиц 2008: 212).

3.2.2. Биосемиотика

Проблемы знаковых систем животных имеют давнюю историю. В XVI в. коимбрские схоластики упоминают аристотелевское учение о пении птиц и обсуждают словообразование у попугаев и сорок, а также различные виды общения среди диких животных: мычание коров и лай собак (см. раздел 1.3.1).

В 1960—70-е годы семиотика узаконивает рассмотрение систем сигнализации и даже основных форм поведения животных

как «язык слабой степени» (Степанов, 1971). Формирование и развитие подобной тенденции привело к обособлению особой ветви семиотики — «зоосемиотики» (Себеок — Sebeok, 1963, 1972, 1977), или «биосемиотики» (Степанов 1971), которые призваны исследовать знаковые системы животных. Однако уже в 1970-е годы наметилось расхождение в целях и направлениях зоосемиотики и биосемиотики: последняя может быть определена как «достаточно самостоятельная и относительно замкнутая область междисциплинарных исследований, лежащая на пересечении биологии и семиотики и занимающаяся изучением свойственных организмам знаковых систем. Последние характеризуются наличием у них плана выражения и плана содержания, между которыми существует причинно не детерминированная связь. В результате знаковым системам свойственны явления синонимии и омонимии... Биосемиотика исследует знаковые системы разных уровней — молекулярно-биологического (генетический код), внутриклеточного (сигнальные пептиды), межклеточного (медиаторы, иммунные взаимодействия), внутриорганизменного (гормоны, условно-рефлекторные реакции) и межорганизменного (телергоны, феромоны, аттрактанты). Семиотические системы организменного и межорганизменного уровней являются предметом специального изучения в этологии. Кроме того, биосемиотика покрывает всю проблематику, связанную с проблемой существования языка и мышления у животных» (Седов. Что такое...). Исходя из этого зоосемиотику можно рассматривать как раздел биосемиотики, своеобразную экзосемиотику.

История биосемиотики как направления исследований насчитывает, по свидетельству специалистов этого направления, по крайней мере несколько десятков лет (Седов. О становлении...). Еще не введя само понятие «биосемиотика», первые ее основные концепции сформулировал немецкий биолог, живший в Эстонии — Якоб фон Экскюль (Jakob von Uexkull), в 1940 г. в работе с названием «Учение о значении»). По мнению Ю.С. Степанова, в своем понимании значения Экскюль прозорливо предвосхитил, одну из главных идей современной семиотики: само явление «значения» не является каким-либо исключительным

свойством человеческого языка или человеческой психики, в иной форме оно присутствует всюду в органической природе.

Сформулированное таким образом определение включает явление значения в еще более широкий круг явлений, известных под названием «отражения». Общее свойство отражения в различных видах и степенях пронизывает всю известную нам природу, включая и неорганическую.

Сам термин «биосемиотика» появился значительно позже: сами биосемиотики считали, что его автор — наш соотечественник Ю.С. Степанов (Степанов 1971), но эстонский биосемиотик К. Кульль показал (Kull 1999), что впервые этот термин, а также три вполне правомерных и сейчас закона биосемиотики были предложены специалистом по нейроанатомии, медицинской психологии и психиатрии Ротшильдом (Rotschild) в 1962 г., т.е. за девять лет до упомянутой книги Степанова.

Начиная с 1950-х годов развитие зоопсихологии и этологии, а также экологии как анализа сообществ различных эволюционно далеких друг от друга организмов с коммуникациями между представителями разных экологических ниш и трофических уровней привело к пониманию того, что достижения разнообразных направлений семиотики можно экстраполировать за пределы человеческой культуры, чтобы помочь понять поведение особей как в популяциях своего вида, так и в модельных экосистемах и природных биоценозах. Большой вклад в развитие этих взглядов, начиная с 1960-х годов внес крупнейший семиотик и биосемиотик Т.А. Себеок. Так зародилась экзосемиотика.

Ю.С. Степанов считает, что для семиотики наиболее интересны следующие выводы исследователей этой школы.

1. Животные обладают врожденной способностью узнавать важные для существования их вида и их особи объекты: врага, пищу, особь другого пола. Узнавание всегда происходит по небольшому количеству элементарных различительных (дифференциальных) признаков, которыми животное отличает один объект или один ряд объектов из своего «внешнего мира». Это позволило ученым смоделировать такие предметы, воспроизведя только те их черты, которые существенны для того, чтобы животное их опознало. Например, самец бабочки-перламутровки

обычно начинает свой брачный танец при виде порхающей самки, но в условиях опыта он танцует также и при виде бумажной модели самки, подвешенной на конце прута: на величину реакции самца не влияла ни форма модели, ни рисунок, а только особенности порхания и общий цвет. Самец рыбы-колюшки начинает брачный танец при виде самки с раздувшимся от икры брюшком, но его танец может быть вызван и моделью самки, причем он реагирует даже сильнее на такую модель, которая представляет брюшко утрированно, преувеличенно раздутым.

Если связь организма с внешней средой, в том виде как эта связь описана Я. Иксюлем, считать первой, низшей ступенью знаковости, то явления, описанные этологами, составляют вторую, более высокую на эволюционной лестнице, ступень знаков. Явление здесь, например самка для самца, биологически важно (релевантно) для существования животного, но это явление в процессе связи между животным, в данном случае самцом, и внешним миром раздваивается: биологически важно явление в целом (самка) как особь, для информации же важны лишь некоторые черты явления (форма порхания; форма и объем брюшка), которые делаются представителем всего явления, сигналом о нем или его знаком. Знак здесь уже не тождествен тому, что он означает, не тождествен означаемому (самой самке), хотя и составляет его неотъемлемую часть.

2. Этологи обнаружили также, что весь комплекс инстинктивного поведения животных, в особенности низших, распадается на ряд довольно отчетливо отграниченных друг от друга типичных «кадров». Благодаря этому исследователи смогут составить «каталоги», или «инвентарь» актов поведения («этограмму» поведения). Этот вывод также очень важен для семиотики; если инстинктивные акты, по крайней мере некоторые (например, акт распознавания), основаны на явлении сигнала или знака, а поведение животного распадается на цепь таких актов, то, следовательно, по крайней мере, некоторые звенья этой цепи являются постоянно, регулярно и в типичной форме воспроизводимыми знаками.

До сих пор вопрос о «языке животных» ставили односторонне. Между тем, с точки зрения современной семиотики, вопрос

следует ставить не как «Есть ли “язык животных” и в чем он проявляется?», а иначе: само инстинктивное поведение животных есть род языка, основанного на знаковости низшего порядка. В гамме языковых, или языкоподобных явлений, оно, по сути дела, не что иное, как «язык слабой степени».

У некоторых видов животных есть и еще более самостоятельные системы связи и сигнализации, основанные на несколько более абстрактных явлениях знака. Таковы система «танцев» у пчел, возможно, некоторые виды связи у муравьев. Наконец, у обезьян обнаружена и описана звуковая система связи, в некоторых отношениях уже близкая к человеческому языку (Степанов 1971).

Работы же по эндосемиотике появились еще позже — с развитием молекулярной биологии и генетики, биологии клетки, биологии развития и нейробиологии. Причины этого таковы. Физико-химические подходы в биологии («физико-химическая биология», включающая белковую, генную, клеточную и эмбриональную инженерии и еще многие биотехнологии) дали ценнейший арсенал приборов и молекулярных инструментов (включая биогенные), базу для множества методик и постановок задач. Однако восприятие живых систем как физико-химических объектов оказалось недостаточным: при таком подходе игнорировались их многоуровневые иерархии структур и функций, сети знаковых систем и процессов. Можно сказать, что биология уже вполне использовала логику и методологию физико-химического анализа различных стохастических ансамблей, а теперь все более переходила к анализу знаковых, информационных структур и событий. Так, еще 25 лет назад молекулярная генетика эукариот (к ним относятся грибы, животные и растения) базировалась на методах статистического физико-химического сравнения сходств гетерогенных фракций ДНК. Однако в 1977 г. были созданы общие методы чтения (секвенирования) различных участков ДНК (включая разнообразные гены) как из разных организмов, так и кодирующих разные биологические смыслы. И за эти 25 лет методологии молекулярной генетики принципиально изменились: она работает с текстами в строгом смысле, по своей логике напоминая не физику

и химию, а структурную и сравнительную лингвистику. За те же годы биохимия перестала довольствоваться изучением кинетических параметров реакций: теперь ее объекты — пространственные знаки — 3- и 4-мерные модели конкретных белков, выявленные путем чтения соответствующих генов и анализа их возможных форм и взаимодействий между ними. Большинство проблем биологии клетки теперь рассматривают именно как знаковые пространственно-временные взаимодействия: между генами и белками — их регуляторами, между сигнальными молекулами и нейропептидами и мембранными рецепторами, и т.п. Поверхность клетки осмысливают как сложную систему макромолекулярных ансамблей и поверхностей, сравнимую с совокупностями механизмов и архитектурных сооружений. Поведение клеток в организме во многих аспектах сравнимо с социальными процессами. Этапы эволюции сегментированных защитных покровов тел животных (членистоногих, панцирных рыб, наземных рептилий) сходны с этапами эволюции воинских доспехов (античных, рыцарских, кирасирских), причем доспехи создавались задолго до палеонтологических знаний. Экологические ниши видов, по определению эколога Ю. Одума, — это их «профессии» в биоценозах, и здесь тоже уместны глубинные социальные аналогии. В концепциях эволюции стохастические модели генетики популяций и естественного отбора, внося свой вклад, показали свою недостаточность: современные концепции эволюции живых организмов — от молекулярно-генетических до морфологических и экологических все более становятся автогенетическими: во главу угла они ставят внутренние «конструкторские бюро» биосистем — специфические интерпретации их внутренних и внешних смыслов геномами, клетками, органами, организмами, популяциями, биоценозами, оставляя естественному отбору лишь функции «отдела технического контроля на выходе». Значит, и здесь уже преобладают концепции, по сути своей биосемиотические.

В общем, знаковые процессы и информационные системы могут иметь логически сходные структуры и закономерности, при этом состоя из физически совершенно различных компонент и имея различные физические размеры и происхождение.

Именно в биологических системах присутствуют и взаимодействуют объекты, похожие на разнообразные взаимодействующие продукты культуры: и на рукотворные тексты (генетические ДНК-программы и кодируемые в них РНК и первичные структуры белков), и на иероглифы (малые биогенные молекулы, лишь отдельные из которых стали «буквами» — 5 нуклеотидов и 20 аминокислот), и на невербальные произведения культуры (третичные структуры белков, ансамбли молекул на мембранах, разнообразные формы органов и организмов), и на человеческие общества (клетки в организме, популяции особей одного вида, системы трофических и информационных сетей в биоценозах). Все это — поле деятельности биосемиотики.

По мнению специалистов, для анализа главных мета-феноменов, специфических для биологии — причин, механизмов и путей метаболизма, онтогенеза, эволюции, экологических сукцессий, биологических основ сознания и коммуникаций — необходимы именно семиотические подходы.

Биосемиотика, по единодушным оценкам многих ее представителей, начала стремительно развиваться — как коллективный продукт работы научного сообщества — лишь с конца 1980-х годов. Следствия этого таковы.

(1) Понятийный аппарат биосемиотики, включая и ее терминологию, все еще находится в стадии интенсивного формирования.

(2) Значительная доля важных текстов по биосемиотике — как исследовательских работ, так и описаний событий в ее развитии — сразу помещается на соответствующие крупные сайты в Интернет, а далеко не только в «бумажные» научные журналы и монографии.

(3) В обиход отечественных исследователей сам термин «биосемиотика» только начинает входить, и русскоязычной литературы по биосемиотике практически нет. Поэтому отечественными биологами написано немало работ, полных «спонтанной семиотики», однако сами себя эти биологи как представителей биосемиотики не идентифицируют, а мировое сообщество биосемиотиков их работ не знает и не обсуждает (Седов. О становлении...).

Что касается развития биосемиотики в России, то первые конференции по биосемиотике проходили на территории бывшего СССР, в частности, первая в истории конференция по биосемиотике «Биология и лингвистика» состоялась в Тарту в 1978 г. Международные встречи биосемиотиков последних лет показали большое своеобразие русской биосемиотической школы как некоторого единства биосемиотиков, унаследовавшей традиции русской науки и русской культуры в целом. Вместе с тем, эта школа как школа никак не оформлена — ни организационно, ни терминологически, ни концептуально, ни коммуникативно (нет никаких специализированных изданий или конференций). Более того, существует значительное число групп и отдельных исследователей, которые никак не взаимодействуют друг с другом и даже не осознают того, что, по сути, занимаются одним делом. Еще более усугубилось такое положение за последние 10—15 лет, когда русские исследователи расселились по всему миру. Несмотря на все это Русская семиотическая школа как целое обладает высокой степенью своеобразия и глубины, некоторые результаты получены ею на десятки лет раньше других школ семиотики (Седов).

В *зоосемиотике*, по мнению Г.Н. Симкина, процесс адаптации семиотических и лингвистических доктрин к проблемам поведения и сигнализации животных сопровождается рядом тенденций весьма проблематичного характера. Здесь намечается явное отождествление сигнала и знака, что, в частности, ведет к расширению концепции знаковости на уровень инстинктивных форм поведения животных. Между тем именно этот шаг не только не является самоочевидным, но и остро дискуссионен (Симкин 1976: 334).

Концепцию знаковости как исключительной прерогативы человеческого общества активно отстаивают многие психологи и лингвисты (Бенвенист, Мартине, Выготский, Леонтьев и др.). Таким образом, предполагается ограничить понятие знака, сведя его до только условных знаков. Однако уже в исходных идеях Ч. Пирса встречаются острые противоречия. Так, рассматривая код как высшую ступень развития знака, Пирс определяет его как знак благодаря соглашению или же благодаря естественному

инстинкту. Ч. Моррис специально рассматривает возможность знаковых явлений в животном мире, но как сторонник бихевиоризма ограничивает их условно-рефлекторной, ассоциативной сферой.

Впервые в отчетливой форме мысль о знаковом характере инстинктивных форм поведения высказана Б. Расселом. В последующем эту позицию безоговорочно заняли ученик Ч. Морриса Т. Себеок и некоторые отечественные лингвисты (Степанов 1971). Признавая исключительную эффективность взаимодействия биологии, лингвистики и семиотики, следует одновременно подчеркнуть принципиальный характер существующих противоречий.

Развитие семиотики и попытки определить специфику семиотических систем животных приводят исследователей к необходимости уточнить такие фундаментальные понятия сопряженных наук, как «язык», «код», «сигнал», «знак», «символ», «признак» и т.п. Однако анализ современной ситуации обнаруживает сложное сплетение разночтений, в котором сущностное формирование линии демаркации между животным и человеком в лучшем случае постулируется лишь в волюнтаристской форме. Подчас непримиримыми противоречиями пестрят даже определения основных терминов (сигнал — это знак, не являющийся символом — Моррис 1946; сигнал — физическое воплощение сообщения, передача, предъявление знака-события — Черри 1972; и символы и сигналы представляют собой разновидности знаков; «знак есть некоторое А, обозначающее некоторый факт или объект В для некоторой интерпретирующей мысли С» — Ч. Пирс; «знак — это подготовительный стимул, который при отсутствии объектов стимуляторов вызывает у организма склонность к родовому реагированию, которая реализуется при определенных условиях» — Ч. Моррис; знак — средство воздействия одного организма на поведение или состояние другого организма в коммуникативной ситуации — Черри; код — определенное преобразование или набор однозначных правил, посредством которых сообщение может быть представлено в другой форме — Черри 1972).

Э. Бенвенист (1974) пытался провести линию демаркации сигнальных систем животных и истинно знаковых систем (естественные и искусственные языки человека), связывая процесс становления истинной знаковости с процессом установления кодов. При этом животные лишаются возможности формирования символов. Эта позиция находит лишь частичную поддержку в указании Пирса, по мнению которого, именно код — единственно подлинный знак, знак в собственном смысле слова.

Особое значение в становлении основных проблем зооэмиотики имеют исследования лингвистов. Ч. Хоккет (Hockett 1958), исследуя «языки» животных и человека, обратил внимание на следующие черты языка: двойственность, продуктивность, произвольность, взаимозаменяемость, специализацию, перемещаемость и культурную преемственность. В дальнейшем он увеличил число указанных черт до тринадцати и до шестнадцати. Советские лингвисты (Серебренников 1970) обращают особое внимание на двойственный характер языкового (словесного) знака, его связь с механизмами обобщения и механизмами формирования мысли. Число важнейших функций словесного знака весьма велико: он обобщает (сигнификативная функция), обозначает (номинативная функция), сообщает (коммуникативная функция), выражает определенные чувства, переживания (прагматическая функция). Если язык отождествляется с коммуникацией, то и у животных — тоже язык.

С наиболее широких семиотических позиций рассматривает язык Т. Себеок, который считает, что речевая коммуникация может изучаться как информационная система, а естественный язык — как код, используемый в этой системе. Себеок полагает, что человеческий язык отличается от «языка» других живых существ лишь уникальной способностью к комбинации характеристик или комплексной формой кодирования. При этом знаки животных большей частью кодируются по аналоговому принципу, а в человеческой речи (в противоположность мнению некоторых лингвистов) одна часть информации кодируется по аналоговому типу, другая — по дискретному. Дискретный механизм может быть уникальным свойством человеческой речи. По мнению Себеока, эмоции кодируются по аналоговому принци-

пу, а «рациональные» элементы человеческой психики — по дискретному. Среди коммуникативных универсалий он отмечает следующие функции языка: эмотивную, фатическую, познавательную, конотативную (вокативную и императивную), поэтическую и металингвистическую. Первые две функции характерны и для животных, вторые две, возможно, встречаются у них. Две последние — бесспорная принадлежность лишь человека.

В соответствии с традицией, берущей начало в работах И.П. Павлова, определяя «сигнальность» как наиболее широкое явление, объединяющее и врожденные и приобретаемые (условные) формы коммуникации, мы склоняемся к необходимости искать истоки знаковости в эволюции сигнальных связей. Возможно, что ступени знаковости не совпадают с основными этапами развития форм и механизмов сигнальной деятельности у животных. Истинная знаковость зарождается на относительно высоких уровнях развития условнорефлекторной деятельности и, в первую очередь, с развитием способности к «переносу» или изменению «естественных» значений сигналов (некоторые воробьиные птицы и, в частности, врановые, псовые, приматы и т.д.). Иными словами, наиболее тесно она связана с созданием условного знака особого рода. Все предшествующие стадии, включая инстинктивные формы сигнализации, есть сфера действия чистых сигналов, или сигналов-признаков. Демаркация знаковых и сигнальных процессов резко усложняется обязательным переходом сформированных условных связей в автоматизированную форму реализации, не оставляющую формальных критериев расчленения врожденных и условных реакций. Многие сложности рассматриваемых проблем связаны с принципом изоморфизма (структурным тождеством или структурными параллелизмами) последовательно возникающих биологических систем.

3.2.3. Этносемиотика

Предмет этносемиотики определяется Ю.С. Степановым как изучение «неявного уровня» человеческой культуры. Даже когда отдельным объектом наблюдения для этносемиотики выступает

что-либо вполне осязаемое, например фольклорная свадебная песня или заговор, точка зрения семиотики на этот предмет отличается от точки зрения науки о фольклоре: семиотика изучает его как часть таких знаковых систем данного общества, смысл и роль которых самими членами общества не осознается.

Согласно Ю.С. Степанову, этносемиотика — молодая и быстро развивающаяся наука, в ней нет еще общепризнанных обобщающих теорий. За рубежом, особенно в США, проводится большое количество отдельных конкретных исследований в рамках этнографии (называемой там «культурной и социальной антропологией»). Типичным примером исследования, проводимого в этом направлении, является изучение человеческих поз, которые могут быть частью знаковых систем. В рамках культурной и социальной антропологии исследование поз может проводиться с разных сторон.

С одной стороны, позы могут изучаться с точки зрения физиологии человеческого организма (точно так же можно изучать плач, смех, физиологические отправления и т.д.), это так называемая этологическая точка зрения. Описание поз важно для инженерной психологии, заключающейся в изучении человека в контакте с машиной: реакции и поведение человека, размещение человека перед машиной или станком, конструкция рукояток, пультов управления и т.д.; знание типичных поз для данной национальности важно при планировке квартир, мебели и т.д.; для психиатрии наблюдение над позами в свою очередь может пролить свет на физическое поведение здорового человека.

С другой стороны, позы могут изучаться как положения человеческого тела, типичные для данной культуры. Это этнологическая точка зрения. Общее количество различных устойчивых положений, которые способно принять человеческое тело, около 1000. Но из них в силу культурной традиции каждого племени и народа некоторые запрещаются (табуируются), а другие закрепляются. Поэтому изучение поз обязательно должно быть сравнительным, «межкультурным». Для того чтобы определить, значима ли какая-либо поза, например поза сидения за едой, т.е. имеет ли она этнологическое значение, нужно сравнить позы сидения за едой в разных культурах, например у индейцев Север-

ной Америки и аборигенов Новой Зеландии. Если позы окажутся устойчиво различными, то они — факт культуры.

После этого может быть составлен каталог этнологических поз. После выделения мельчайших, элементарных единиц пространственного поведения человека — поз и составления каталогов — начинается глубинное культурно-этнографическое их изучение, которое может проводиться по следующим линиям:

а) взаимосвязь поз с другими знаковыми и незнаковыми системами культуры: одежда, планировка жилищ и т.д.;

б) культурно-историческая традиция — устойчивость некоторых поз на протяжении длительных периодов существования народов.

Собственно семиотическое или, лучше сказать, семиотическое в узком смысле, изучение поз начинается тогда, когда к выделенным и каталогизированным этнологическим позам начинают применять те же принципы анализа, которые выработаны в современной лингвистике для описания языка. Как ни мало подчас семиотической теории в работах такого рода, но накопленный в них материал позволяет поставить важные семиотические вопросы.

Вопрос о месте наблюдателя по отношению к наблюдаемым фактам. Исследователь, наблюдающий, например, позы, не может вполне обнаружить их культурное (этнологическое) значение до тех пор, пока наблюдает их «изнутри», живя среди данного народа. Для этого ему нужно переместиться в среду другого народа и сравнить факты «извне». Само пересечение какой-либо этнографической границы оказывается достаточным, чтобы увидеть общий семиотический или, напротив, несемиотический (биологический, этологический) характер обычаев. Это положение дел можно сравнить с тем, как человек, долго проживший в какой-нибудь стране и знающий ее не лучше и не хуже, чем любой ее житель, делается обладателем ценнейших знаний об этой стране, как только переезжает в другую страну. Всем известно, например, как ценятся преподаватели иностранного языка, жившие в стране этого языка и знающие, как там в действительности выражаются люди в определенных жизненных ситуациях.

Между тем, в стране этого языка их знания ни для кого не представляют интереса.

Остановимся теперь на некоторых общих теориях в области этносемиотики. Широкую известность, но не столь же широкое признание, получила теория французского антрополога Клода Леви-Стросса. У этого автора в рамках одной теории, по-видимому, соединяются философская экзистенциалистская основа и структуралистская методика, тяготеющая к совершенно иной философской основе.

К. Леви-Стросс отчасти осознавал эту коренную двойственность своей теории, вытекающую из ее двойственного философского основания. Он пытался преодолеть ее указанием на то, что необходимо различать уровень наблюдения и уровень эксперимента, чтобы избежать противоречия между конкретным и индивидуальным характером объекта наблюдения в культурной антропологии и абстрактно универсальным и формальным характером структурного анализа.

Удовлетворительно понять социальный факт можно только путем его «глобального охвата», а не как воссоединение отдельных черт — технических, экономических, юридических, религиозных и т.д. Истинным является не отдельный факт молитвы, не право в целом, а человек — «меланезиец такого-то определенного острова» — или социальная общность людей в целом в данном конкретном времени и пространстве: Рим, Афины и т.п.

«Глобальный охват» далее требует непосредственного включения наблюдателя в наблюдаемую действительность, его «сопереживания», происходящего в ней. «Все, что наблюдается, является частью акта наблюдения, но его частью является и сам наблюдатель». (Здесь в более разработанной форме ставится упомянутый уже выше вопрос о «месте наблюдателя».) Но, погружаясь в изучаемую действительность, исследователь живет в ней как участник, вместо того чтобы наблюдать ее как этнограф. Это противоречие было бы неразрешимым, если бы различие между объективным и субъективным было в социологии и науке о культуре таким же строгим, как в физике. Но этого нет, потому что человек как субъект наблюдения может

путем взгляда на себя со стороны, путем «процесса отчуждения, объективации», все больше и больше, практически бесконечно, приближаться к самому себе как объекту наблюдения. Этот процесс происходит скачками, сначала крупными, потом все более и более мелкими, приближающимися в совокупности к плавной линии перехода: всякое общество, отличное от нашего, есть объект наблюдения; всякая социальная группа в нашем обществе, отличная от нашей группы, есть объект наблюдения; всякий обычай нашей группы, который мы сами не разделяем, есть объект наблюдения и т.д.

Структуральный же метод теории требует сведения социального факта к совокупности отношений, или «пучку различных (дифференциальных) признаков», подобно тому как это делается в лингвистике и лингвосомиотике.

Эта идея стоит в решительном противоречии с основным положением той теории семиотики, которая проводится в данной книге: вещи стали значить постепенно и градуально, что касается частного положения К. Леви-Стросса в том, что «все стало значить», то оно развивается впоследствии в идею «глобального знака». Представление об устройстве знака, состоящего из «означаемого» (смысла) и «означающего» (внешнего выражения), распространяется на весь общественный мир человека, на всю социальную действительность, которая в этой концепции становится одним гигантским знаком и делится, как всякий знак, на «глобальное означаемое» и соответствующее ему «глобальное означающее», например, так:

<i>Глобальное означаемое</i>	<i>Глобальное означающее</i>
совокупность сообщений общность женщин	языковые структуры структуры родства
языковые структуры	экономические структуры
совокупность материальных благ и услуг	совокупность производительных сил, производственные отношения и т.п.

Конечно, такое широкое толкование угрожает потопить многие здравые, конкретные и ясные идеи этносемиотики.

Особенный интерес (не только для этносемиотики, современной семиотики культуры, но и для общей семиотики) в 1960-е годы представляет другое направление, складывающееся в работах французских авторов Р. Барта и М. Фуко. Оба исследователя работают совершенно независимо друг от друга, но в их работах много общего, и в материале исследования (оба изучают историю культуры развитых европейских стран, в особенности Франции), и в выводах.

Ролан Барт, начиная с 1947 г., в течение ряда лет публиковал в прессе статьи по теоретическим вопросам современной литературы. В 1953 г. они вышли под заголовком «Нулевая ступень письма» отдельным сборником, сыгравшим значительную роль во всем дальнейшем развитии французской семиотики. Слово «письмо» Барт употребляет приблизительно в том первоначальном смысле, в каком по-русски употребляется слово «письмо» в выражениях: у этого писателя широкая манера письма; икона новгородского письма и т.п. Но далее Барт использует этот термин для обозначения особого семиотического явления. Барт обратил внимание на то, что между общим национальным языком и индивидуальным стилем писателя существует еще промежуточная ступень — как бы диалект литературного языка, присущий нескольким писателям одновременно.

Эту ступень Барт и назвал «письмом». Общность письма объединяет вовсе не обязательно писателей одного времени: так, французские писатели Фенелон (1651—1715) и Мериме (1803—1870) различаются языком и индивидуальным стилем, но общи по «письму». И, напротив, Мериме и его современник Лотреамон или наши современники Камю и Клодель резко различаются «письмом». «Письмо — мораль формы», — в такой афоризм вкладывает Барт свое определение. Но «письмо» вместе с тем и глубоко исторично: одно «письмо» существует лишь в течение того времени, пока в обществе существует один и тот же взгляд на литературную форму. Бальзака и Флобера разделяет резкий разрыв «письма», своего рода революция «письма». Так, Барт вводит очень важное понятие семиотической революции. Если

первая семиотическая революция, по мнению Барта, разделяет Бальзака и Флобера, то вторая совершается во Франции на наших глазах: Барт видит ее в том, что появляется тип «писателя без литературы», например А. Камю, — писателя, стремящегося освободить «письмо» от всяких наследственных и традиционных литературных связей. Такую новую форму «письма» Барт и назвал «нулевой ступенью письма» — термином, давшим название всей его книге.

Мишель Фуко — автор своеобразной трилогии по истории науки: «История психозов», «Слова и вещи» (1966), «Археология познания» (1968). Начиная со второй, и особенно в третьей книге, история науки переходит, по выражению автора, в «теорию исторического развития эмпирических наук». В качестве таких наук М. Фуко рассматривает естественные науки, науку о языке (с особым вниманием к его знаковым свойствам) и науку об экономике (главным образом в эпоху от XVI до начала XIX века), т.е. те отрасли знания и в тот именно период, когда из них постепенно оформлялись соответственно биология с медициной, языкознание и политическая экономия. Фуко справедливо указывает, что хотя «наукой по преимуществу» считается абстрактная теоретическая наука — математика, однако наиболее непосредственное воздействие на жизнь общества оказывают именно эти, эмпирические, науки.

Сам М. Фуко не ощущает своей близости к семиотическим идеям, в частности Р. Барта, но, по мнению Ю.С. Степанова, эта близость несомненна. Подобно тому как для литературы Р. Барт выделил промежуточный уровень между индивидуальным стилем писателя и общим литературным языком — «письмо», Фуко для эмпирических наук выделяет промежуточный уровень между индивидуальным научным творчеством и общественно признанной научной теорией с ее объективным содержанием. Этот промежуточный уровень — типичная для каждой эпохи повседневная практика научной работы, представляющая собой существующую объективно, независимо от сознания и психологии людей, семиотическую систему.

Фуко поясняет это следующим примером. В XVII в. натуралисты занимались преимущественно описаниями и клас-

сификацией отдельных животных и растений. История этого периода науки может быть написана с двух точек зрения: либо историк науки исходит из вещей, т.е. в данном случае из каталога растений и животных, известных ему в настоящее время, и показывает, что выделяли, что опускали, чего не замечали в животном и растительном мире натуралисты XVII в.; либо он исходит из терминов, которые находились в научном обиходе XVII в., и показывает, каким образом ученые той поры накладывали «сетку слов» на объективный мир, — это путь «от слов». Оба пути Фуко называет традиционными и намечает третий путь: исследовать, каким образом ученые XVII в. обнаруживали связь понятий «слова» и «вещи», как они рассуждали обычно, каковы были принятые в то время способы введения объектов в науку, утверждения новых понятий и т.д. Эти явления и составляют в смысле Р. Барта «письмо» науки. Если элементарная ячейка содержания научной теории — логическое суждение (и ее рассматривает исследователь, идущий по «первому» пути), а элементарная ячейка научного языка — грамматическое предложение (и ее рассматривает исследователь при «втором» пути), то элементарной ячейкой промежуточного уровня, который исследует Фуко, оказывается обычный научный оборот, обычный способ изъяснения в повседневной практике ученого, совокупность неосознаваемых им самим знаков. Фуко показывает, что этот промежуточный уровень, «научное письмо», развивается по объективным семиотическим законам (хотя сам автор не употребляет термина «семиотический»). Книга «Слова и вещи» имеет поэтому, по мысли автора, до некоторой степени иронический заголовок: она противостоит всем традиционным анализам — и «от слов», и «от вещей» (Фуко 1971).

Так же как Р. Барт в истории литературы, Фуко в истории эмпирических наук обнаруживает явления семиотической революции. Он видит две таких революции на протяжении X—XIX вв.: одна отделяет эпоху Возрождения от XVII в., другая разделяет конец XVIII и начало XIX в. В эпоху Возрождения научная мысль постоянно и последовательно опирается на принцип сходства, аналогии.

В начале XVII в. происходит семиотическая революция. Принципом научного мышления делается теперь не «сходство» — сходство рассматривается как источник заблуждения, а не как путь к открытию, — а принцип «тождество—различие»: за внешним сходством может скрываться и внутреннее тождество и внутреннее различие. В составленной в то время «Грамматике Пор-Рояля» этот новый принцип принимает следующий вид: слова есть внешняя форма мысли, мысль же, логика, у всех народов едина, поэтому на основе логики можно составить одну «Всеобщую, или универсальную, грамматику», пригодную для всех языков. Нетрудно заметить, что этот принцип опирается на аристотелевское и средневековое (выраженное в спекулятивной грамматике) понимание знаковой ситуации

Отдельная глава книги (глава 3. «Говорить») посвящена анализу исторических изменений в понимании знаков. Важным событием, по мнению Фуко, стал переход от понимания знака в XVI в. к его рассмотрению в XVII в. По его словам, классицизм определяет знак согласно трем переменным:

1. Происхождение связи: знак может быть естественным (как отражение в зеркале указывает на то, что оно отражает) или условным (как слово для группы людей может означать идею).

2. Тип связи: знак может принадлежать к совокупности, на которую он указывает (как здоровый вид составляет часть здоровья, о котором он свидетельствует), или же быть от нее отделен (как фигуры Ветхого Завета являются отдаленными знаками Воплощения и Искупления).

3. Надежность связи: знак может быть настолько постоянен, что его верность не вызывает никакого сомнения (так дыхание указывает на жизнь), но он может быть просто вероятным (как бледность при беременности).

Ни одна из этих форм связи не подразумевает с необходимостью подобия; даже сам естественный знак не требует этого: крики — это спонтанные знаки, но не аналоги страха. Эти три переменные заменяют сходство для того, чтобы определить действительность знака в сфере эмпирических познаний.

Знак, поскольку он всегда является или достоверным, или вероятным, должен найти свое пространство внутри познания.

В XVI в. придерживались мнения, что вещи наделены знаками для того, чтобы люди могли выявить их тайны, их природу и достоинства... Начиная с XVII в. вся область знака распределяется между достоверным и вероятным; иначе говоря, здесь уже нет места ни неизвестному знаку, ни немой примете не потому, что люди будто бы владеют всеми возможными знаками, но потому, что знак существует постольку, поскольку *познана* возможность отношения замещения между двумя уже *познанными* элементами.

Именно в этом пункте знание разрывает свое старое родство с *прорицанием*. Прорицание всегда предполагало знаки, которые предшествовали ему: так что познание целиком размещалось в зиянии открытого или подтвержденного или тайно переданного знака. В его задачу входило выявление языка, предварительно введенного Богом в мир; именно в этом смысле благодаря существенной импликации оно прорицало, и оно прорицало о *божественном*. Отныне знак начинает что-либо означать лишь внутри познания; именно у него знак заимствует теперь свою достоверность или свою вероятность. И если Бог еще применяет знаки, чтобы говорить с нами посредством природы, то он пользуется при этом нашим познанием и связями, которые устанавливаются между впечатлениями, чтобы утвердить в нашем уме отношение значения. Нет больше *прорицания*, т.е. проникновения познания в загадочное, открытое, священное пространство знаков, а есть краткое и сосредоточенное на себе познание: резюмирование длинной серии суждений в мимолетной фигуре знака. Знание, которое *случайно* разгадывало абсолютные и более древние, чем оно само, знаки, замещено теперь сетью знаков, постепенно созданной познанием вероятного.

Вторая переменная знака: форма его связи с тем, что он означает. Подобие в XVI в. побеждало пространство и время, так как роль знака состояла в соединении и связывании вещей. Напротив, в классицизме знак характеризуется своей существенной дисперсией. В этом пространстве знак может занимать две позиции: или он в качестве элемента составляет часть того, означением чего он служит; или он реально и действительно отделен от него. Но для того чтобы элемент восприятия мог стать знаком,

недостаточно, чтобы он составлял его часть; нужно, чтобы он был выделен в качестве элемента и освобожден от общего впечатления, с которым он неявно связан; следовательно, нужно, чтобы это впечатление было расчленено, а этот момент, входящий в состав общего впечатления, был изолирован от него.

Когда «Логика Пор-Рояля» говорила, что знак мог быть присущ тому, что он означает, или отделен от него, она показывала, что в классическую эпоху знак больше не предназначен приблизить мир к нему самому и связать его с его же собственными формами, но, напротив, предназначен для того чтобы расчленить его, расположить на бесконечно открытой поверхности и проследить, исходя из него, бесконечное развертывание замещающих его понятий, в которых он осмысляется. Благодаря этому открывается возможность и для анализа, и для комбинаторики, что делает мир от начала и до конца упорядочиваемым. Вещи при посредстве знака становятся различными, сохраняются в своем тождестве, разъединяются и соединяются.

Остается третья переменная, которая может принимать два значения: по природе и по соглашению. Задолго до «Кратила» было известно, что знаки могут быть даны природой или образованы человеком. XVI век также знал об этом и распознавал в человеческих языках установленные знаки. Однако искусственные знаки обязаны своей жизнеспособностью исключительно их верности естественным знакам. Последние издавна составляли основу всех других знаков. Начиная с XVII в. соотношение природы и соглашения оценивается противоположным образом: естественный знак — не что иное, как элемент, выделенный из вещей и конституированный в качестве знака познанием. Следовательно, он является предписанным, негибким, неудобным, и ум не может подчинить его себе. Напротив, когда знак устанавливается по соглашению, то его всегда можно (и действительно нужно) выбирать так, чтобы он был прост, легок для запоминания, применим к бесконечному числу элементов, способен делиться и входить в состав других знаков. Установленный человеком знак — это знак во всей полноте его функционирования. Именно этот знак проводит рубеж между человеком и животным; именно он превращает воображение в сознатель-

ную память, спонтанное внимание — в рефлексию, инстинкт — в разумное познание.

В классическую эпоху использование знаков означает не попытку, как в предшествующие века, найти за ними некий изначальный текст раз произнесенной и постоянно повторяемой речи, а попытку раскрыть произвольный язык, который санкционировал бы развертывание природы в ее пространстве, опорные термины ее анализа и законы ее построения. Знание не должно больше заниматься раскопками древнего Слова в тех неизвестных местах, где оно может скрываться; теперь оно должно изготовлять язык, который, чтобы быть добротным, т.е. анализирующим и комбинирующим, должен быть действительно языком исчислений.

Однако самое фундаментальное для классической *эпистемы* свойство знаков так до сих пор и не было сформулировано. Действительно, то, что знак может быть более или менее вероятным, более или менее удаленным от означаемого им, что он может быть естественным или искусственным, причем его природа и значение знака не были бы при этом затронуты, — все это показывает, что отношение знака к его содержанию не обусловлено порядком самих вещей. Отныне отношение означающего к означаемому располагается в таком пространстве, в котором никакая промежуточная фигура не обуславливает более их встречу: внутри познания это отношение является связью, установленной между *идеей одной вещи* и *идеей другой вещи*. «Логика Пор-Рояля» формулирует это так: «Знак заключает в себе две идеи — идею вещи, которая представляет, и идею представленной вещи, причем природа знака состоит в возбуждении первой идеи второй». Это дуальная теория знака, прямо противопоставленная более сложной организации эпохи Возрождения; тогда теория знака содержала в себе три совершенно различных элемента: то, что было отмеченным, то, что было отмечающим, и то, что позволяло видеть во втором метку первого; этот последний элемент был сходством: знак отмечал в той мере, в какой он был «почти той же вещью», что и вещь, которую он обозначал.

Проект всеобщей науки о порядке, теория знаков, анализирующая представление, размещение в упорядоченных таблицах

тождеств и различий — таким образом в классическую эпоху конституировалось то пространство эмпирического, которого не существовало вплоть до конца эпохи Возрождения и которое будет обречено на исчезновение с начала XIX в.

Но это не все. Таксономия предполагает, кроме того, определенный континуум вещей (непрерывность, полноту бытия) и определенную силу воображения, которое показывает то, чего нет, но позволяет тем самым выявить непрерывное. Эти исследования развивались в рамках требований знания, данного не как опыт Тождественного, но как установление Порядка. В этом знании речь идет о том, чтобы определить посредством знака все, что может нам дать наше представление: восприятия, мысли, желания. Эти знаки должны иметь ценность как признаки, т.е. выражать совокупность представления в отчетливо различных плоскостях, отделенных друг от друга посредством приданных им черт. Эти знаки устанавливают систему одновременности, согласно которой представления обнаруживают свою близость и удаленность, соседство и отстранение друг от друга, следовательно, такую сетку отношений, которая вне хронологии обнаруживает их родство и полагает в непрерывном пространстве их отношения порядка. Таким способом вырисовывается картина тождества и различий.

Именно в этой области располагается *естественная история*, наука о признаках, выражающих непрерывность и сложность природы. В этой же области располагается также *теория денег* и *стоимости* — наука о знаках, опосредствующих обмен и позволяющих установить эквивалентности между потребностями или желаниями людей. Наконец, здесь же размещается *Всеобщая грамматика* — наука о знаках, посредством которых люди перегруппировывают своеобразие своих восприятий и расчленяют непрерывное движение мыслей. Несмотря на различия между ними, эти три области знания существовали в классическую эпоху лишь в той мере, в какой между исчислением равенств и генезисом представлений утверждало себя фундаментальное пространство таблицы.

Науки всегда несут с собой проект, пусть даже отдаленный, исчерпывающего упорядочивания мира; они всегда устремлены

к открытию простых элементов и их возрастающего усложнения; в своей стихии они представляют собой таблицу, раскладку познаний в соответствующей своему времени системе. *Таблица* является центральным элементом в знании XVII—XVIII вв.

В естественных науках тот же принцип выглядит как принцип классификации. Вообще, в естественных науках — это эпоха классификаций, таких как знаменитая классификация растений и животных Карла Линнея. Классификация XVIII в. предполагает, что в мире есть логический порядок, и, для того чтобы отнести какое-либо растение или животное к определенному разряду классификации, нужно в этой особи обнаружить за внешними чертами внутренние сходства и различия с другими особями, свести индивидуальное к всеобщему и универсальному. Аналогично проявляется общий принцип и в экономических учениях. У «экономистов» Возрождения благородные металлы выступали как деньги в силу своих индивидуальных свойств, выражающихся в их внешних качествах, признаках. В XVII в. благородные металлы осознаются в науке как деньги лишь в силу того, что за их индивидуальными свойствами вскрывается их общее, универсальное свойство — свойство обмениваемости на все товары (ср.: Фуко 1977: 92—109).

3.2.4. Семиотика культуры

В 1950—60-х годах Барт занимается исследованием культурных явлений как знаковых систем, закладывая основы **семиотики культуры**. В своем исследовании «Система Моды», проведенном в 1957—1963 гг., он приходит к выводу, что мода — это система знаков, которая при внимательном восприятии может дать информацию о личности, репрезентирующей себя определенным типом одежды.

Исследуя журналы мод, Барт заключает, что в описании моды содержится оппозиция трех видов сообщения, «трех одежд», соседствующих на страницах модного журнала: 1) одежды-образа (фотографии или рисунка, обладающих лишь ограниченной знаковостью), 2) одежды-описания (текста, комментирующего и эксплицирующего образ) и 3) реальной одежды (вернее, тех-

нологических операций, излагаемых в «указаниях для пошива», т.е. в практическом тексте моды). Сложным знаковым устройством обладает вторая система (и именно ее структурному анализу посвящена монография «Система Моды»): первая и третья системы в основном исчерпываются своим денотативным сообщением — передачей визуального образа или инструкцией для практических действий, тогда как система одежды-описания насыщена коннотациями; она располагается между вещами и словами, связывает моду с внешним миром, но в то же время и тенденциозно деформирует этот мир.

В принадлежащих этой системе описаниях Барт выделяет стандартные элементы: объект (одежда); суппорт (деталь одежды); вариант (варианты реализации детали). Он делит описания на «комплексы А», содержащие прямо высказываемые модным журналом соотношения между той или иной одеждой или ее деталью и жизненными ситуациями и ценностями, которые она «выражает» (праздник, возрастные и социопрофессиональные модели: одна одежда эквивалентна путешествию, другая — молодости, лету и т.д.) и «комплексы В», отсылающие к единственному означаемому «модность». «Мирские означаемые» моды комплексов А отсылают к фиктивному престижному миру, и факт удвоения означаемых (с одной стороны, собственно описание одежды как денотация, с другой — коннотации в виде понятия: «для коктейля») создает сложную семиотическую ситуацию, «благодаря своим “комплексам А” мода предстала как неординарный и богатый семиотический объект — мистифицированная система отношений между одеждой и жизнью, между образом, знаком и делом» (Зенкин 2003: 9—10).

Барт заимствовал из лингвистики и понятия денотации и коннотации (существовавшие в английском языке с XVI в.). В трактовке Барта применительно к культурным знаковым системам коннотативные смыслы имеют несколько существенных характеристик:

- во-первых, они способны прикрепляться не только к знакам естественного языка, но и к различным материальным предметам, выполняющим практическую функцию и становящимся тем самым, по терминологии Барта, знаками-функ-

циями. Так, одежда служит для защиты от холода, пищевые продукты нужны для питания и т.п., однако эти предметы способны принимать на себя и социально-смысловую нагрузку: обычный свитер и меховая накидка выполняют одинаковую практическую функцию, но одновременно могут свидетельствовать о совершенно различном социальном и имущественном положении их владельцев (там же: 131 и др.);

- во-вторых, эти смыслы скрыты, никогда прямо не называются, а лишь подразумеваются и потому могут актуализироваться либо не актуализироваться в сознании воспринимающих. Будучи зависимы от социокультурного контекста, коннотативные смыслы как правило не фиксируются ни в каких толковых словарях, а потому их распознавание во многом зависит от кругозора и чутья интерпретатора; например, демонстративный смысл ношения русского платья московскими славянофилами был вполне внятен самим славянофилам и их противникам-западникам; за пределами этого круга та же знаменитая мурмолка Константина Аксакова воспринималась не более как чудачество. В силу указанного свойства идеологического знака историк культуры сталкивается с серьезными трудностями: от прошлого ему достается лишь костяк денотативных значений, едва ли не полностью очищенный от плоти социальных смыслов. Между тем реконструкция этих смыслов, оживление таких обертонов знака, которые зачастую не были прояснены в сознании самих их пользователей, как раз и входит в задачу историка;

- в-третьих, легко «поселяясь» в любом знаке, коннотативные смыслы могут столь же легко «освободить помещение». Эти смыслы активно живут до тех пор, пока активен идеологический контекст, их породивший, и пока мы сами свободно ориентируемся в этом контексте. Умирание контекста чревато умиранием смысла: люди, выросшие в 60–70-е годы XX в., зная словарное значение слова «космополитизм», уже не помнят о той угрозе, которая исходила от него в конце 40-х;

- в-четвертых, эти смыслы диффузны: один материальный предмет или знак естественного языка может иметь несколько коннотативных означаемых, и наоборот, одному такому

означаемому может соответствовать несколько денотативных знаков-носителей, так что слой коннотативных означаемых оказывается рассеян по всему дискурсу;

- в-пятых, они агрессивны — не довольствуются мирным соседством со знаками денотативной системы, а стремятся подавить их или даже полностью вытеснить. Так, по Далю, «туземец» — это «здешний, тамошний уроженец, природный житель страны, о коей речь». Однако в «проколониалистской» фразе «На Земле живут один миллиард людей и четыре миллиарда туземцев» денотативное значение утрачивается почти полностью за счет идеологического наполнения слова.

Следующим этапом в развитии семиотики был переход от словесных знаков к рассмотрению культурно-исторических явлений и произведений искусства как знаковых систем.

По определению одного из ведущих отечественных специалистов в области семиотики культуры С.Т. Махлиной, культура — это совокупность *знаковых систем*, с помощью которых данный народ поддерживает свою сплоченность, оберегает свои ценности, своеобразие и осуществляет связи с окружающим миром и другими культурами. Эти знаковые системы, обычно называемые *языками* культуры, включают в себя не только все виды искусства, различную социальную деятельность и *модели* поведения, господствующие в данном обществе (включая жесты, одежду, манеры, ритуал и т.д.), но также традиционные методы, с помощью которых сообщество поддерживает свою историческую память и самосознание (мифы, история, правовые системы, религиозные верования и т.д.). Каждый продукт культурной деятельности рассматривается как *текст*, порожденный одной или несколькими *системами*.

Основа понятия культуры — *естественный язык*. Кроме того, что язык снабжает «сырым материалом» многие знаковые системы, естественный язык — единственное средство, с помощью которого все системы могут быть интерпретированы, закреплены в памяти и введены в сознание индивида и группы. Ввиду его особого значения, язык может быть назван первичной моделирующей системой, в то время как остальные системы могут быть названы вторичными. Связь между первичной и

вторичными системами может быть определена онтологически (ребенок овладевает языком до овладения другими культурными системами). Вторичные системы строятся по образцу естественного языка или, по крайней мере, могут быть представлены как возникшие таким же образом.

Культурные системы и язык называются моделирующими системами; это означает, что они суть средства, с помощью которых человек познает, объясняет и пытается изменить мир вокруг себя. Они позволяют человеку производить, упорядочивать *информацию*, обмениваться ею и хранить ее. Понятие моделирования, следовательно, включает как обработку, так и передачу информации. При этом информацией называется не только знание, но и духовные ценности и верования. Понятие «информация» приобретает очень широкое значение.

Все человеческие культуры включают хотя бы две знаковые системы: чаще всего это искусства, основанные на использовании естественного языка, и визуальные искусства (например, живопись), т.е. системы символические и иконические. Эта универсальная бинарность человеческой культуры была связана В.В. Ивановым с бинарной структурой человеческого мозга. Но за пределами этого универсального бинарного порядка каждая культура по-своему строит иерархию своих вторичных систем. Некоторые культуры выше всего ставят литературу (например, русская культура XIX в.), другие — визуальное искусство (телевидение и кино в современной западной культуре), есть такие, которые отдают предпочтение музыке, и т.д. Культуру можно определить как сложную иерархическую структуру, состоящую из взаимосвязанных вторичных моделирующих систем.

Далее, культуру можно определить как положительный термин в оппозиции «культура/некультура». Если культура есть организованная система систем, которая сохраняет и обновляет информацию для общества, тогда «некультура» — это нечто дезорганизованное, деструктуризованное, энтропия, которая стирает память и разрушает ценности. Конкретные культуры имеют свои представления о том, что такое «некультура», — в соответствии с их положением в мире и мировоззрением. Под «некультурой» может пониматься просто чужая культура

(«они») во всех расовых или исторических вариантах данного понятия. Это могут быть и такие понятия, как сознательный/бессознательный ум, природа/культура, хаос/космос, мир за пределами знаков/мир знаков. В каждом случае второй термин обладает положительным значением. Нередко «некультура» рассматривается в семиотических теориях как структурный резерв для развития культуры.

Типология культуры. В соответствии с положениями о первичной и вторичных моделирующих системах существует возможность классифицировать культуры, а также сравнить их по иерархии их вторичных систем, осмыслению пространства и времени, использованию семиозиса в своем функционировании. Одни культуры сосредоточивают внимание на своих истоках, другие — на конечных целях; одни упорядочивают время в циркулярных терминах, другие — в линейных. В первом случае речь идет о мифическом времени; во втором об историческом. Различные культуры неодинаково размещают себя в географическом пространстве, разграничивая «наш мир» и «незнакомый», или «чужой» мир. Эти различные ориентации могут проявить себя в тех или иных текстах, в тех или иных вторичных моделирующих системах, могут быть универсализированы в качестве доминирующей, господствующей идеологии.

Культуры по своему отношению к семиозису могут быть разделены на те, которые делают ударение на «выражении», и на те, которые ставят во главу угла «содержание». Иными словами, различие в том, придается ли большее значение уже известной истине или процессу открытия истины. Первая позиция может быть охарактеризована как ориентированная на текст (подтверждающая уже установленный текст), а вторая как ориентированная на правильность (стремящаяся к поискам новых текстов). Культуры могут быть определены как парадигматические (все явления суть знаки некоей более высокой реальности) или синтагматические (смысл явлений возникает от их взаимосвязей друг с другом). Средневековая культура с высокой степенью семиотизации — пример первой, Просвещение XVIII в. — пример второй. Тенденции Просвещения десемiotичны, незыблемые нормы природы в ее мышлении опрокидывают конвенциональность.

Культура, в семиотических терминах, есть механизм для обработки и сообщения информации. Вторичные моделирующие системы функционируют с помощью конвенций (*кодов*), которые принимаются членами какой-либо социальной группы. В отличие от естественного языка, в котором единственно возможный код понимается всеми членами лингвистического сообщества одинаково, коды вторичных моделирующих систем различны, понимание их и возможность пользоваться ими зависят от того, в какой мере индивид освоил их в ходе своего развития и образования (если это вообще ему удалось). Шум как одна из многих возможных помех лингвистическому, психологическому или социальному фактору может блокировать канал *коммуникации* или создать ему помехи. Столь универсальным является факт несовершенной коммуникации, что он может рассматриваться как часть самой сущности культуры. Весь культурный обмен включает в себя акт перевода: *адресат* всегда интерпретирует посланное сообщение сквозь призму лишь частично разделяемого с ним кода (или кодов). Факт частичной коммуникации или даже некоммуникации в лоне культуры стимулирует образование растущего числа новых кодов, призванных компенсировать неадекватность существующих. Этот фактор «размножения» кодов — толчок к динамизму культуры.

Метаязык культуры. *Метаязык* культуры — это принцип, который организует, иерархизирует и определяет культуру в глазах ее носителей, В этом смысле это идеология или совокупность ценностей, которые, выраженные одной или несколькими моделирующими системами, сообщают культуре устойчивость и рисуют ей ее собственный портрет. Как в любом акте описания, метаязык упрощает свой предмет, отбрасывая то, что разрушено, внесистемно, и именно поэтому в некоторой мере искажает его. Из этого следует, что ни одна культура не может быть научно описана только с точки зрения ее метаязыка. Метаязыковая тенденция является, таким образом, противовесом тенденции культуры вводить все новые коды в качестве компенсации за неадекватность коммуникации.

Динамизм культуры. Способность культуры изменяться и приспособляться является функцией взаимодействия метаязы-

ковой и «приумножительной» тенденций, свойственных любой культуре. Тенденция к приумножению — результат потребности преодолеть неадекватность коммуникации и потребности обеспечить упорядочение и циркуляцию все возрастающего количества информации, которую накапливает культура. Но если увеличение количества кодов возьмет верх, согласованность культурных составляющих будет потеряна и коммуникация фактически станет невозможной. С другой стороны, если метаязыковая функция станет преобладающей, культура увянет, изменение станет невозможным, а коммуникация — ненужной. Перемены, преобразования в культуре происходят тогда, когда в культуру втягиваются *элементы* из деструктурированной, «некультурной» периферии, которая служит структурным резервом и которая не признана метаязыком. Однако, по мере того как культура включает в себя эти изменения, сам метаязык претерпевает развитие.

В пределах культуры различные вторичные системы развиваются с разной быстротой: поскольку каждая система имеет свой метаязык — язык критики для искусств, язык социологии для социального поведения, мифологии для мифов и семиотики культуры для общего функционирования культуры. Общая модель изменения повторяется с различной скоростью в каждой вторичной системе. В культурах с высокой степенью сложности, таких как современная культура, роль индивида-творца (артиста) в изобретении и обновлении кодов особенно значительна. Чем больше сложность культуры, тем больше значение каждого индивида как структурного составляющего всей системы. Факт существенного динамизма культуры придает большее значение диахроническому описанию культур, чем синхроническому, которое менее адекватно реальности.

Семиотика повседневности — система языков, пронизывающих повседневную жизнь человека. Знаковость *вещей*, знаковость жилища, знаковость одежды, знаковость поведения, социальных институтов, профессий, техники и технологии, знаковость речи — все это языки *культуры*, непосредственно проявляющие себя в повседневности. Нередко эти языки культуры получают претворение в искусстве. В свою очередь искусство влияет на языки культуры.

Ребенок, воспитывающийся в семье или в приюте, с приобретением знаний родного языка приобретает знание *кодов* той социальной среды, где он воспитывается. В семье с детства вырабатывается определенный язык *коммуникации*. По взгляду матери малыш понимает, получил ли он одобрение или вызвал гнев. Супруги по шагам друг друга, по стуку входной двери догадываются о настроении, об удачном или трудном рабочем дне и т.д. На каждую семью влияют также условия жизни, уклад, материальный достаток, степень образованности, статус в обществе и т.п. Все это формирует тип общения. В разных странах, в разных социальных слоях коды среды различны. Ибо различны даже географические условия, рождающие уклад жизни. Различна еда, ритуалы, сопровождающие жизнь человека. В одном месте любят шаньги, в другом — пельмени, в третьем — драники. Социализация человека на раннем этапе развития строго регламентирована теми условиями, в которые он оказался помещен. А дальше приобретение знаний кодов культуры зависит от тех *форм* общественного устройства, куда человека забрасывает судьба. Попадает ли он в ясли, детский садик, пионерский лагерь, скаутский отряд, школу, гимназию, лицей — везде возникают специфические стереотипы поведения. Специальность также накладывает определенный отпечаток на личность. Даже в пределах одного города (скажем, Петербурга) студенты одного типа вузов, например творческих, отличаются друг от друга: консерваторцы непохожи на студентов Института живописи, скульптуры и архитектуры, а те и другие отличаются от студентов Театральной академии (другой сленг, другая манера одеваться, другие формы общения). В итоге во взрослую жизнь человек входит, имея индивидуальный набор кодов. И уже теперь в том или ином сообществе происходит формирование индивидуального языка общения.

Есть еще общие черты, характерные для жителей определенной местности. И речь, и манера говорить, держаться, одеваться, есть, и жизненные привычки зависят от личного опыта. Особенность умываться в России и Европе различна. У нас заведено смывать грязь проточной водой, поэтому у кранов с холодной и горячей водой есть смеситель. На Западе же не принято иметь смеситель. Горячая и холодная вода смешиваются

в раковине, и человек моет руки в ней. Различны системы еды. Скажем, после обеда французы едят сыры. У нас принято есть сладкое. На юге предпочитают пить вино, на севере — водку. По всем этим причинам и признакам петербуржца легко отличить от москвича, а москвича от сибиряка, сибиряка от южанина, человека из России от англичанина, англичанина от француза или немца и т.д.: все они выработали в определенных условиях жизни свои особенности средств общения (Махлина 2003. Т. 1: 136—142).

3.2.5. Семиотика искусства

В 1971 г. своей книге «Семиотика» Ю.С. Степанов скептически отозвался о возможности выделения семиотики искусства: «Что касается так называемой *семиотики искусства*, то вряд ли можно говорить о существовании ее как особой самостоятельной отрасли семиотики, по крайней мере в настоящее время, когда недоказанным и непоказанным остается характер искусства и литературы как знаковых систем» (Степанов 1971: 24). Между тем еще в 1934 г. Я. Мукаржовский использовал методы, разработанные в Пражском лингвистическом кружке, для анализа искусства как знакового феномена (правда, его работы стали известными у нас только в 1990-е годы).

В статье, посвященной рассмотрению семиологических аспектов искусства, Мукаржовский утверждает, что «как современная лингвистика (ср. исследования пражской школы, т.е. Пражского лингвистического кружка) расширяет поле семантики, говоря с этой точки зрения обо всех элементах лингвистической системы, в том числе даже о звуке, точно так же и результаты лингвистической семантики должны быть применены ко всем остальным рядам знаков с различием по их специальным признакам». По его мнению, своеобразным денотатом художественного произведения является «общий контекст так называемых социальных явлений, например философия, политика, религия, экономика и т.д. Вот почему искусство более чем какое-либо иное общественное явление способно характеризовать и представлять данную “эпоху”; по этой же причине история искусства в течение длительного

времени отождествлялась с историей образованности в широком смысле слова и, наоборот, всеобщая история охотно заимствует для установления собственной периодизации поворотные моменты истории искусства». При этом «если мы говорим, что художественное произведение нацелено на контекст общественных явлений, то этим мы ни в коей мере не утверждаем, что оно неизбежно сливается с этим контекстом таким образом, чтобы его можно было воспринимать как прямое свидетельство или как пассивный рефлекс. Как всякий знак оно может иметь к вещи, которую означает, косвенное, например метафорическое или иное не прямое, отношение, не переставая быть нацеленным на эту вещь».

В заключение автор приходит к выводу, что «необходимо рассматривать художественное произведение как знак, состоящий из чувственного символа, созданного художником, из “значения” (= эстетическому объекту), пребывающего в коллективном сознании, и из отношения к обозначаемой вещи, которое направлено не на конкретный объект, поскольку речь идет об автономном знаке, а на общий контекст социальных феноменов (наука, философия, религия, политика, экономика и т.д.) данной среды» (Мукаржовский 1994).

Если Барт в своих исследованиях старался придерживаться рассмотрения в качестве знаков в основном текстовых форм, то в отечественной семиотике понятие текста было перенесено на различные формы невербальных художественных произведений. В статье «Семиотика культуры», подводя итоги развития семиотики, Ю.М. Лотман отмечал: «Оформление семиотики культуры — дисциплины, рассматривающей взаимодействие разноуровневых семиотических систем, внутреннюю неравномерность семиотического пространства, необходимость культурного и семиотического полиглоутизма, — в значительной мере сдвинуло традиционные семиотические представления. Существенной трансформации подверглось понятие текста. ...Особый структурный смысл получали такие случаи, когда соединялись тексты на принципиально различных языках, например, словесная формула и ритуальный жест. Получающийся в результате текст второго порядка включал в себя расположенные на одном иерархическом уровне подтексты на разных и взаимно не

выводимых друг из друга языках. Возникновение текстов типа “ритуал”, “обряд”, “действие” приводило к совмещению принципиально различных типов семиозиса и — в результате — к возникновению сложных проблем перекодировки, эквивалентности, сдвигов в точках зрения, совмещения различных “голосов” в едином текстовом целом. Следующий в эвристическом отношении шаг — появление художественных текстов. ...Превращение ритуала в балет сопровождается переводом всех разноструктурных подтекстов на язык танца. Языком танца передаются жесты, действия, слова и крики и самые танцы, которые при этом семиотически “удваиваются”».

Уже в 1973 г. Ю.М. Лотман в брошюре «Семиотика кино», рассматривая кино как безусловно иконический знак, проводит параллели между повествовательным текстом и сюжетом кино, в котором кадры играют роль своеобразных морфем, из которых составляется текст: «...образы на экране могут наполняться некоторыми добавочными, порой совершенно неожиданными, значениями. Освещение, монтаж, игра планами, изменение скорости и пр. могут придавать предметам, воспроизводимым на экране, добавочные значения — символические, метафорические, метонимические и пр.» (Лотман 1973). В работе рассматриваются такие специфические черты киноискусства, как природа киноповествования в качестве особого вида акта коммуникации и текста, структура киноповествования и особенности монтажа в качестве синтагматического средства (связи знаков в знаковой цепочке), реализации в киноповествовании временных и пространственных категорий, в результате чего автор приходит к общему выводу о том, что «...в искусстве соотношение языка и содержания передаваемых сообщений иное, чем в других семиотических системах: язык тоже становится содержательным, порой превращаясь в объект сообщения» (Лотман 1973).

3.2.6. Лингвосемиотика

Согласно Степанову, лингвосемиотика ориентируется на изучение естественного языка с его стилистикой и исследует другие знаковые системы постольку, поскольку:

а) они функционируют параллельно с речью (так называемая паралингвистика — например, жесты и мимика, сопровождающие речь);

б) компенсируют речь (например, выразительная, стилистическая интонация; типографские шрифты);

в) видоизменяют ее функции и ее знаковый характер (например, художественная речь).

В последние годы в связи с бурным развитием моделирования естественного языка и появлением различных семей искусственных языков (информационных, информационно-логических, языков программирования и др.) расширился и объект лингвосемиотики (Степанов 1971).

Своеобразным итогом изучения особенностей семиотического подхода к языку стала глава «Знаковый характер языка» в академическом труде по общему языкознанию, изданному в 1970 г. В ней рассматривались такие проблемы, как природа языкового знака, типы языковых знаков, специфика таких знаковых категорий, как значение, значимость, смысл и др.

В первом разделе этой главы А.А. Уфимцева отмечает, что знаковый характер человеческого языка составляет одну из его универсальных черт и основных особенностей; не случайно к понятию знака издавна обращались представители разных научных направлений в целях более глубокого проникновения в сущность языка. С проблемой знаковости естественного языка связаны самые кардинальные вопросы его сущности:

1) основной гносеологический вопрос, определяющий методологию лингвистического исследования, о соотношении языка, объективной действительности и мышления;

2) характер структурной организации языка как семиотической системы особого рода;

3) специфика языковых знаков, их типы и закономерности функционирования;

4) природа и виды языкового значения (Уфимцева 1970: 98).

1. В работе проводится критический анализ неполноты подходов к проблеме знаковости языка номиналистов, логицистов и бихевиористов.

В *номиналистской* философии язык интерпретируется как единственная форма мышления, а языковые знаки понимаются как концептуальные символы, конструирующие объективную действительность. Другой разновидностью номиналистского решения основного гносеологического вопроса о соотношении языка, объективной действительности и мышления явилась феноменологическая теория Э. Гуссерля, которая, будучи основана на признании «идеальных предметов», сводит значение языковых знаков к интенциональным актам, согласно которой познание человеком реальной действительности предопределено по объему и способу членения человеческим сознанием (трансцендентально) и в силу ограниченной способности последнего происходит исключительно при помощи языка, путем вербализации объективного мира.

Способность обобщенного, абстрактного мышления и принцип опосредствованной репрезентации реального мира, свойственные человеческому мышлению, приписываются в этом философском направлении самим знакам. Язык как бы набрасывает определенную «сетку понятий», расчленяющую объективную действительность, которая создает языковую картину мира.

В современной лингвистике на понимание языка как системы знаков, особенно на глоссематическую теорию языка, оказало большое влияние другое философское течение — *логический позитивизм*, в котором вопрос о соотношении языка, мышления и объективной действительности интерпретируется очень своеобразно. Из трех членов соотношения, рассматриваемого при решении этого гносеологического вопроса, позитивисты исключили основной, определяющий сущность знаковой репрезентации человеческого языка,— мышление, сведя триаду к бинарному противопоставлению: «язык — реальная действительность», которые относятся друг к другу как обозначающее и обозначаемое. Таким образом, процесс познания мира сведен к процессу его обозначения. В противоположность номиналистскому определению знака как «символической формы», конструирующей реальный мир, в философии логического по-

зитивизма знак однопланов, он не имеет значения и сведен к форме выражения.

В качестве классической семиотической системы, определяемой по коммуникативной функции, для логических позитивистов служит так называемый предметный язык, представляющий собой набор в основном утвердительных предложений, поддающихся формально-логическому анализу. Кроме интерпретации некоего текста (набора предложений), анализа правил комбинации знаков и приблизительного перевода этих высказываний на другой язык, предметному языку невозможно приписать никаких значений, никакого собственного содержания. Поэтому он в высшей степени формализован и как чисто формально-логическое исчисление не имеет содержания, однопланов. Предметному языку противопоставляется метаязык, система понятий (код), которая устанавливает условия истинности при интерпретации предметного языка. На более позднем этапе становления позитивистской теории стали приниматься во внимание отношения знаков к тому, что они обозначают; однако вся область многоступенчатых семантических отношений, свойственных знакам естественного языка, подменяется однозначным соответствием знака обозначаемому.

Снимается вопрос о соотношении языка, мышления, объективного мира и в тех научных направлениях, где прагматическая функция языка принимается в качестве основной. Язык интерпретируется как целенаправленное поведение человека, а сущность знаковой репрезентации сводится к «семиотическому процессу», конститuentами которого являются: 1) интерпретатор — человек, находящийся в знаковой ситуации; 2) интерпретанта — предрасположение интерпретатора к реакции на знак; 3) денотат — все, что вызывает свершение данной реакции на знак; 4) сигнификат — дополнительные условия, ограничения, позволяющие денотату вызывать соответствующую реакцию на знак. Прагматическое определение значения языкового знака в *бихевиоризме* через понятие деятельности, поведения, приравнивает знак к подготовительному стимулу целенаправленной реакции, а его

значение сводится к «предрасположенности», «склонности» интерпретатора, человека, находящегося в знаковой ситуации, к реакции на знак.

Если подойти к определению сущности знака с гносеологической точки зрения, то можно констатировать, что все факторы, конституирующие значение знака и знаковую ситуацию в прагматической теории, поставлены в зависимость от субъекта и данных уровня чувственного познания и его эмпирического опыта. Поэтому не случайно, что лингвистическая интерпретация значения языкового знака дается в таких терминах психологии, как «стимул», «реакция», «предрасположенность», «целенаправленное поведение» и т.п., а основной гносеологический вопрос о соотношении языка, мышления и объективного мира переносится из области познания в чисто прагматический план общей семиотики (Уфимцева 1970: 98—101).

Основные подходы в решении гносеологического вопроса о сущности языковых знаков разнятся в зависимости от того, какая соотносительная пара факторов семиотического треугольника берется за основную, часто за единственную.

Так, для номиналистов, объективных идеалистов, решающим является отношение «знак—объект», при этом первичным является знак, а объективный мир (предметный ряд) «конструируется при помощи знаков». Познающий или воспринимающий субъект исключается из знаковой ситуации.

Для логицистов, представителей логического позитивизма, определяющим служит отношение «субъект—знак». Объективный мир исключается из анализа знаковой репрезентации. Отношение между субъектом и знаками, его умение оперировать знаками, комбинировать их по определенным логическим законам составляет всю сущность знакового процесса.

Для бихевиористов, сторонников биологического прагматизма, наисущественнейшей является ось «субъект—объект», определяющая поведение субъекта в «предметном», эмпирическом опыте. Поэтому все факторы, конституирующие семиозис, есть не что иное, как отношение предрасположенности ожидания субъекта для целенаправленного поведения (Уфимцева 1970: 103—104).

2. Отмечается, что одним из специфических и в этом смысле уникальных свойств человеческого языка как системы знаков является то, что более емкий по объему и многомерный по структурной организации план содержания не имеет однозначного соответствия более простому по форме и меньшему по числу единиц плану выражения. В отличие от знаков чисто условных систем, где одному означающему как правило соответствует одно означаемое, две стороны знаков естественного языка соотносятся друг с другом совершенно по иной пропорции — «одно: несколько» (одно означающее: несколько означаемых) или «несколько: одно» (несколько означающих: одно означаемое).

Последствия подобных отношений между означающим и означаемым языкового знака огромны и находят свое выражение в так называемых недискретных фактах языка: в полисемии и омонимии (одно означающее — несколько означаемых), в синонимии и полилексии (одно означаемое — несколько означающих), в наличии в системе языка синкретических и дублетных форм знаков. Дифференциальный характер обеих сторон знака создает почти неограниченные возможности варьирования не только означаемого, но и означающего. Определенная автономия двух сторон языкового знака позволяет обозначающему обладать иными функциями, нежели его собственная, а обозначаемому быть выраженным иными средствами, нежели его собственная форма знака. Это свойство непараллельности двух сторон знака было сформулировано С. Карцевским в виде принципа «асимметричного дуализма языкового знака».

Разграничение значений многозначного слова проводится путем парадигматической его противопоставленности (по сходству или различию содержания) другим словесным знакам или путем синтагматического контраста в линейном ряду, при их сочетаемости, а чаще и тем, и другим, взятыми вместе (Уфимцева 1970: 115—118).

Рассматривая во втором разделе этой главы язык в сопоставлении со знаковыми системами иных типов, Т.В. Булыгина отмечает, что сфера его применения, очевидно, не ограничивается какой-либо одной областью возможных сообщений. Но именно эта особенность языка (исследова-

тели отмечали ее в следующих утверждениях: «язык — это способность сказать все», «язык — это семиотика, на которую можно перевести все другие семиотики», и может считаться важнейшим отличительным свойством естественного человеческого языка, делающим его действительно уникальным явлением среди всех сопоставимых с ним объектов (Булыгина 1970: 146). Специфическая особенность языка в том, что он представляет собой «оркестр знаков всех типов» и располагает возможностью выбирать в зависимости от конкретных целей и от конкретной ситуации общения наиболее подходящий тип знаков. Именно с этой возможностью связана, в частности, «множественность форм отображения ситуации в языке», которая лежит в основе стилистических дифференциаций, столь характерных для естественных языков» (Булыгина 1970: 151).

При характеристике естественного человеческого языка с точки зрения его структурной организации, отмечается, что среди всех особенностей языка, характеризующих его с позиции предусматриваемых языковым кодом сигналов и сообщений, принципиальная безграничность поля языка (и связанная с этим неограниченная способность к бесконечному развитию и модификациям) представляется наиболее существенным качеством, присущим любому известному или неизвестному нам языку, заслуживающему этого названия. Поэтому кажется целесообразным использовать это необходимое — и притом специфическое — свойство в качестве критерия для определения существенности тех эмпирически выделенных признаков структурной организации языковой системы, которые были обнаружены лингвистической наукой в процессе наблюдения над конкретными языками, т.е., другими словами, оценивать универсальность и релевантность каждого признака именно с точки зрения его соответствия этой априорно приписанной нами языку особенности.

В этом плане, несомненно, существенным структурным качеством языка является то, что каждый языковый знак (а также и элементы знака) имеет отношение к двум способам организации — парадигматическому и синтагматическому, первый из

которых предполагает выбор определенных единиц, а второй — их сочетание в единицы высшей степени сложности.

Частный случай взаимодействия двух основных актов языковой деятельности — селекции и комбинации, а именно отбор единиц номинации и их сочетание в предложение, лежит в основе концепций Матезиуса, предложившего в начале 30-х годов фундаментальное деление языкознания на ономотологию и синтаксис, Гарвина, описывающего язык в своей определительной модели, в частности, в терминах «двух уровней организации», Милевского, выдвигающего признак «двуклассовости» языкового кода.

Все эти концепции восходят в конечном счете к бюлеровскому определению языка как «двупольной» системы, которая состоит из поля предложения и словесного поля. Это наблюдение Бюлера было развито в работах венского психолога Кайнца, противопоставившего человеческий язык, в частности, именно по этому признаку коммуникативным системам животных, которые, подобно простейшим искусственным системам сигналов, не включающим в свой состав «знаков-наименований», знают знаки только одного типа — «знаки-сообщения», соответствующие предложениям естественного человеческого языка.

Именно с этим отличием связана возможность составить исчерпывающий инвентарь сигналов коммуникативных систем животных или знаковых систем типа системы дорожных знаков — нечто вроде лексического списка семиотем, или «словаря», который, впрочем, нельзя назвать словарем, так как он содержал бы предикативные знаки, подобные не словам, а предложениям естественного человеческого языка. Характерно, что ничего другого, кроме того, что содержал бы такой инвентарь, системы, располагающие знаками только одного типа, выразить не в состоянии.

Напротив, творческий характер языковой деятельности связан как раз с тем, что наличие номинативных знаков и операция комбинации, предусмотренная человеческим языком, позволяет создавать из ограниченного числа слов (60—100 тыс.) практически неограниченное число высказываний» (Булыгина 1970: 151—153).

3. При рассмотрении специфики языкового знака отмечается, что различия между знаками чисто конвенциональных, механических систем и языковыми знаками заключаются не в том, что первые односторонни, вторые двусторонни, а в том, что они различны по характеру знакового содержания, по своим знаковым функциям. Содержание знаков механических систем сводится к их системной обусловленности, а содержание языковых знаков, особенно слов, складывается из значимости и значения, которыми они обладают в системе языка (Уфимцева 1970: 120).

Анализируя в третьем разделе главы специфику языкового знака в связи с закономерностями развития языка, Н.Д. Арутюнова отмечает, что способность языка самопроизвольно развиваться, характер этого развития, его закономерности (такие, как постепенность языковой эволюции, известная автономность и разный темп развития языковых планов, тенденция к опрощению, идиоматизации составных единиц или групп знаков, несоответствие «единиц развития» и «единиц функционирования», и др.) формируют некоторые свойства языка как знаковой системы, неизбежные у естественных языков, но непредполагаемые с необходимостью их семиотической природой. Эти свойства, наряду с той спецификой, которая вызвана особыми семиотическими задачами и условиями функционирования языка в человеческом обществе, обеспечивают естественным языкам уникальное место среди прочих семиотических систем. К числу этих черт языка относятся прежде всего следующие:

- 1) наличие переходных промежуточных образований;
- 2) необязательность соответствия формальной и функциональной структуры единицы языка;
- 3) отсутствие однозначной соотнесенности между типом означающего и типом означаемого;
- 4) неоднородность выражения в языке одинаковых системных функций;
- 5) несоответствие в иерархической организации единиц плана выражения и единиц плана содержания;
- 6) асимметрия в строении языковых планов, порождающая излишество и недостаточность языковой сигнализации;

7) несовпадение понятия лингвистического знака и функциональной единицы языковой системы;

8) наличие промежуточных уровней, опосредующих связь между языковыми планами;

9) существование, наряду с постоянным, переменного механизма дифференциации, создаваемого смысловым и ситуативным контекстом;

10) частичная мотивированность многих языковых знаков, обуславливающая многоплановость означаемого, наличие у него так называемой внутренней формы.

Некоторые из названных черт спорадически обнаруживаются и в искусственных системах сигнализации, создавая неудобство в их применении и понимании. Например, в бое часов один удар обычно означает половину любого часа, а также один час пополудни и пополуночи. Следовательно, два раза в сутки часы бьют три раза подряд по одному удару. Для того чтобы правильно приписать каждому из этих ударов означаемое, необходимо знать его «дистрибуцию», окружение, либо находящуюся вне знаковой системы ситуацию. Таким образом, и в других знаковых системах можно встретиться с явлением омонимии, недостаточности сигнала для его понимания. Однако если перечисленные явления составляют спорадические и редкие черты искусственных кодов, то они представляют собой постоянные и неизбежные свойства естественных языков. Присутствие в языке черт, не диктуемых его семиотической функцией, требует применения в лингвистическом анализе особых методов, излишних в изучении и описании искусственных систем сигнализации. Эти методы, не будучи общими у лингвистики с теорией прочих знаковых систем, тем не менее могут быть охарактеризованы как структурные, базирующиеся на функциональном (то есть собственно семиотическом, знаковом) подходе к языку (Арутюнова 1970: 194–195).

4. Вопрос о природе и видах языкового значения связан с рассмотрением основных типов языковых знаков. По мнению А.А. Уфимцевой, значение языковых знаков иногда понимают функционально, т.е. значением языкового элемента считают ту функцию, то назначение, которое они выполня-

ют в системе языка. При таком понимании значения любая функция языкового элемента будет знаковым значением, любой элемент языка — знаком. Например, пражцы считают фонему знаком, а ее смыслоразличительную ценность — знаковым значением.

Когда предпочтение отдается коммуникативной функции языка, то во внимание принимаются, естественно, предикативные знаки, предложения, фразы, значение которых сводится к передаваемой ими информации, к смыслу сообщаемого (Уфимцева 1970: 125—127).

Особенностью словесного знака, в отличие от предложений и словосочетаний, является то, что одна знаковая форма (звуковая или графическая последовательность) способна вместить в себя целый ряд означаемых. Словесный знак в системе номинаций, в парадигматике, где одному означаемому соответствует несколько означаемых (наименьших значимых элементов) резко отличается от реализованного словесного знака, где одному означаемому как правило соответствует одно означаемое. В то же время предложения, если считать их знаками обычно однозначны.

Словоизменяющие морфемы, совмещающие в себе несколько грамматических значений (семантических минимумов), так же полисемны, как и слова. Например, морфема *-s* в системе английского глагола выражает одновременно 3 л. ед. ч. наст. вр. изъявит. накл.; полнозначный словесный знак *to break* означает в системе английской лексики 1) 'ломать', 2) 'разрывать', 3) 'нарушать', 4) 'прерывать', 5) 'ослабевать', 6) 'ломаться', 7) 'начинаться', 8) 'ворваться', 9) 'разразиться'.

Однако между полисемией формальных и предметных морфем имеется большое различие. Полисемантизм формальных морфем присущ им одинаково как в парадигматике, так и в синтагматике, в то время как полисемия словесных знаков свойственна им только в системе номинаций. Линейный, синтагматический ряд слов снимает многозначность словесного знака, присущую ему в системе языка; семантически реализованное слово всегда однозначно, за исключением образной речи. В первом случае следует говорить поэтому о синкретизме фор-

мальных морфем, в отношении словесного знака — о двух его модификациях: виртуальной и актуальной.

Слово в ряду других знаков языка является основным, потому что оно имеет семиологическую ценность в нескольких планах, слово обобщает (сигнификативная функция), дает наименование, обозначает (номинативная функция), слово сообщает (выполняет коммуникативную функцию) и выражает определенное чувство, переживание говорящего, слушающего (прагматическая функция).

Каждому словесному знаку присуща как номинативная ценность — способность называть, обозначать предметы, явления, их свойства и действия, так и синтагматическая валентность — способность в силу своей семантики вступать в разные лексические связи в синтагматическом ряду. В языке словесные знаки в зависимости от соотношения этих двух функций могут быть разделены на полнозначные (полные знаки), обладающие как номинативной, так и синтагматической ценностью (имена нарицательные), и семантически неполнозначные (имена собственные), у которых номинативная ценность является превалирующей; к особому классу словесных знаков можно отнести так называемые дейктические слова — заместители полных словесных знаков: личные, указательные местоимения, наречия места, времени, обозначающие координаты речевого акта, семантика которых полностью раскрывается в синтагматическом ряду. Кроме того, в языке есть словесные знаки, не обладающие номинативной ценностью, а всецело выполняющие синтагматическую функцию в языке — союзы, связки, предлоги.

Интересно отметить, что даже в классе полнозначных слов, обладающих как номинативной, так и синтагматической ценностями, их соотношение различно. Так, в именных лексемах, выражающих в основном понятие предметности, номинативная ценность превалирует над синтагматической, поэтому в содержание именных лексем входят такие признаки семантических разрядов и категорий слов, как 'одушевленность — неодушевленность', 'исчисляемость — неисчисляемость', 'лицо — нелицо' и т.п. В семантике глагольных лексем, в самом лексическом значении отражены двусторонние или трехсторонние отношения:

действия к его агенту, действия к объекту или к тому и другому одновременно.

Итак, словесный знак резко противостоит другим языковым знакам по характеру своего знакового значения, последнее складывается из семантических признаков разной степени обобщенности.

В содержании словесного знака можно строго разграничить: конкретное содержание, свойственное индивидуальному знаку, категориально-семантическое содержание, присущее семантическим категориям слов, и грамматическое, свойственное самым крупным в языке классам слов. Соответственно однозначный словесный знак выстраивается в три ряда семантических отношений: лексические парадигмы, семантические категории и лексико-грамматические разряды слов — части речи. Лексическая абстракция, в отличие от грамматической, носит ступенчатый характер, складывается из нескольких рядов признаков, различных по степени своей обобщенности.

При этом каждая из ступеней абстракции имеет подчиненную связь с вышестоящей и подчиняющую — с нижестоящей: целое составляется путем включения нижестоящей в вышестоящую ступень абстракции. Например, в значение англ. *man* 'мужчина' входят семы 'предметность', 'одушевленность', 'лицо', 'мужской пол'; означаемое словесного знака *man* может быть определено следующим образом: 'предмет, одушевленный, относящийся к человеческому роду, мужского пола, взрослый'.

Специфика языковых знаков создается прежде всего тем, что естественный язык служит средством познания объективного мира и организации речемыслительной деятельности человека. Языковые знаки, обладающие основными семиологическими функциями обобщения, различения, интеграции и дифференциации, обеспечивают номинативно-классификационную деятельность языка. Знаки любой другой семиотической системы не имеют функции обобщения и интеграции, не обладают номинативной функцией.

В заключение делается вывод о том, что в основу определения типов языковых знаков, очевидно, может быть положен характер семиологических функций знака, обуславливающий, в

свою очередь, тип означаемого, знакового значения. Могут быть выделены:

а) языковые знаки, которым в большей мере свойственна дифференцирующая функция, например, фонемы;

б) языковые знаки, в которых отождествляющая функция превалирует над дифференцирующей — грамматические морфемы и модели синтаксических и семантических связей языковых единиц;

в) языковые знаки, которым присущи и дифференцирующая, и обобщающая функции, так называемые полные знаки (собственно знаки) — слова, словосочетания, предложения (Уфимцева 1970: 128—135).

Одной из центральных проблем лингвосемиотики является вопрос о том, какие языковые единицы целесообразно считать знаками. Многие ученые — отечественные языковеды А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, В.А. Звегинцев, Т.В. Булыгина, Н.Д. Арутюнова, А. Соломоник и др., зарубежные исследователи Э. Бенвенист, Д. Ричардс: Огден: Ульман обсуждают проблему знака только по отношению к слову. Характерен подход А. Соломоника к определению языка: «любая знаковая система является языковой, если она построена на слове (базисной единице языка). Для нас неважно, передается ли слово устно или жестом, барабаном или свистом, стуком или флажками. Зато важно семиотическое наполнение слова как знака, его абстрагирующая сила, способность отражать огромные и обобщенные явления действительности» (Соломоник 1995: 81).

Некоторые исследователи считают знаками все двусторонние единицы языка — морфемы, словосочетания, предложения (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, А. Мартине, Ч. Моррис, Л. Блумфилд, чешские лингвисты, некоторые отечественные ученые).

Третья группа ученых (Р.О. Якобсон, Ю.С. Маслов, А.А. Уфимцева и др.) именуют знаками и фонемы, и другие единицы плана выражения, хотя за отдельно взятой фонемой нет никакого означаемого. Эти авторы исходят из того, что фонемы и другие единицы плана выражения обладают различительной

функцией. В категорию знаков зачисляются, таким образом, и признаки, т.е. материальные составляющие, из которых строятся единицы языка.

В упоминавшейся выше книге Ю.С. Степанова обращается внимание на положение естественного языка среди других знаковых систем. «Естественный звуковой язык людей является самой полной и совершенной из всех систем связи, существующих в известном человеку мире. Другие, искусственные, созданные человеком, системы и языки (например, письмо, сигнализация флажками, азбука Морзе, азбука Брайля для слепых, искусственные языки типа эсперанто или волапюк, информационно-логические языки и др.) воплощают лишь некоторые из свойств естественного языка. Эти системы могут значительно усиливать язык и превосходить его в каком-либо одном или нескольких отношениях, но одновременно уступать ему в других, точно так же как телефон, телевидение, радио (вообще всякое орудие, всякий инструмент) усиливают некоторые свойства отдельных органов человека.

Письмо резко усиливает время, в течение которого языковой сигнал может быть воспринят: звучащая речь доступна восприятию лишь в момент говорения, запись же сохраняет речь на сотни и тысячи лет. Искусственные языки типа эсперанто резко усиливают регулярность естественного языка, снимают все его лексические, фонетические, орфографические и в особенности грамматические аномалии и “исключения”, а также все национальное своеобразие, одним словом, все особенности, затрудняющие общение между людьми разных национальностей. Искусственные языки типа информационно-логических языков резко уменьшают несоответствия (несимметричные связи) между планом содержания (значением) и планом выражения (внешней формой) языка, резко усиливают “логичность” языка, однозначное соответствие между этими планами, то есть устраняют те особенности естественного языка, которые мешают общению между человеком и электронно-вычислительной машиной. Поскольку все искусственные системы связи только или усиливают, или подавляют какие-либо из свойств, имеющих в естественном языке, постольку естественный язык и является

по отношению к искусственным языкам самым общим случаем “языков” вообще. Что касается естественных систем связи, т.е. знаковых систем (как природных, так и социальных), то, как мы видели выше, они представляют те или иные аналогии с естественным языком, и мы познаем их через призму наших знаний о языке. Естественные знаковые системы предшествуют языку на лестнице эволюции живой природы, первичны по отношению к нему, а искусственные языки в том же порядке эволюции следуют за языком, вторичны по отношению к нему. Таким образом, со всех точек зрения естественный человеческий язык занимает центральное место в ряду знаковых систем, а изучение естественного языка с семиотической точки зрения — лингво-семиотика — занимает центральное место в науке семиотике» (Степанов 1971: 35).

Далее указывается, что отношения, пронизывающие систему языка, создающие самую ее системность, вскрываются в том или ином виде во всех других семиотических системах как естественных (био-, этно-), так и искусственных (в искусственных языках). Если теперь рассматривать, как языковые отношения проявляются во всех других системах, то это составит предмет общей семиотики. Если же рассматривать эти отношения как абстрактные отношения, независимо от того, в какой материальной семиотической системе они проявляются, но зато в зависимости друг от друга, т.е. рассматривать их как «алгебру», то это составит предмет абстрактной семиотики (Степанов 1971: 49).

3.2.7. Абстрактная и кибернетическая семиотики

Четвертое направление, из числа выделяемых Ю.С. Степановым в 1971 г. — ***абстрактная семиотика*** — изучает лишь наиболее общие свойства и отношения, характеризующие знаковые системы независимо от их материального воплощения (Р. Карнап за рубежом; В.Б. Бирюков, Д.П. Горский, А.А. Зиновьев, В.В. Мартынов и др. в России). В рамках этого направления создается наиболее абстрактная, логико-математическая теория знаковых систем.

По мнению Ю.С. Степанова, можно, вероятно, выделить пятое направление, которое занимается семиотикой в связи с кибернетикой и теорией информации (Г. Клаус, И. Земан, А. Моль за рубежом; В.В. Иванов, В. Мартынов и др. в России). Это можно было бы назвать *кибернетической семиотикой*, но точнее — это уже один из разделов самой кибернетики (там же: 24).

3.2.8. Семиотические аспекты терминоведения

Одной из областей плодотворного применения и развития общих принципов семиотики стало терминоведение. В терминоведении начало применения семиотического подхода связано с именами отечественных ученых В.М. Лейчика и П.В. Веселова. Одной из первых публикаций, в которой термины рассматривались с точки зрения специфики их знаковых функций, был доклад В.М. Лейчика на третьей лингвистической конференции в Новосибирске (Лейчик 1971). В докладе указывались четыре основных типа семиотических отношений терминов: 1) между терминами; 2) между термином как знаком и обозначаемым им понятием; 3) между термином как знаком и обозначаемым им предметом; 4) между термином как знаком и человеком, пользующимся этим знаком.

В докладе и последующих публикациях (Лейчик, Смирнов, Суслова 1977) указывалось, что первый аспект — синтактика — предусматривает изучение термина не только в синтаксическом аспекте (сочетаемость термина в линейной речевой цепи), но и в парадигматическом (вхождение термина в соответствующую терминологию). Два следующих типа отношений, относящихся к семантике, связаны со свойством термина выражать понятия и обозначать классы предметов. При этом специфической чертой термина, в отличие от не-термина, является то, что в структуре формы термина часто передаются существенные признаки понятий и их место в системе, а предметы, обозначаемые терминами, обычно связаны с различными областями научной и производственной деятельности. Четвертый тип терминологических отношений, связанный с прагматикой, включает со-

циолингвистические проблемы (профессиональных жаргонов, отношений между естественным языком и терминосистемами и т.д.) и важен с точки зрения нормализации терминопотребления.

Специфика реализации прагматических отношений в сфере специальной лексики определяется тремя положениями. Во-первых, в этой области языка возможно сознательное вмешательство человека (исключение из употребления терминов с существенными недостатками, изменение формы и значений терминов, создание новых терминов) с целью упорядочения их использования. Во-вторых, термины являются орудиями познания и могут моделировать действительность, «навязывать» определенные представления; некоторая часть их (в сфере общественно-политической лексики) подвергается идеологизации. Наконец, в отдельных специальных наименованиях — профессионализмах и профессиональных жаргонизмах — может проявляться отношение определенных профессиональных групп к соответствующим объектам.

Значительным шагом на пути развития семиотических аспектов терминоведения была оценка свойств термина как знаковой единицы, сделанная П.В. Веселовым (Веселов 1970; Веселов и Чирухина 1973). Такая оценка основывалась на делении всех свойств термина (в том числе и требований к термину) на три группы: семантическую, синтактическую и прагматическую.

Семантическая группа свойств основана на отношениях между лексическим значением термина как слова или словосочетания и содержанием называемого им понятия и включает требования инвариантности (отсутствия синонимов или многозначности), соответствия лексического и понятийного значений термина (совпадение значения термина с понятием), а также классификационной эллиптичности (отражения в форме термина только необходимых и достаточных признаков понятия).

Синтактическая группа связана с моделями образования терминов (применение однородных знаков для однородных понятий) и производностью терминов (возможность создания наибольшего числа производных терминов от формы данного термина).

К *прагматической* группе (учитывающей свойства термина, способствующие удобству его использования) были отнесены краткость (количество языковых элементов не должно превышать количества признаков, положенных в основание деления соответствующего понятия), неповторимость формы (отсутствие омонимов), произносимость, переводимость (что особенно важно в связи с тенденцией к интернационализации терминов), а также дескриптороспособность (для автоматизации информационных процессов).

Семиотический подход к классификации свойств термина лег в основу дальнейшего развития анализа и перечня свойств терминов и предъявляемых к ним требований (Гринев 1975; Гринев и Сергеев 1987; Гринев, Лейчик, Налепин 1987). Согласно предлагаемой в этих работах классификации к группе *синтаксических* свойств были отнесены такие характеристики формы термина, как длина (лексическая и в знаках), формальная структура (морфологическая или синтаксическая), модель образования термина, мотивированность, способность к образованию производных терминов, уровень вариантности его формы, лингвистическая правильность и грамматические особенности (например, отсутствие единственного или множественного числа).

К группе *семантических* свойств были отнесены такие признаки содержательной стороны термина, как номинативность, относительная независимость значения термина от речевого контекста, семантическая целостность (характерная для терминов-словосочетаний), а также особенности его семантической структуры, категориальность (отнесенность семантики термина к определенной онтологической категории понятий — в первую очередь — к объектам, процессам или свойствам), точность термина (включающая такие его свойства, как однозначность и непротиворечивость его буквального и терминологического значений) и полноточность (отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия).

В группу *прагматических* свойств были включены такие функциональные характеристики терминов, как краткость, облегчающая их использование; удобопроизносимость; внедрен-

ность, учитывающая общепринятость и употребительность; хронологический и нормативный статус; единичность (отсутствие синонимов) и неповторимость (отсутствие омонимов); сочетаемость; переводимость; роль в терминологии, которой они принадлежат; область применения; ареал географического распространения; благозвучность; а также выполняемая ими гносеологическая функция.

Наличие еще достаточно важной группы свойств, связанных с образованием и историческим развитием (эволюцией терминов), вызвало необходимость в выделении в терминоведении группы *эволютивных* свойств. К этой группе были отнесены происхождение, возраст (время появления термина), специализированность значения и употребления терминов, целенаправленность их появления (Гринев 1988).

В ряде работ семиотический подход распространяется и на классификацию свойств терминологий (Лейчик, Смирнов, Сулова 1977; Гринев 1988). Такая классификация лежит в основе типологии терминологий и метода параметрической оценки терминологий, являющегося собственным методом терминоведения. Она предполагает выделение таких *синтаксических* (формальных) характеристик терминологий, как размер (с выделением микротерминологий — до 100 терминов, мезотерминологий — 100—1000 терминов и макротерминологий — свыше 1000 терминов, а также, возможно, и мегатерминологий — свыше 10 000 терминов), средняя длина терминов терминологии, структурный состав и мотивированность терминов терминологии; *семантических* характеристик — полноты (наличия терминов для обозначения всех понятий соответствующей понятийной системы), категориального соотношения (соотношения терминов, называющих понятия различных категорий), синонимичности (уровня синонимии), системности, в том числе структурированности, глубины иерархии, типа основных отношений (иерархических или ассоциативных), связности терминов, составляющих данную терминологию; *прагматических* характеристик — уровней нормированности, внедренности, интернациональности терминологии, а также эволютивных характеристик — происхо-

ждения, возраста, замкнутости, устойчивости, роста, моделей образования и родства терминологий.

Позднее семиотический подход стал использоваться и при классификации самих терминов и терминологий (Гринев 1993). При этом в эволютивном аспекте термины можно классифицировать на основе происхождения (исконные и заимствованные), роли в образовании терминологии (базовые, собственные и привлеченные), хронологического статуса (архаизмы, историзмы, устаревшие и неологизмы); в синтаксическом аспекте термины классифицируются по структурным типам (простые, аффиксальные, сложные и словосочетания с дальнейшим более детальным подразделением вплоть до структурных моделей) и мотивированности.

В семантическом аспекте термины можно классифицировать по нескольким признакам: типу называемых ими понятий (термины категорий, общенаучные и общетехнические термины, межотраслевые, отраслевые, узкоотраслевые и узкоспециальные термины); степени их абстракции (теоретические термины с отвлеченно-умозрительным характером и эмпирические термины, значение которых имеет более конкретно-предметный характер); месту в иерархии понятий (родовые, видовые) и их предметной принадлежности — математические, физические, метрологические, биологические термины (с подразделением на фитонимы, миконимы, зоонимы, орнитонимы, иппонимы); метеонимы (наименования метеорологических явлений), ойконимы, дипломатические, спортивные, военные, ремесленные термины и т.д.; семантической структуре (однозначные и многозначные термины), совпадению (абсолютные и условные синонимы, а также эквиваленты, когда речь идет о терминах разных языков) или противопоставленности (антонимы) значений.

В прагматическом аспекте можно выделить термины языка, рассматриваемые в сфере фиксации как элементы терминологии, и термины речи, рассматриваемые в сфере функционирования, где у них зачастую появляются новые свойства. По признаку региональной распространенности здесь выделяются интернационализмы — одинаковые или близкие по форме

и совпадающие по содержанию термины, используемые в нескольких (не менее трех) национальных языках; национальные термины, используемые в одном национальном языке; регионализмы, применяемые в нескольких смежных странах, использующих один национальный язык, или крупном регионе большой страны, а также местные термины, применяемые в относительно небольшом ареале, обычно в рамках местного диалекта или говора.

С учетом степени общепринятости и употребительности различаются общепринятые термины, метадиалектные термины (термины, используемые в рамках одной научной школы) и идиолектные (индивидуальные, авторские), а также употребительные и малоупотребительные термины.

С учетом степени рекомендуемости и нормированности различаются стандартные термины, рекомендуемые термины, предпочтительные термины, рекомендуемые в справочных словарях, допустимые термины, приводимые в стандартах как разрешенные к употреблению наряду с основным термином, отсылочные термины, не рекомендуемые справочными словарями, нерекондуемые термины, приводимые как нежелательные в сборниках рекомендуемых терминов, и недопустимые термины, запрещенные к употреблению терминологическими стандартами.

Терминологические исследования показали возможность применения многих из выделенных параметров к словам и лексическим системам в целом. Одновременно с этим они позволили несколько уточнить и концепцию семантического треугольника, показав, что для лексики естественных языков существуют два варианта сигнификата — *представление* для общеупотребительных значимых слов и *понятие* — для терминов. Это основывается на понимании того, что разница между термином и словом отражает разницу между понятием и представлением. Сопоставление определений значений общеупотребительного слова и термина показывает, что первое отражает черты именно представления — в нем не раскрыты внутренние связи, указаны несущественные признаки.

Таким образом, разница между словом и термином объективно обусловлена тем, что они отражают явления разных

уровней мыслительной деятельности — научное мышление и бытовое оперирование представлениями. И действительно, даже пользуясь термином (или, точнее его омонимичной формой) в быту, мы никогда не задумываемся над научным содержанием соответствующего понятия, а имеем в виду именно наиболее поверхностные, бытовые свойства соответствующего объекта.

Применение семиотического подхода в терминоведении показало, во-первых, принципиальную возможность использования семиотического аспектного деления к классификации любых видов явлений, рассматриваемых как знаки, а, во-вторых, недостаточность и противоречивость традиционной трехаспектной системы семиотики. Иными словами, практическое приложение концептуальной парадигмы Морриса к достаточно большому объему материала показало, что она нуждается в уточнении и дополнении.

3.3. Развитие типологии знаков

Появление ряда отраслевых направлений семиотики, исследования в которых проводились независимо, привело к возникновению различного понимания основных принципов и элементов семиотики.

Так, анализ применения семиотического подхода в терминоведении показал, что трактовка основных положений общей семиотики в терминоведении и лексики в целом несколько расходится с тем, что принято в общей семиотике: область синтактики распространяется не только на взаимоотношения лексических единиц в речевой последовательности, но и на их структуру, а в дальнейшем и на все вопросы, связанные с формой лексем и лексических систем; область прагматики расширяется на все вопросы, в которых может быть отражена точка зрения пользователя — функционирование лексики, ее функциональные свойства и, в частности, требования к термину. При этом и традиционное понимание основных семиотических понятий и

сама система этих понятий, принимаемая в отечественной литературе, различаются у разных авторов и несколько отличаются от классической, которая предложена основоположниками этой науки и используется на Западе.

Прежде всего различно число единиц, рассматриваемых разными авторами в качестве знаков и их состав. При этом в основе современных типологий знаков используются знаки, принадлежащие только ко второй триаде Пирса.

Н.И. Кондаков, придерживаясь положений Ч.С. Пирса, выделяет такие виды знаков, как изображения, индексы и символы (Кондаков 1976: 183), причем указывает, что «форма символа, как правило, не имеет сходства (подобия) с тем предметом, который символ представляет, на который символ указывает. Более того, в одной и той же науке один и тот же предмет или процесс нередко обозначаются различными знаками» (Кондаков 1976: 533).

Уфимцева выделяет признаки и условные знаки (видимо коды), и добавляет к знакам сигналы, симптомы, и собственно знаки (языковые знаки) (Уфимцева 1970: 106)

Советский энциклопедический словарь подразделяет знаки на языковые и неязыковые, а последние, в свою очередь — на знаки-копии, знаки-признаки и знаки-символы (СЭС... 1985: 464); согласно же Философскому словарю, также в первую очередь выделяющему языковые и неязыковые знаки, последние разделяются на знаки-копии, признаки и сигналы (Философский словарь 1986: 423). Таким образом, вводится новая разновидность знака — языковой знак.

В.А. Виноградов различает, вслед за Ч.С. Пирсом, «1) иконические знаки — наиболее точные образы обозначаемого...; 2) индексальные знаки — выполняющие роль указателя...; 3) символические знаки — в которых связь между означаемым и означающим никак не вытекает ни из их природы, ни из смежности их денотатов в пространстве, а определяется социально установленной условностью» (Виноградов 1997: 138).

Если авторы некоторых лингвистических публикаций и работ, относящихся к логике и философии, в основном при-

держиваются типологии знаков Пирса, то наряду с этим в отечественном языкознании предлагается несколько другая типология, где **знаком** в общем виде считается материальный носитель информации о предмете (процессе, свойстве), вследствие естественной связи — **признаки** (знаки-признаки, естественные знаки), по договоренности — **сигналы** (знаки-сигналы, условные знаки — вместо кодов Пирса) или отражения определенных свойств, осознаваемых в качестве представителей всего явления, его сущности — **символы** (знаки-символы, которых у Пирса не было). К этим трем типам знаков добавлялись **языковые знаки**, которые в рамках лингвистики делятся на два подвида: первичные знаки (естественного языка) и знаки-субституты, замещающие не предметы/понятия, а их первичные знаки. Примерами признака являются дым, информирующий об огне, или повышение температуры у человека, информирующее о воспалительном процессе; примером сигнала — звонок, информирующий о начале или конце занятий; примером символа — изображение голубя как символа мира (Березин/Головин 1979: 111).

Вместе с тем В.И. Кодухов предлагает различать «два типа знаков: естественные знаки (или знаки-признаки) и искусственные знаки (или знаки-информаторы)». При этом, по его мнению, «признаки (их называют также симптомами) собственно знаками не являются... семиотическое истолкование признаков не превращает естественные (и общественные) явления в знаковые системы...» (Кодухов 1974: 125). Таким образом, естественные знаки — признаки — знаками не считаются и выводятся за рамки семиотики. К этой точке зрения присоединяется Ю.С. Маслов (Маслов 1975: 24–25; 1987: 24).

А.А. Ветров основное различие проводит между языковыми и неязыковыми знаками, причем, «как и всякий другой знак, языковой знак представляет собою воспринимаемый организмом (или кибернетическим устройством) предмет, имеющий ценность не сам по себе, а лишь как средство отослать организм (или кибернетическое устройство) к другому предмету, указать на него. Отличительным же признаком языкового знака является то, что он производится животным или

человеком и служит средством общения отдельных индивидуумов друг с другом. Наоборот, неязыковой знак не производится самими организмами, хотя он и имеет для них значение знака. Например, багровый закат, предвещающий солнечную, но ветреную погоду, является неязыковым знаком, потому что это событие не зависит от действий человека и не служит средством общения. Человек не производит его в качестве средства общения, а лишь истолковывает определенным способом, поскольку он знает из своего опыта, что существует связь между характером заката и завтрашней погодой. Примером языковых знаков могут служить знаки повседневного языка (слова, предложения и т.д.), производимые людьми в целях общения друг с другом.

Очень часто неязыковые знаки называют признаками. Багровый закат есть признак солнечной, но ветреной погоды, насморк — признак (симптом) простудного заболевания, для животного резкий запах человека на лесной тропинке — признак его близкого присутствия и т.д.

В свою очередь, языковые знаки можно подразделить на интенциональные языковые знаки и неинтенциональные языковые знаки. Интенциональный языковой знак не просто производится как средство общения — человек производит его намеренно, с сознательной целью сообщить нечто другому человеку о действительности (например, “Вчера было холодно”), получить от другого человека какую-то информацию (“Кто пришел?”), побудить его к совершению определенного действия (“Сходи за хлебом”) и т.д. Неинтенциональный языковой знак тоже производится организмом и служит средством общения, но делается это ненамеренно, без осознания взаимоотношений, существующих между организмами, без понимания коммуникативного эффекта, производимого знаками. Образцом неинтенциональных языковых знаков являются, например, знаки, образующие язык муравьев и язык пчел» (Ветров 1968: глава 3, § 1).

А.Т. Хроленко предлагает различать *симптомы* — предметы или явления, выполняющие сигнальную функцию стихийно, не-

целенаправленно, и *сигналы* или *знаки* — предметы или явления, намеренно используемые во вторичной функции.

Эти разногласия в известной мере обусловлены двумя неточностями второй триады Пирса. Во-первых, при выделении типов фактически было использовано не одно основание деления. Если два первых знака — образ и признак — действительно выделены на основе характера связи знака с объектом (аналогии или ассоциации), т.е. одного и того же основания деления, то третий тип — код — фактически предполагает не реально существующую связь знака с объектом, а условную договоренность о наличии такой связи («знаки, относящиеся к объекту на основе соглашения, обеспечивающего понимание знака, как относящегося к объекту» (Peirce 1867, pag. 249), свойственную именно искусственным знакам. Таким образом, здесь скрыто второе разделение — между знаками по договоренности, искусственными знаками и естественными знаками, которыми, по-видимому, являются два первых типа (хотя такой вид образов, как диаграммы, также предполагает договоренность о понимании). Это различие и привело в дальнейшем к выделению естественных и искусственных знаков.

Второй неточностью является использование слова «символ» в несвойственном ему значении. Как отмечалось выше (п. 2.1.), близость традиционного значения этого слова к значению слов «изображение, образ» привела к постепенному использованию слова «символ» в значении второго типа знаков, а третий тип стал обозначаться словом «сигнал».

В.И. Кодухов вводит еще один тип знака: знак-субститут — вторичный знак, замещающий не объект, а первичный знак (например, письменная фиксация произносимых звуков и слов, азбука Морзе, условные обозначения и т.д.).

Еще в античности (Аврелием Августином) было обращено внимание на то, что знаки можно классифицировать и на основе тех органов чувств, которыми они воспринимаются. Это нашло отражение и у некоторых отечественных авторов (Маслов 1975, 1987). Таким образом, можно различать знаки зрительные, вкусовые, осязательные и органолептические (вкусовые и обонятельные) (Encyclopedia of Semiotics).

3.4. Аспекты рассмотрения знаков

Другую трактовку по сравнению с положениями Морриса в близком к семиотике языкознании получили и **аспекты рассмотрения знаков**. Например, В.И. Кодухов под синтактикой понимает отношение между знаками не только в знаковой ситуации, но и в пределах знаковой системы, а под семантикой — только их отношение к обозначаемым (указываемым) предметам (Кодухов 1974: 125). Это значительно меняет объем рассмотрения знаков, поскольку связь знака с обозначаемым предметом (называемым также денотатом, референтом (Касевич 1977: 17–18)) и понятием о предмете (иначе говоря, значением, десигнатом, сигнификатом (Касевич 1977: 17–18)) — разные вещи.

Одному объекту могут соответствовать несколько понятий, отражающих различные аспекты рассмотрения (вода ассоциируется с разными понятиями у физика, химика, мелиоратора и кровельщика, общая стена одновременно является и разделяющей; одно и то же сооружение — трубчатый колодец — рассматривается также как «буровая скважина», с точки зрения технологии сооружения, и как «водозаборная скважина», по выполняемой функции) и соответственно несколько знаков. Последнее достаточно широко распространено, например, в производстве искусственных материалов, где некоторые вещества имеют несколько параллельных обозначений: наименование по химическому составу — научное наименование — производственное наименование — фирменное наименование. В терминоведении одной из очевидных истин является то, что одному и тому же слову и денотату в быту соответствует представление, а в науке и технике — понятие.

На разницу в понимании объекта обращал внимание и Моррис: «Знаки, указывающие на один и тот же объект, не обязательно имеют те же самые десигнаты, поскольку то, что учитывается в объекте, у разных интерпретаторов может быть различным. Знак объекта в одном предельном случае, который теоретически следует иметь в виду, может просто привлечь внимание интерпретатора к объекту, тогда как в другом предельном

случае знак позволит интерпретатору учесть все существенные признаки объекта при отсутствии самого объекта. Существует, таким образом, потенциальный знаковый континуум, в котором по отношению к каждому объекту или ситуации могут быть выражены все степени семиозиса, и вопрос о том, что представляет собой десигнат знака в каждой конкретной ситуации, есть вопрос о том, какие признаки объекта или ситуации фактически учитываются в силу наличия самого только знакового средства» (Моррис 1938: 40).

Необходимость выделять и рассматривать отдельно отношения между знаком и объектом (денотатом, референтом) с одной стороны и знаком и соответствующим представлением, понятием (интерпретантой по терминологии Пирса, десигнатом по терминологии Морриса), с другой стороны, вполне очевидна. Поэтому Г. Клаус предложил различать не три, а четыре аспекта рассмотрения знаков, закрепив за семантическим аспектом только отношение между знаком и понятием и добавив к вышеуказанным сигматический аспект, связанный с функцией обозначения объекта, называния, «этикетирования» (Клаус 1967, п. 1.1.1).

Н.И. Кондаков понимает синтактику как раздел семиотики, изучающий не взаимоотношения знаков, а структуру знаковых систем (Кондаков 1976). Философский словарь разделяет эту точку зрения, понимая под синтактикой изучение внутренней структуры знаковых систем безотносительно к выполняемым ими функциям, а под семантикой — раздел семиотики, изучающий знаковые системы как средство выражения смысла (Философский словарь 1986: 423).

Г. Карри понимает под синтактикой изучение структур только символических систем, а под семантикой — их коммуникативных функций (Карри 1967).

В.Б. Касевич синтактику понимает только как способ сочетания знаков друг с другом в речевой цепи, например правила порядка слов в предложении (Касевич 1977: 17).

Таким образом, уже в 1960—80-е годы стало заметно несоответствие между аспектами, предложенными для общей семио-

тики и возможностями их реализации в наиболее изученной семиотической системе — естественном языке.

3.5. Свойства знаков

Дальнейшее развитие в это время получают исследования категории свойств знаков. Ф. де Соссюр в качестве фундаментальных свойств знака рассматривал его произвольность (немотивированность) и линейность. Ю.С. Маслов выделяет такие свойства, как противопоставленность знака в системе другим знакам и наличие внутренней структуры различной степени сложности (Маслов 1975).

В связи с тем что природа знаков в значительной степени определяет их свойства, интересна классификация В.И. Кодуховым подходов к пониманию сущности знака, который выделяет три таких подхода: феноменологический (физикалистический), логико-психологический (операциональный) и билатеральный. Представители первого подхода (И. Кант, Э. Гуссерль, Ч. Моррис, Ф. Бопп, Л. Блумфилд) обращают внимание только на материальную сторону знака как носителя информации о другом, непосредственно не наблюдаемом явлении. Знак при этом понимается как сигнал или признак, лишенный собственного значения. Сторонники второго направления, напротив, игнорируют материальную сторону знака, понимая знак как идеальное (Ф. де Соссюр) или функциональное (Л. Ельмслев) образование.

Эти противоположные концепции объединяет одностороннее представление о характере знаков, в обеих концепциях «знак сам по себе не существует, он часть знаковой ситуации. Знаковая же ситуация понимается различно. В первом случае она содержательная, идеальная и функционирование знака есть наполнение его предметным и смысловым содержанием; знаки понимаются как сигналы о предметной и содержательной действительности. Во втором случае, напротив, знаковая ситуация психофизиологическая и функционирование знака есть его материализация, приближение к предметной, материальной действительности; знаки понимаются как сигналы, являющиеся

наглядно-образной стороной моделирующей деятельности познающего субъекта» (Кодухов 1974: 129). В билатеральном понимании знак является единством материального (внешнего, звукового) и идеального (внутреннего) значения.

Это положение разделяется и А.Т. Хроленко: «Существуют два противоположных мнения о структуре знака. Согласно одному, знак двусторонен (билатерален), он обладает планом выражения, материальной стороной, и планом содержания, значением. Аргументация в этом случае строится на той посылке, что знак важен не сам по себе, а только тем, что за ним стоит. Более многочисленные противники этой точки зрения — унилатералисты — считают, что знак — явление одностороннее, обладающее только планом выражения. Знак всегда связан со значением, но его в себя не включает. Аналогия: садовник — человек, имеющий отношение к саду (владеет, работает), но сад в структуру человека (садовника) не входит.

Столь принципиальное расхождение мнений порождено неодинаковым пониманием природы значения. Для сторонников первой точки зрения значение — это вид отношения знака к предмету обозначения или понятию — и потому оно включено в знак; для их оппонентов значение — это факт сознания, идеальное отражение явления действительности. При таком подходе значение не может быть включено в знак, поскольку 1) звукоряд (= знак) указывает не только на предмет, но и на само значение; 2) знак произволен, условен, а значение безусловно, оно определяется отражаемой действительностью; 3) значение как факт сознания находится в голове, знак всегда вне ее (отсюда автономность развития значения и знака)» (Панфилов 1977; Солнцев 1977; цит. по: Хроленко 1997).

Рассматривая один из видов знаков — признаки, А.А. Уфимцева отмечает их основные свойства: «Для знаков-признаков характерны три основных момента: доступность, наблюдаемость самого знака, отсутствие непосредственной наблюдаемости того, на что он указывает, важность того, показателем чего признак является. Например, нас интересует не столько сам факт наличия какого-нибудь симптома болезни, сколько то, симптомом какой болезни он является; нас волнует не сам факт падения ртутного столба в термометре, а указание на то, что температура снизилась» (Уфимцева 1970: 107).

3.6. Типология знаковых систем

Как правило в коммуникации используются не отдельные знаки, а их объединения, которые называются знаковыми системами. Объединение знаков в систему основывается на нескольких критериях: общности функций, сходстве форм и подобии структур. Знаковая система состоит из набора элементарных знаков, отношений между ними, правил их комбинирования и функционирования.

К коммуникативным знаковым системам относятся естественные языки, языки программирования, денежная система, язык жестов, обряды, произведения искусства («языки» кино, театра, музыки, живописи) и т.д. При коммуникации знаковые системы могут взаимодействовать: в процессе речевого общения обычно используется не только язык, но и жесты и мимика, причем знаки разных знаковых систем определенным образом коррелируют между собой.

Отношения, которые существуют между знаками в знаковой системе, называются парадигматическими. Среди важнейших парадигматических отношений — синонимия, гипонимия, антонимия и др. Наряду с парадигматическими отношениями между знаками существует и синтагматический тип отношений. Синтагматическими называются отношения между знаками, возникающие в процессе их сочетания в речи. Именно синтагматические отношения обеспечивают существование текста — результата действия знаковой системы в процессе коммуникации.

В рассматриваемый период развития семиотики развивалась и типология знаковых систем. Так, Ю.В. Рождественский в начале 1970-х годов предлагал различать три типа знаковых систем:

1) знаковые системы, отражающие модель поведения — язык, пластика и танец;

2) знаковые системы, отражающие модель мира — музыка и изобразительные искусства;

3) знаковые системы, отражающие индивидуальные особенности личности — костюм и татуировка (Рождественский 1971).

Весьма подробная типология знаковых систем была предложена Ю.С. Степановым. В предложенном им подходе знаковые системы в совокупности образуют непрерывный ряд явлений в объективной действительности, континуум. Человек (наблюдатель) членит этот ряд. В наиболее грубой, обобщенной форме эта классификация существует уже в самом разделении семиотик (био-, этно-, лингво- и т.д.). Для более полной и точной классификации необходимо учитывать различные ступени знаковости, наблюдаемые в пределах каждой из семиотик. Наиболее объективна, по мнению автора, классификация по типу «гаммы», или «спектра» (см. след. таблицу):

Основные типы знаковых систем, расположенные по степени нарастания семиотических свойств

Тип	Пример и в каком разделе рассмотрен	Семиотическое название	Семиотические свойства
I	След на камне от удара о другой камень (II, 1)	Внутреннее состояние отражения	След на камне хранит информацию об ударе, но этот след есть часть камня; знак не обладает свойством отдельности, система-посредник не выделима из двух систем, между которыми она посредник.
II	Растение поворачивается под влиянием света (II, 1)	Тропизм	Изгиб растения хранит информацию о воздействии луча света, этот знак есть часть растения, по свойства отдельности знака нарастают: до падения луча изгиб был иным; знак необходим для существования растения (биологически релевантен);

Тип	Пример и в каком разделе рассмотрен	Семиотическое название	Семиотические свойства
III	В семействе пчел: распределение капелек жидкости с поверхности тела пчелы-матки (II, 1)	Физиологическая система связи	система-посредница не выделяема; означающее знака и означаемое им одно и то же (тождественны друг другу). Знак полностью биологически релевантен, но означаемое и означающее не тождественны; система-посредник выделяема.
IV	Раздувание брюшка у рыбы-колюшки; порхания бабочки-перламутровки (II, 1)	Этограмма	Знак биологически релевантен; означающее и означаемое нетождественны; знак выделим, выделяема и вся система-посредник, ее можно смоделировать в обобщенной форме (в виде этограммы).
V	Действия, жесты и позы человека, такие, как подталкивание — знак удалиться	Паралингвистика	Знак воздействует физически, но биологически нерелевантен (не важен для существования организмов); знак выделим не всегда (например: «Все поведение его выражало неприязнь»), система также; означаемое и означающее не тождественны, но подобны друг другу.

Тип	Пример и в каком разделе рассмотрен	Семиотическое название	Семиотические свойства
VI	Действия, жесты и позы человека, такие, как культовый танец; манера сидеть расстановка мебели (I, II, 2)	Неявный уровень материальной культуры;	Знак выделим не всегда, система также; Означающее и означающее уже не всегда подобны.
VII	Эмоциональная интонация, неосознанный отбор слов, неосознанная стилистика речи (стр. 21, 92)	Неявный уровень языка; коннотативный уровень языка	Означающее — неявный уровень психики, поэтому знак, как и в предыдущем типе, выражает внутреннее состояние самого говорящего (оно — означающее), означающее и означающее не подобны друг другу, но принадлежат одной системе (одному и тому же организму).
VIII	Обычная устная и письменная речь (II, 3)	Денотативный уровень языка	Означающее знака (слова) есть предмет объективного мира (называемый «денотат»), означающее принадлежит субъекту; знак не обладает абсолютной выделяемостью, хотя и хорошо выделим.
IX	Формальное описание обычной устной и письменной речи (II, 3)	Структурный уровень языка	Означающее и означающее сближаются: означающее — общие отношения в системе языка, а означающее (запись) — форма этих отношений; знак абсолютно выделим.

Тип	Пример и в каком разделе рассмотрен	Семиотическое название	Семиотические свойства
Х	Символическая (математическая) логика (II, 4; «Примечания»)	Абстрактная семиотика	Означающее и означающее совпадают, возникает иллюзия того, что символическая логика не имеет плана содержания.

После введения классификации по принципу гаммы («градуальной классификации») можно до некоторой степени, если не определить, то разъяснить понятие «информация», которое входит в определение знаковой системы.

Информация всегда есть энергия меньшая, чем та энергия, которая необходима для вещественного существования указанных материальных систем. И это видно из того, как информация постепенно вычленяется из общего объема биологически существенной (биологической релевантной) энергии (см. таблицу).

Энергетические затраты на существование самой знаковой системы пропорциональны энергетическому объему передаваемой ею информации. Чем более высоко организована знаковая система, тем меньшую часть общей энергии составляет передаваемая ею информация и тем меньше энергия, необходимая для существования самой знаковой системы. В предельном низшем случае информация стремится к общему количеству энергии, обмениваемой между двумя материальными системами, а знаковая система — посредник — стремится при этом слиться с самими материальными системами (пример: физические взаимодействия в смысле С.И. Вавилова и Т. Павлова, см. тип I в таблице).

Наиболее четко информация отличается от общей энергии в самонастраивающихся системах (растение, животное, человек, электронная машина), т.е. в среднем диапазоне (пример: переходный случай от физического взаимодействия, явление знака и значения по Я. фон Экскюлю; этограммы, см. II, 1).

В предельном высшем случае энергия, слитая с информацией, стремится к нулю, а знаковая система — к максимальному отличию от материальных систем, посредником между которыми она является (пример: символическая логика, абстрактная семиотика).

При градуальной классификации выясняется и еще одна важная сквозная линия. Если принять естественный человеческий язык за меру семиотических языковых свойств, то, накладывая VIII рубрику шкалы на разные другие рубрики, передвигая ее по шкале классификации, мы должны будем сказать, что свойства языка последовательно возникают на ступенях эволюции. По отношению к каждой отдельной ступени имеет смысл не только вопрос «Язык это или не язык?», т.е. полностью или неполностью совпадают свойства данного явления со свойствами языка, но и вопрос: «Насколько это язык?», т.е. до какой степени совпадают свойства данного явления со свойствами языка. Но язык человека является не просто удобной меркой, он — естественная мерка оценки знаковых систем.

Что касается знака, то его предварительное определение таково: знаком будем называть всякое состояние знаковой системы в каждый данный момент времени, если это состояние отлично от предыдущего и последующего. Например, изгиб стебля цветка под воздействием солнечного света есть знак, мы отличаем его от положения стебля до этого и после этого (Степанов 1971).

Оригинальную развернутую классификацию семиотических систем предложил Ю.В. Рождественский в 1980-е годы. По его мнению, семиотические системы прежде всего подразделяются на *интегральные* и *специальные*.

К *интегральным* системам относятся язык, обряды, игры и средства исчисления. Основное их свойство заключается в том, что ими пользуются все члены общества равным образом, т.е. все члены общества являются создателями и получателями этих знаков. Например, все люди могут говорить и слушать; у всех людей есть имя, даваемое и закрепляемое по обряду; все так

или иначе участвуют в играх и, наконец, все пользуются исчислением, обращаясь для этого к самым разнообразным средствам (скажем, собственным пальцам).

Обряды и игры. Это средства воспитания поколений. Обряды (свадьбы, коронации, календарные праздники, молебны и т.п.) в большинстве своем обязательны для членов общества и осуществляются вне зависимости от субъективных желаний отдельных людей. В обрядах как бы разделяются душа и тело человека, и происходит преосуществление личности: переход из неодухотворенного в одухотворенное состояние.

Игры (детские, атлетические, интеллектуальные), напротив, совершаются по желанию участников, не в связи с определенным временем или событием (как обряды), а по соглашению. Из всех существующих семиотических систем только играм присущ азарт как особое состояние души.

Средства исчисления представляют собой разнообразные единицы измерения: времени, расстояния, веса, объема и т.п. Они могут быть как естественными (один миг, пядь, шаг, локоть), так и искусственными (линейка, гиря, мерная кружка), и позволяют вести счет. Средства исчисления служат для оценки объектов и для оценки деятельности: прошлой, настоящей и будущей.

Специальные семиотические системы создаются, как правило, профессионалами, специалистами; не все члены общества обязательно пользуются этими системами.

Специальные семиотические системы подразделяются на четыре основных разряда. Рассмотрим это на семиотических системах дописьменного общества.

1. Системы прогностики — приметы, знамения, гадания. Здесь представлены обычно объекты природы, интерпретируемые как некие образы будущего, содержащие знание, которое можно использовать для предсказания и толкования грядущих событий.

Приметы указывают на определенную взаимосвязь регулярно повторяющихся природных явлений, но ожидаемую без объяснения этой связи. Например: «Ласточки летают низко —

к дождю». Собрание примет, будучи записанным, дает картину жизни природы и далее развивается в классификацию природных явлений, опытных наук и научных знаний.

Знамена объясняют экстраординарные явления, выходящие за пределы циклически повторяющихся событий, и указывают на причинно-следственную связь между ними: «Солнечное затмение перед началом военного похода — к поражению, так как нарушается естественный ход вещей». Знамена развиваются в пророческие действия и в философские системы, оказывающие влияние на формирование стиля жизни.

Гадания представляют собой определенные манипуляции с избранными (гадательными) предметами: явлениями природы или специально созданными объектами (например, гадательными кубиками), направленные по предварительно установленным правилам на раскрытие какой-либо тайны и определение правильной или выгодной линии поведения. Это уже не наблюдение над природой (как в приметах), а как бы постановка опыта.

Системы прогностики составляют основу планирующей деятельности человека.

2. Системы неприкладных искусств — музыка, танец, изображение и орнамент.

В них выражается абстрактная модель отношений людей с окружающим миром и друг с другом, реализуется образная мысль человека.

Музыка предназначена для гармонизации упорядочения отношений между миром и человеком, она представляет в образах картину динамики жизни: в музыке мир движется как внутри, так и вне человека.

Танец всегда обращен к нравственности человека, он символизирует отрицание дурного, безобразного и утверждение прекрасного в отношениях между людьми (в первую очередь любовь во всех ее проявлениях): в танце изображается и движение, и статика взаимоотношений между людьми.

Изображения и орнамент представляют и мир, и человека в статике — на определенный зафиксированный момент времени движение мира как бы остановлено. Этот вид искусства анали-

тичен, он дает возможность внимательно рассмотреть ситуацию, представленную в статике, и определиться в выборе должного и прекрасного: здесь мир и человек как бы обездвижены.

3. Системы прикладных искусств — костюм, архитектура, дизайн. Прикладные искусства создают искусственный мир вещей, окружающих человека, составляющих его среду обитания. Вещи, становясь предметами прикладных искусств, обретают знаковый смысл.

Следует различать понятия «одежда» и «костюм». Понятие «одежда» включает в себя представление о свойствах ткани, кожи и других подобных материалов, в которые облачается тело человека, чтобы защитить его от воздействия внешней среды. Понятие «костюм» подразумевает эстетические и социальные характеристики того, как выглядит человек в одежде, обуви, головном уборе и аксессуарах.

Костюм есть признак социальности личности: с его помощью человек представляет себя другим людям, по костюму судят о характере и общественном положении того, кто его носит; в соответствии с этим костюм может быть бытовым, спортивным, рабочим, униформой и т.п. В таком смысле костюм становится как бы самоназванием человека. Фольклорный костюм даже дает своеобразную «привязку к местности»: в разных регионах существуют свои правила построения костюма.

Архитектура формирует образную искусственную среду обитания человека и воплощает его (и общества в целом) эстетические вкусы. Объекты архитектуры обозначают функциональные назначения зданий и сооружений, «рассказывают» об их создателях, о времени их создания, а также сообщают сведения о владельцах; таким образом, они обращены и к истории общества, и к его будущему.

Дизайн — это придание, нахождение эстетической формы для движимого имущества, которым пользуется человек, — посуды, мебели, инструментов, оружия и т.п. Их оформление подсказывает, кто сделал данную вещь, зачем, как она связана со стилем времени. В дизайне собраны воедино все эти ком-

поненты смысла, причем не в ущерб утилитарным свойствам вещей.

В объектах прикладных искусств материализуется идеальное представление о прекрасном мире вещей.

4. Системы управления — меры, ориентиры, сигналы и команды. Знаки этих систем определяют деятельность людей (как индивидуальную, так и коллективную) через сложные процессы организации и управления, существующие в обществе.

Меры указывают на определенные ограничения при реализации деятельности: стоимость, качество, параметры объектов и т.д. Они используются как при планировании предстоящих действий, так и при оценке сделанного. Примитивные народные меры на протяжении столетий развивают в себе принципы золотых сечений и пропорций, образуя правила внутренней соразмерности, а затем приходят к установлению и определению эталонов, служащих для измерений.

Ориентиры предупреждают о разрешенном и запрещенном при осуществлении деятельности. Знаки этой системы уведомляют о том, что, например, условия деятельности изменились, в силу чего следует принять решение о продолжении, прекращении или изменении характера действий по реализации задуманного. Ориентиры направляют действия людей на путях сообщения, на местности или в трудовых процессах.

Сигналы и команды представляют собой прямое указание на какой-то конкретный поступок. Они предназначаются и отдаются для того, чтобы было исполнено или, наоборот, остановлено предписанное иной командой действие. При этом исполнитель освобождается от ответственности за последствия и не должен обсуждать ее целесообразность. Сигналы и команды служат базой для создания систем автоматизации управления.

Следует иметь в виду, что если ориентиры апеллируют к собственному творчеству исполнителя той или иной деятельности, который должен самостоятельно принять решение о порядке действий в пределах обозначенного ориентирами, то команды прямо предписывают единственно допустимый вариант действий.

Семиотические системы демонстрируют возможности общества по организации коллективной работы в условиях разделения труда: системы прогностики представляют замысел образа, системы неприкладных искусств — его одухотворение, системы прикладных искусств — его материализацию (в виде вещи), системы управления организуют действия с этой вещью.

Всеми этими знаковыми системами заведует язык, и вместе с тем, сам будучи знаковой системой, он обладает особыми свойствами (Рождественский, Блинов 2005: 13—18).

Подводя итоги, можно сказать, что вплоть до недавнего времени в общей семиотике выделялись только три основных типа знаков — признаки, сигналы и символы — и три аспекта их рассмотрения: семантика, синтактика и прагматика. Вместе с тем чрезвычайно плодотворным оказалось введение разграничения естественных (природных) и искусственных знаков и попытки приложения общей теории знаков к различным областям знаний. Последнее, впрочем, способствовало размыванию понятия семиотики, в которую зачастую стали включать смежные, но совершенно иные области исследования, такие как структурная поэтика, теория коммуникации (информации), теория текста и дискурса и т.д.

4.1. Современная проблематика семиотики

В настоящее время, несмотря на широкое применение семиотических методов в различных науках, значение **семиотики** иногда недооценивается. Любой обмен информацией основывается на применении знаков, используемых в качестве носителей информации; без знаковых систем (одной из которых является язык) невозможен ни один информационный процесс. Следовательно, семиотика в известном смысле определяет информатику; более того, возникновение и развитие науки, техники и культуры было бы невозможно без существования и использования знаков.

Как уже говорилось выше (в предисловии), подавляющее большинство работ, причисляемых к семиотике, имеет частный характер, тогда как число исследований проблематики общей семиотики весьма незначительно, что начинает вызывать трудности в ориентировании в материале. Семиотический статус многих исследований неясен и подвергается сомнению. Так, в упомянутой в Предисловии статье А. Соломоника «Семиотика общая и семиотики частные» рассматривался сайт, названный *Картографическая семиотика*. Данная частная семиотика определяется как «Раздел картографии, в котором разрабатываются общая теория систем картографических знаков и методы построения и использования способов картографического изображения. В рамках К.с. выделяются 3 раздела: картографическая синтактика, изучающая правила построения и пользования знаковыми системами, их структурные свойства; картографическая семантика, исследующая соотношения условных знаков с отображаемыми явлениями; картографическая прагматика, изучающая информационную ценность знаков как средства картографической коммуникации и их восприятие читателями карты. Иногда в составе К.с. выделяют картографическую стилистику,

изучающую стили и факторы, определяющие выбор изобразительных средств в соответствии с функциями картографических произведений» (Соломоник).

Как пишет А. Соломоник, «Иначе говоря, то, что раньше просто называлось *картографией*, теперь называется *картографической семиотикой*. Что от этого выиграли картографы, я не знаю, но, может быть, и выиграли. Я просто не компетентен делать заключение по этому поводу, тем более, что и дальнейший текст данного сайта не дает мне никаких ключей к расшифровке его принадлежности к семиотическому семейству. В сайте идет речь о чисто картографических проблемах, в которых я не сведущ. Совершенно очевидно, что речь идет о чисто картографических проблемах, к тому же в картографическом облачении. Подача данного материала как семиотического ничем не оправдана» (там же).

Здесь не вполне можно согласиться с А. Соломоником. По нашему мнению, применение семиотического подхода в различных областях знания вполне оправдано в тех случаях, когда материал носит знаковый характер и может быть получено новое знание, а также при корректном применении принципов семиотики. В данном случае картографические изображения бесспорно являются знаками (и приводятся в качестве примера типичных знаков у Ч. Пирса и Ч. Морриса), а картография приводится Н.Б. Мечковской в качестве одной из основных знаковых систем. Заметно некоторое развитие в сторону приспособления к потребностям данной области знания деления семиотики, предложенного Ч. Моррисом. Некоторые возражения может вызвать только не совсем корректное определение выделенных разделов — использование знаков, неправильно отнесенное к синтактике, принадлежит прагматике.

В то же время вполне справедливо возражение против участия специалистов различных областей знания на семиотических форумах при обсуждении проблем общей семиотики в том случае, когда результаты исследований в рамках частных семиотик не могут быть использованы для развития положений общей семиотики и не представляют для нее интереса. Возмож-

но, в связи с завершённым выделением ряда частных областей семиотики, пришло время предусматривать на семиотических совещаниях наряду с обсуждением проблем общей семиотики и частные секции.

Одной из наиболее важных задач для каждой формирующейся науки является установление ее границ, поскольку в истории семиотики наблюдались тенденции и значительного расширения и сужения ее содержания. С одной стороны, расширение Моррисом понятия реакции на знак практически дает возможность включить в область рассмотрения семиотики не только все общественные науки, но и большую часть проблематики биологических наук, поскольку оно позволяет рассматривать любое воздействие на организм как знак-признак изменения внешней среды, а любую реакцию живого организма на внешнюю среду — как знаковую ситуацию. В то же время, как отмечает В.И. Кодухов (Кодухов 1974: 125), семиотическое истолкование признаков не превращает естественные и общественные явления в знаковые системы, следовательно, их исследование должно быть выведено за рамки семиотики. Эта проблема снимается выделением и рассмотрением в качестве самостоятельных дисциплин таких направлений, как биосемиотика, исследующая семиотические проблемы учета живыми организмами признаков внешней среды, культурная семиотика, занимающаяся общественными явлениями и т.д., с отграничением их проблематики от проблематики общей семиотики, включая в круг собственно семиотических проблем только знаковые системы, используемые для обмена информацией (за исключением лингвистики).

В настоящее время общая семиотика — это самостоятельная наука со своим предметом, категориальным аппаратом, исследующая происхождение, функционирование и развитие знаковых систем. Наряду с выделением отдельных направлений — биосемиотики, лингвосемиотики, этносемиотики, культурной семиотики, семиотики искусства и т.д., оформившихся как самостоятельные научные дисциплины, продолжается развитие теории общей семиотики.

В 1980–90-е годы сформировался ряд смежных наук и направлений, таких как лингвистика текста, терминоведение, терминография, коммуникативная лингвистика, когнитивная психология и лингвистика, развивались теория дизайна, информатика, теория познания (эпистемология) и проблематика искусственного интеллекта, связанных с общесемиотической проблематикой и влияющих на ее развитие. Кроме этого, семиотический подход стал применяться практически во всех областях знания. Н.Б. Мечковская замечает: «Как метод семиотика используется практически во всех исследованиях человеческой деятельности. Так, существуют исследования семиотики городской дороги, семиотики гадания, семиотики театрального пространства, семиотики жестов, семиотики туризма, семиотики масок, семиотики часов и зеркал и др. Рассматриваемая как наука, семиотика сопоставима практически со всеми науками о человеке. Например, широко представлены исследования на тему “семиотика и психоанализ”, “семиотика и народная культура”, “семиотика и исследования литературных текстов”, “семиотика и прагматика”, “семиотика и лингвистика”, “семиотика и теория катастроф”, “семиотика и теория прототипов” и др.» (Мечковская 2004).

Совершенно очевидным становится несоответствие некоторых положений общей семиотики, сформулированных Ч. Пирсом более века назад и уточненных Ч. Моррисом более полувека назад, современным требованиям многоаспектного специализированного анализа семиотических явлений. В 1990-е годы в соответствии с нуждами практики эти положения подвергаются дальнейшему уточнению и развитию. Современная проблематика общей семиотики включает следующие вопросы:

- семиозис (знаковая ситуация), его элементы и виды;
- аспекты семиотики;
- типология знаков и знаковых систем;
- свойства знаков и знаковых систем;
- методы семиотических исследований;
- семиотические процессы и явления.

Эти вопросы будут рассмотрены ниже.

4.2. Знаковая ситуация

Знаковая ситуация определяет характер знаков. Существует два основных вида знаковой ситуации. В первом случае знаковая ситуация сводится к восприятию природных знаков и носит пассивный, односторонний характер, во втором случае она представляет собой коммуникативную ситуацию, участники которой используют заранее установленные, конвенциональные знаки для обмена информацией. В этом случае семиозис носит двусторонний характер, поскольку участники коммуникации по очереди выступают в роли пассивно воспринимающего знаковую информацию и активно ее передающего. В 1960 г. Р. Якобсон предложил схему акта коммуникации, которую можно рассматривать как развитие знаковой ситуации. Он выделил в акте вербальной коммуникации шесть конститутивных факторов, говоря, что *адресант* посылает *сообщение адресату*, само же сообщение нуждается в *контексте*, понятном адресату, вербальном или таком, который может быть вербализован; *коде*, являющемся полностью или частично общим для адресанта и адресата (другими словами, для кодирующего и декодирующего), и, наконец, в *контакте* — фактическом канале связи или психологическом отношении между адресантом и адресатом, которые позволяют им оставаться в процессе коммуникации.

Эта схема с определенными изменениями была перенесена в лингвистику текста. Современное развитие коммуникативной лингвистики и, в частности, лингвистики текста как самостоятельного раздела языкознания, позволяет применить ее достаточно развитый концептуальный аппарат к общесемиотической ситуации. Согласно современным представлениям в лингвистике текста, в коммуникативной ситуации можно выделить такие основные элементы: участники коммуникации, целеустановка, референт (предмет коммуникации) и условия коммуникации (Гринев 1999).

В случае восприятия природных знаков отсутствует один из участников коммуникации — отправитель знаковой информации; неполнотой отличается целеустановка: если в обычной коммуникации к ней можно отнести три элемента — намерение

отправителя информации (сообщения), целеустановку сообщения и настроенность получателя сообщения на его восприятие, то при восприятии природных знаков остается только последний элемент; весьма специфичный характер приобретают остальные элементы. Можно сказать, что характер знаковой ситуации в этом случае определяется получателем информации (адресатом) и его состоянием (установкой). В зависимости от этой установки оценка получаемой информации может колебаться в значительных пределах — от преувеличения значимости определенных знаков до их полного игнорирования. Однако основные категории лингвистического сообщения сохраняются и в данной семиотической ситуации.

Говоря об особенностях адресата, влияющих на восприятие получаемой им информации, традиционно принято выделять факторы, являющиеся элементами его характера. К ним относятся число получателей информации, возраст адресата, его социальный статус и ситуационная роль, фоновые знания (культурные знания, специальные знания, ситуационные знания, а также языковая компетенция, которая в данной ситуации принимает форму степени знакомства с данной знаковой системой), а также возраст, пол и инференция — способность к правильной интерпретации получаемой знаковой информации.

Говоря о целеустановке, мы так же, как и в коммуникативной лингвистике, можем разделить воспринимаемые знаковые сообщения на информирующие (откладываемые в памяти) и активизирующие (предполагающие немедленную ответную реакцию адресата). В рамках этого деления информирующие сообщения тоже подразделяются далее на фактографические, т.е. представляющие сведения безотносительно к их использованию, и нормирующие, т.е. получаемые с намерением дальнейшего использования, тогда как активизирующие сообщения, которые в двусторонней языковой коммуникации подразделяются на побудительные (содержащие призыв к действию — просьбы, приказы, предложения) и аргументирующие (рассчитанные на формирование или изменение взглядов), по вполне понятным причинам фактически сводятся только к побудительному подтипу.

Существуют все основания предполагать, что подавляющее большинство информации окружающего мира с точки зрения адресата, т.е. в данном случае человека (хотя, по-видимому, это имеет аналогичный характер у всех живых организмов) носит фактографический характер и воспринимается человеком подсознательно; часть информации (в соответствии с установкой адресата) воспринимается как нормативная (снег или дождь за окном требуют соответствующей одежды при выходе из дома; собирающиеся тучи заставляют думать об укрытии от дождя и т.д.); часть же информации воспринимается как побудительная (стихийные бедствия требуют немедленной реакции; прекрасная погода воспринимается как приглашение выйти на прогулку и т.д.).

Как и в лингвистике текста, характер референта (предмета информации) имеет значение для знаковой ситуации за пределами языкового общения, поскольку и здесь существует заметная разница в характере знаковой информации (конкретный или абстрактный, умозрительный), величине «темы сообщения» (тяжелая физическая травма и укусы комара), временной отнесенности референта (следы прошедшего события, наблюдаемое явление или приметы будущих событий, например изменений погоды), ареала (области распространения) явления, рассматриваемого в качестве знака, и сообщения.

Что же касается условий коммуникационной ситуации, то их характер здесь значительно проще, поскольку они сводятся к условиям восприятия знаковой информации (для хронотопа это сводится к очевидному *hic et nunc* — сейчас и здесь), хотя по-видимому, возможна ситуация «гипертекста», т.е. существования опыта восприятия в прошлом аналогичных или связанных знаковых сообщений.

В случае двусторонней знаковой коммуникации все основные характеристики знаковой ситуации совпадают с характеристиками языкового общения.

Таким образом, несмотря на то что природные знаки образуют знаковые системы, имеющие определенную структуру, в которой знаки занимают определенное место и обладают значимостью вследствие противопоставленности, в знаковой

ситуации наблюдается только восприятие информации без ее передачи, нет двустороннего общения. При этом получателем информации может быть любое существо, поскольку в качестве природного знака может рассматриваться, в широком смысле, любое природное явление — практически все живые организмы воспринимают понижение или повышение окружающей температуры, появление или отсутствие света и т.д. По-видимому, такую ситуацию можно действительно рассматривать как вариант реакции на раздражитель. В то же время не всякий раздражитель является представителем какого-то другого объекта или явления. Только во втором случае, когда мы манипулируем искусственными знаками — кодами, происходит полный акт коммуникации, обладающий рядом определенных свойств.

В первом случае, однако, характер интерпретации несомненно должен быть разным в зависимости от уровня развития сознания существа — от простейших с элементарными ощущениями до высокоорганизованных с представлениями (у собак, лошадей, кошек есть память, что свидетельствует о наличии представлений, как и у людей).

По-видимому, этими вопросами, а также общением животных должна заниматься биосемиотика. В отличие от языка пчел, муравьев и т.д., основанных на безусловных врожденных рефлексах, трудности с определением представляют ситуации общения человека с животными. Часто животные способны достаточно недвусмысленно передавать информацию. Весьма показательными с этой точки зрения являются результаты экспериментов американских биологов с шимпанзе, которых они научили пользоваться определенными знаками языка глухонемых.

4.3. Аспекты современной общей семиотики

Применение семиотических принципов в ряде областей исследования оказалось весьма продуктивным. В языкознании, где появилась специальная пограничная дисциплина — лингво-семиотика, изучение языковых единиц в трех *аспектах* — содержательном, формальном и функциональном — оказалось

возможным на всех уровнях языка, начиная от фонемы и кончая текстами (а для основных частей речи трехаспектная характеристика позволяет выделить конституирующие свойства), способствовало системности лингвистических исследований и значительно расширило арсенал методов исследования языка.

Вместе с тем использование семиотического подхода показало недостаточность трех аспектов для полного представления о свойствах и характере знаков, а также выявило необходимость в уточнении и развитии некоторых основных положений семиотики.

Так, Моррис отношения знаков к их объектам называет *семантическим измерением семиозиса*, а изучение этого измерения *семантикой* и поясняет это на следующем примере: слово *стол* имплицитно (но не обозначает) «предмет мебели с горизонтальной верхней поверхностью, на которой могут быть разложены вещи», означает же оно определенный род объекта (предмет мебели с горизонтальной верхней поверхностью, на которой могут быть разложены вещи); денотирует те объекты, к которым это слово применимо, и выражает своего интерпретатора. Термин «имплицитно» — это термин синтактики; «означает» и «денотирует» — термины семантики, а «выражает» — прагматики (Моррис 1938). Значит, у него в понятие семантики включается отношение и к десигнату (означает) и к денотату (денотирует).

Включение в семантику как отношения знака с объектом, так и его отношения к понятию или представлению, усложняет ситуацию (на что обратил внимание Г. Клаус) и вызывает необходимость во введении четвертого измерения. Однако предлагаемое Клаусом название для этого измерения (сигматика) не очень удобно, так как практически не мотивировано, и в настоящее время заменяется другим — «денотатика», связанным с достаточно широко используемыми в лингвистике и логике терминами «денотация» и «денотативное значение», образованном по принятой Моррисом модели, и используемым в литературе (напр.: Мечковская 2004).

Очевидна и необходимость разделения совершенно различных аспектов, достаточно произвольно и непоследовательно объединенных Моррисом под названием синтактики (что и

вызвало впоследствии различия в понимании этого термина). В этот аспект («изучение знаков и их сочетаний, организованных согласно синтаксическим правилам» (Моррис 1938: 49)) им, по существу, были включены вопросы:

1) взаимоотношения между знаками в коммуникации, в речевой цепи; в лингвистике, для языковой системы знаков — в речи («проблемы сочетания знаков» (Моррис 1938: 54));

2) взаимоотношения между знаками в системе знаков; в лингвистике, для языковой системы знаков — в языке (Моррис 1938: 47);

3) структуры и формы знаков («исследование самой структуры знаков» (Моррис 1938: 47)).

Эта многозначность данного аспекта была источником различий в понимании синтактики (см. 3.4) и замечена Супруном, который предложил для аспекта 2 ввести наименование *парадигматика*. Различие указанных вопросов и соответствующих направлений исследований вполне очевидно и не нуждается в доказательствах, как и необходимость (если мы хотим избежать путаницы в дальнейших исследованиях) в точных наименованиях самостоятельных аспектов знаков и, следовательно, разделов семиотики.

Первый и второй тип отношений давно известны в языкознании, поскольку представляют собой одну из основных антиномий, введенных Ф. де Соссюром в главе V «Синтагматические отношения и ассоциативные отношения» второй части «Курса общей лингвистики» — противопоставление синтагматических и ассоциативных (парадигматических) отношений.

Для первого типа отношений между знаками в лингвистике уже имеется термин, предложенный Соссюром, — *синтагматика*. Ничто не препятствует использованию его применительно к другим видам знаков в общей семиотике. Поэтому нами было предложено (в частности, на Международной конференции в 1998 г. в Копенгагене и в ряде публикаций) оставить термин «синтактика» за вторым типом отношений (т.е. взаимоотношений между знаками в системе знаков).

Что касается третьего вопроса, то необходимость выделения аспекта, связанного с изучением формально-структурных осо-

бенностей знаков, не вызывает сомнений. Классификация знаков на основе их структуры предполагает наличие различных структурных форм знаков, а практически каждый знак обладает структурой — даже простейшие фигуры можно расчленить на элементы: круг на два полукружия или несколько сегментов, линию — на отрезки и т.д. Единственной фигурой, которая не может быть объектом декомпозиции, по-видимому, является точка. Наличие внутренней структуры различной степени сложности Ю.С. Маслов считал одним из основных свойств знака (Маслов 1975). Для этого направления семиотических исследований нами было предложено ввести мотивированный и образованный по принятой Моррисом модели термин *морфетика*.

Странным кажется то, что вопросы формально-структурных свойств знаков были включены Моррисом в синтактику — даже поверхностный анализ позволяет заметить их не вполне корректную отнесенность, поскольку анализ формы обычно не предполагает сопоставления знаков.

Кроме того, поскольку предложенный Моррисом анализ содержательных, структурных и функциональных особенностей знаков не меняет статичного характера их рассмотрения и не позволяет изучать особенности их зарождения и развития (хотя в одной из своих работ он указывает на возможность рассмотрения происхождения знаков в прагматике (Ch. Morris 1946: 302)), целесообразно дополнить сложившийся перечень аспектов изучения знаков еще одним — связанным с эволюцией знаков. Введение нами такого аспекта, который было предложено назвать *эволютикой*, позволяет уточнить характер знаков и выявить тенденции их развития с целью прогнозирования изменений свойств знаковых систем. Предлагаемые нами термины созданы по модели наименований других аспектов и поэтому вполне мотивированы и понятны.

Таким образом, в современной общей семиотике выделяется не три аспекта рассмотрения знаков, как было предложено более полувека назад, а семь:

- семантика — отношение формы знака к его значению;
- денотатика — отношение знака к обозначаемому предмету;

- морфетика — формально-структурные особенности знаков;
- синтактика — взаимоотношения знаков в знаковой системе;
- синтагматика — взаимоотношения знаков в коммуникационном тексте;
- эволютика — происхождение и историческое развитие знаков;
- прагматика — отношения «знак — пользователь знака».

Рассмотрим их подробнее.

1. Семантика. Этот раздел семиотики занимается такими свойствами знаков, которые характеризуют отношение между знаком и соответствующим представлением (или, в случае научных знаков — терминов, графических обозначений, научных текстов — отношений между знаком и понятием), таких как точность, однозначность, автономность (степень независимости значения знака от контекста), семантическая структура, эмоциональность и т.д.

В общей семиотике возможны все достаточно хорошо известные в лексикологии парадигматические отношения:

— синонимия (орел и лев, имеющие одинаковое значение в геральдике) и вариантность (лев может быть заменен тигром или леопардом в зависимости от местных условий);

— многозначность и омонимия (кивок — знак согласия и приветствия), доходящие до энантиосемии — совмещения в значении одного знака противоположных функций (красный флажок или ракета как знак праздника и тревоги, свист как выражение одобрения и неодобрения в разных культурных традициях);

— паронимия, приводящая к смешению и неправильной интерпретации близких по форме знаков (дым от огня и пар от горячего источника на расстоянии могут выглядеть одинаково);

— антонимия (красный и зеленый цвета в светофоре);

— гипонимия (например, увеличение числа звездочек и полос на погонах).

2. Денотатика. В общем подходе семантика знака связана с условиями и правилами его интерпретации, однако в денотати-

ке, по-видимому, не происходит и не может быть интерпретации, а только исследование типа и степени связи знака с объектом, границ варьирования объектов, представляемых знаком; условий, при которых знак является представителем объекта.

Уязвимой чертой термина «денотатика» является тот факт, что в семиотике, как и в лингвистике, наряду с понятием денотата существует и параллельное понятие десигната и, следовательно, в будущем логично было бы ввести понятие *десигнатики* (т.е. заменить термин семантика, либо оставить его как общий для денотатики и десигнатики).

В эволюционном аспекте мы явственно видим варьирование не только формы знаков, но и связи знака с кругом объектов, близких по форме, функции или восприятию: словом «арбуз» назывались все виды бахчевых культур (тыква, дыня, кабачки), слово «бадьа» использовалось для наименования совершенно различных сосудов (с современной точки зрения) — суповая чашка, миска, кувшин, кружка, корыто; со словом «битумы» ассоциировались все виды горючих веществ — асфальты, нефть, сланец, уголь, торф, масла, гагат, даже янтарь. Чаще всего в развитии знака наблюдается тенденция к конкретизации, ограничению круга ассоциируемых объектов или явлений.

3. Синтактика связана с положением знака и взаимоотношениями знаков в системе знаков. Именно здесь проявляется введенное Соссюром свойство значимости знака. Легче всего выделить это свойство на основе сопоставления одной системы знаков с другой (с точки зрения содержательного членения универсума) системой знаков, например на основе сопоставления двух языков. Так русскому «племянник» в польском языке соответствуют два слова: *siostrzeniec* (сын сестры) и *bratanek* (сын брата), что свидетельствует о большей значимости русского слова, занимающего большее семантическое пространство. Другие свойства знаков в этом аспекте перечислены в следующем разделе.

4. Морфетика связана с внешней формой и структурой (внутренней формой) знака. В первом случае рассматриваются такие аспекты внешней формы, как:

— цвет (например, в светофоре наиболее важным, отличительным признаком является именно цвет сигнала, а форма светильников не играет существенной роли — они могут быть не только круглыми, но овальными, квадратными или прямоугольными);

— размер (в азбуке Морзе, независимо от звукового или зрительного характера сигналов, важна их длительность, позволяющая различать точки и тире);

— форма (условные обозначения мужчины и женщины в виде треугольников с горизонтальным основанием, вершина которых направлена вверх или вниз, могут быть любого цвета или размера, но это не существенно).

Во втором случае рассматриваются аспекты внутренней формы знака, в первую очередь его компонентный состав, включая позиционную конфигурацию компонентов.

Между морфетикой и семантикой существует связь, которая особенно ярко проявляется в формальной и структурной мотивированности знака.

Рассмотрение вопросов внутренней структуры знаков служит как бы переходным мостиком от морфетики к синтагматике (как рассмотрение внутренней структуры системы знаков неизбежно связано с вопросами семантики, поскольку количество противопоставляемых (или сопоставляемых) элементов знаковой структуры обуславливает значимость знака), поскольку элементы структуры знака находятся в пространственном соположении, что рассматривается и в синтагматике.

5. Синтагматика рассматривает вопросы валентности разных типов знаков, т.е. их сочетаемости, степени развития и условий такой сочетаемости, пределов реализации в коммуникации типов знаков. Правила сочетаемости хранятся в нашем сознании в скрытом виде и проявляются в форме уместности. В большинстве случаев лишены смысла и вряд ли уместны сочетания разных типов знаков, что позволяет исследовать условия их сочетаемости. Например, в обычной речи невозможны слова, состоящие из сочетаний 5—6 согласных или гласных, а в технических областях вполне возможны сочетания согласных, полученные в результате аббревиации и используемые в качестве номенклатурных знаков, условных сокращений и т.д.

6. Эволютика. Рассмотрение знаков в аспекте их эволюции позволяет внести уточнения и в типологию знаков. Установление предположительной и наиболее вероятной эволюции знаковых форм показывает, что можно рассматривать современную типологию знаков как иерархию. Генетически первыми вероятнее всего были естественные знаки (признаки), в том числе те, которыми занимается медицинская семиотика. Позднее возникли условные знаки, которые были специально предназначены для формирования, хранения и передачи информации.

Сначала, скорее всего, это были образы, используемые для передачи простейшей информации, для чего на ранних этапах использовались отражения (например пиктограммы), а также простейшие коды — сигналы для привлечения непосредственного внимания и организации совместных действий, рассчитанные на непосредственную реакцию и преимущественно использующие жесты и звуковые сигналы. Затем возникли символы в современном понимании этого слова, поскольку символы берут начало из отражений, которые со временем для удобства исполнения упрощаются и превращаются в символы (графические и словесные, в частности метафора), отличающиеся большей абстрактностью (причем и здесь есть градация от внешней метафоры к внутренней, функциональной, как более сложной). Это хорошо прослеживается в истории письменности в переходе от пиктограмм, представляющих собой отражения, к идеограммам (иероглифам). Позднее возникли языковые знаки. Наряду с переходом от одних типов знаков к другим в языке, который является в настоящее время центральной и наиболее развитой знаковой системой, наблюдается эволюция в сторону все большей абстракции знаков и тенденция к символизации и утрате частью символов мотивированности (языки математики, логики, химические формулы и т.д.).

Многие системы знаков моделируют другие, более ранние системы — так, система сигналов на охоте (охотничьи рога) моделирует систему военных сигналов; типология мебели для сидения отражает более ранние системы установки статуса — у германских и славянских племен на советах племени вождь обычно сидел на кресле, моделирующем трон, его советники или

старшая дружина (позднее бояре) — на скамейках, символизировавших равный между собой, но престижный статус, остальные (имевшие низший статус) стояли. Сейчас эта мотивированность утрачена, хотя соответствующие типы мебели сохранились (скамья трансформировалась в диван). В качестве других примеров утраты мотивированности можно привести фамильные имена собственные, которые произошли от нарицательных, развитие иероглифических систем письменности в сторону утраты мотивированности: от рисунков до символического и впоследствии абстрактного кода; процесс опрощения, в котором наиболее часто используемые слова в результате исторических изменений формы утратили внутреннюю мотивированность и т.д.

7. Прагматика включает большое число вопросов, связанных с функционированием знаков, что зависит от отношения к ним пользователя. Это отношение может значительно меняться в зависимости от социального статуса, фоновых знаний и других характеристик отдельных пользователей и групп пользователей, однако, по-видимому, существует ряд свойств достаточно общего характера, например, геометрические формы вызывают у большинства людей вполне определенные впечатления: круг производит общее положительное впечатление, квадрат — впечатление упорядоченности, организованности, треугольник — устойчивости, перевернутый треугольник, наоборот, неустойчивости (перевернутый равнобедренный треугольник выражает идею равновесия).

Расширение числа аспектов семиотики не только позволяет точнее говорить о знаковых проблемах, но и дает возможность по-новому представить классификацию знаков и их свойств, а также методы семиотических исследований и определить вероятные перспективные направления дальнейших общесемиотических исследований.

4.4. Типология знаков

Развитие *типологии знаков* привело к уточнению терминологии, используемой для наименования основных видов знаков

и их классификации. Современная **классификация знаков** уже не может быть выражена строго иерархической схемой и является многоаспектной; в ней целесообразно учитывать целый ряд параллельных оснований деления, выделяемых на основании различных аспектов семиотики.

1. С точки зрения **денотатики**.

Во-первых, в соответствии с традиционным пониманием, связь между знаком и обозначаемым им объектом может быть основана на ассоциации по смежности представлений, — и тогда мы имеем дело с *признаками*, — или на аналогии представлений, и тогда перед нами *образы*. При этом не вызывает сомнений, что первый тип знаков был более ранним, так как ассоциирование представлений по аналогии требует осмысления, анализа и оценки представлений с выделением сходных характеристик и установлением факта подобия (сначала внешнего, а значительно позднее функционального), тогда как для заключения о смежности представлений требуется только достаточно частая совместная встречаемость явлений. Эта встречаемость даже не должна носить абсолютный характер: молния не всегда сопровождается громом и грозой (так называемые воробьиные ночи), а дым не всегда свидетельствует об огне.

В соответствии с традиционной (предложенной Ч. Пирсом) классификацией, образы могут быть далее разделены на *отражения*, *диаграммы* и *метафоры*, в то время как к признакам, по видимому, можно отнести *метонимию*.

Во-вторых, с точки зрения восприятия характера связи между знаком и объектом, можно выделить, как предлагает В.И. Кодухов, *природные* (естественные, включая техногенные) *знаки* и *коды* (искусственные знаки, устанавливаемые по договоренности).

В-третьих, на основании характера денотата можно различать пустые знаки (при отсутствии денотата, например, *русалка*), единичные знаки (например, *Киев*) и множественные знаки (например, *город*).

В-четвертых, на основании временной отнесенности денотата можно различать (как это предложил Р. Бэкон в XIII в.) знаки, обозначающие нечто в прошлом (например, след прошедшего

зверя), настоящем (например, симптомы заболевания) или будущем (например, приметы погоды).

2. С точки зрения **морфетики**, формальных свойств знака.

Во-первых, на основе материальной формы знака (в виде световых или акустических волн, внешней формы, запаха, химического состава), определяющей вид органа, воспринимающего знак, выделяются знаки зрительные, слуховые, осязательные и органолептические. Последние разделяются на обонятельные и вкусовые (Encyclopedic Dictionary of Semiotics). Любопытно, что наиболее ранними являются осязательные и вкусовые знаки. Согласно И.В. Шаповаленко, здоровый новорожденный обладает тактильной и вкусовой чувствительностью — способностью различить сладкое от горького, кислого, соленого (Шаповаленко 2005: 158).

К зрительным знакам относятся следующие группы:

- группа дорожных знаков, начиная от разметки дороги и включая знаки светофора, семафора, красные флажки или жезл регулировщика и такие предупредительные знаки, как красные флажки на машинах с негабаритными грузами, ночные огни самолетов, огни на посадочных дорожках аэродромов, бакены на водных объектах и т.д.;

- группа знаков общения, во многом устанавливаемая традицией и правилами этикета и включающая этические знаки узнавания — поклоны и кивки, с достаточно исторически развитой шкалой, обусловленной культурными и временными особенностями, а также рукопожатия; языки жестов (поднятая рука как знак привлечения внимания в учебных заведениях, на лекциях и собраниях, в других общественных местах — например, в кафе или ресторане; знаки победы — V-sign, успешного положения — ОК, thumbs up; разочарования, суеверия — джедаттура и др.); знаки статуса — одежда и татуировка (в том числе форменная одежда, погоны и нашивки), макияж, прическа, родовые гербы, жезл судебного исполнителя и т.д., исторические — системы посадочных мест в театре и мебели для сидения, фирменные знаки и наименования; предупредительные знаки — предмет, оставленный на стуле и означающий, что место занято, стул в дверях, означающий что вход временно запрещен, барьеры и

ограждения (строительных площадок, частной территории) и т.д.; обряды и церемонии;

- различные языковые системы письменности, а также вспомогательные вторичные языковые системы зрительных кодов: зрительная сигнализация Морзе (вспышками света и флажками), язык глухонемых и т.д.;

- другие знаки зрительной сигнализации;

- специальные сигнальные знаки: охотников и туристов (два камня на берегу, означающие брод; сломанная ветка, указывающая тропу; знаки международного туризма — медпункт, столовая и т.д., условные жесты охотников и рыболовов); военных — условные жесты разведчиков, сигнальные ракеты и т.д.; спортивные — условные жесты, карточки судьи; монтажников и грузчиков;

- природные знаки — приметы погоды, морозный узор на стекле, дождь за окном; следы, указывающие на тропу, отклонение веток, показывающее направление ветра;

- техногенные знаки — изменение цвета или мигание сигнальных огней, указывающее на снижение энергии в аккумуляторах, показания шкалы приборов, указывающие на состояние механизмов, организма или окружающей среды;

- системы визуальных искусств — изобразительные искусства (живопись, архитектура, дизайн, орнамент), театр (особенно балет и пантомима), кино.

К **слуховым знакам** относятся следующие группы:

- сигналы времени, включая рабочий гудок, удары о рельсу на сельскохозяйственных работах, звонки в учебных заведениях, пионерский горн, спортивные сигналы — гонг или другой звуковой сигнал об окончании матча или его части, барабаны, сигналы будильника, таймеры домашних и специальных приборов, предупредительные гудки перед взрывами, сигналы точного времени и т.д.;

- сигналы вызова обслуживающего персонала в общественных заведениях — гостиницах, больницах и т.д.;

- сигналы прихода, такие как звонок или стук в дверь, покашливание вошедшего человека, гудок машины, стоящей у подъезда или у шлагбаума с ручным управлением, звонок вело-

сипеда почтальона в загородной местности, лай сторожевой собаки; звонок телефона и т.д.;

- предупредительные и аварийные звуковые сигналы приборов;

- более сложные звуковые системы, включающие знаки реакции, например система телефонных гудков при наборе номера (оповещающая о том, что линия или номер заняты — при коротких гудках; абонент отсутствует или не может подойти к телефону — при длинных гудках; неисправность на линии или неправильный набор — при отсутствии всяких сигналов) или аплодисменты или свист в зале, информирующие о реакции зрителей и слушателей; звучащую речь; производные вторичные языковые системы звуковых кодов — морзянка, язык барабанов, сильбо Гомера (язык свистов) и т.д.; ограниченные кодовые системы — сигналы военных горнов, охотничьих рогов, система свистков судьи спортивного соревнования, междометия, обрядовые музыка (туш, свадебный марш, траурный марш, походный марш и т.д.) и плачи, гимны; музыка в целом;

- природные знаки — гром, голоса зверей и птиц;

- техногенные звуковые знаки, указывающие на близость населенного пункта.

К группе **осязательных знаков** относятся преимущественно предупредительные знаки — барьеры, перила, ограждения, разница в уровнях тротуара и проезжей части и т.д., а также вспомогательные языковые средства — система письменности для слепых Брайля, тактильный язык для слепоглухонемых; рукопожатие как знак общения.

К **органолептическим знакам** относятся обонятельные — знаки статуса (парфюмерия, запах жилого или нежилого помещения, запах заведения общественного питания, а также различные запахи продуктов), природные запахи (моря, лугов и т.д.), техногенные запахи от автомобильных выхлопов до запаха оранжерей и цветников, а также предупредительные запахи отравляющих веществ и вкусовые знаки качества пищевых продуктов. В коммуникации многих видов животных особую роль играют обонятельные знаки. Например, медведи и другие дикие животные помечают место обитания клочьями шерсти, сохра-

няющей запах, чтобы отпугнуть чужака и показать, что данная территория уже занята.

Большинство этих знаков носит установочный характер, служа базой для определения отношения и последующих действий воспринимающего.

Даже этот, далеко не полный, перечень дает представление о сравнительной функциональной значимости информации, получаемой с помощью различных органов ощущений. Примечательно, что хотя, по данным современной психологии, более 90% информации человек получает с помощью зрения, слух также играет в жизни человека значительную роль.

Во-вторых, на основании формальной структуры можно разделить знаки на *простые*, структурно далее неделимые (например, красный свет светофора, буква/фонема слова), и *сложные*, состоящие из ряда самостоятельных элементов (например, государственный герб, обычно состоящий из ряда элементов, символизирующих предполагаемые особенности данного государства; слово, состоящее из морфем, и т.д.).

В-третьих, на основании мотивированности формы знаки (в первую очередь коды) разделяются на мотивированные — *символы* — и немотивированные — *сигналы*. Мотивированность часто основывается на аналогии, например звуковая мотивированность слов, или связь между величиной и числом звездочек или полосок и рангом военного, однако это происходит далеко не всегда, например использование изображения голубя как символа мира не основано на каком-либо прямом сходстве.

Б.А. Плотников считает, что образы по степени мотивированности, по характеру непосредственной связи с обозначаемыми или соотносимыми с ними реалиями могут быть классифицированы в следующем порядке: *фотография — рисунок — чертеж — схема — таблица — формула — цифра — способ написания вербальных знаков* (Плотников 1992, цит. по: Лукин 1999: 12).

В-четвертых, на основании длительности реализации формы можно различать знаки *моментальные* и *длительные* (стабильные). К моментальным, т.е. исчезающим сразу после использования, относятся, например, звучащие слова, в то время как написанные слова являются длительными знаками.

3. С точки зрения *семантики*.

Во-первых, на основании содержательных характеристик можно, вслед за Ч. Моррисом, выделить также *универсальные* знаки, имеющие предельно широкое значение (в языке это показатели грамматических категорий, деривационные аффиксы, общенаучные и общетехнические термины, служебные слова), *характеризующие* знаки (в языке — наименования общих понятий в терминоведении или представлений в общеупотребительной лексике) и *знаки-индексы*, обозначающие единичные понятия или представления (в языке — имена собственные).

Во-вторых, на основании уровня восприятия сознанием мы можем разделить знаки на знаки *ощущений, восприятия, представлений* и в ситуации оперирования терминами или символами понятий — *мышления* (понятия).

В-третьих, на основании структуры значений различаются *однозначные* и *многозначные* знаки (вплоть до энатиосемичных знаков, совмещающих противоположные значения: свист в зрительном зале может означать полную неудовлетворенность и одобрение, аплодисменты выражают одобрение, но могут использоваться для «захлопывания» неудобных ораторов, крест может использоваться как для указания даты рождения и крещения, так и для даты смерти), синонимичных (лев — царь зверей и орел — царь птиц могут быть использованы в гербе государства для указания на его могущество).

Рассматривая словесные знаки (слова и словосочетания), А.А. Уфимцева выделяет следующие семиологические классы и подклассы слов: характеризующие (называющие) — в основном полнозначные, собственно номинативные знаки — глаголы, имена существительные, имена прилагательные, наречия, идентифицирующие (имена собственные) знаки, квантитативные знаки и дейктические знаки (Уфимцева 2004, Предисловие).

4. С точки зрения *синтактики*.

Во-первых, на основании наличия или отсутствия системы знаков можно выделить *одиночные* и *системные* знаки.

Во-вторых, на основании позиции в системной иерархии можно выделить *гиперзнаки* и иерархически подчиненные *гипознаки*.

Во-третьих, на основании вида реализации внутрисистемных отношений можно выделить *синонимичные, антонимичные и паронимичные* знаки.

5. С точки зрения *эволютики*.

Во-первых, на основании происхождения можно выделить знаки *исходные*, первичные и *производные*, вторичные: например обычный алфавит и азбука Морзе, обычный язык и образованные на его основе информационно-поисковые языки с ограниченной лексикой и грамматикой.

Во-вторых, на основании происхождения можно выделить *исходные* и *перенесенные*, заимствованные знаки.

В-третьих, на основании хронологического статуса можно выделить *современные* и *устаревшие*, в том числе *исторические* знаки.

6. С точки зрения *прагматики*, функциональных свойств.

Во-первых, на основании статуса знаки могут быть разделены на *полузнаки* (квази-знаки) — элементы более сложных знаков и *самостоятельные знаки*.

Во-вторых, на основании области применения различаются знаки *универсальные, специальные* и *узкоспециальные*.

В-третьих, на основании цели сообщения, с точки зрения получателя информации (при односторонней знаковой ситуации) или отправителя и получателя информации (при двусторонней коммуникации), знаки могут быть разделены на *информирующие* и *побудительные*. Первые могут быть подразделены далее на *фактографические* — дающие информацию безотносительно к ее использованию (названия улиц, вывески магазинов, указываемое флюгером направление ветра, установочные знаки, позволяющие определить свое отношение к определенному явлению: форменная одежда, гербы, фирменные наименования и товарные знаки и т.д.) и *нормирующие* — дающие нормативную информацию, которую адресат должен принять к сведению и впоследствии ею руководствоваться (предупредительные знаки и т.д.). Побудительные знаки, предполагающие немедленную ответную реакцию получателя информации, также могут быть разделены на две подгруппы — *запрещающие* знаки и *рекомендующие* знаки.

Соотношение этих типов знаков в нашей жизни таково, что подавляющую часть воспринимаемых и регистрируемых нашим сознанием фактов составляет фактографическая информация. Эксперименты показывают, что хотя мы не обращаем внимание на число ступеней на лестнице нашего дома или число шагов, которое нам нужно сделать до ближайшей остановки транспорта, все мельчайшие факты окружения регистрируются сознанием и, находясь, например, под гипнозом, мы можем указать точное число шагов, которые пришлось сделать до остановки транспорта, описать со всеми подробностями дома, мимо которых мы проходили, или указать номера проезжавших мимо машин. Только незначительная часть фактов окружающей среды воспринимается как нормативная информация, которая нам может пригодиться, и еще меньше как информация побудительная.

Перечисленные классификации не являются взаимоисключающими, а, скорее, дополняющими друг друга и отражающими многосторонний характер (и аспекты рассмотрения) знаков. Они могут развиваться и при необходимости дополняться дальнейшей детализацией видов знаков, однако, по нашему мнению, в настоящее время вполне можно ограничиться вышеперечисленными разновидностями знаков. Ряд авторов предлагает свои классификации.

А.Г. Шейкин предлагает различать системные знаки (являющиеся элементом какой-либо знаковой системы, языка культуры) и несистемные (неязыковые или единичные) знаки. Среди последних он выделяет символы, знаки-копии (репродукции обозначаемых объектов, сюда можно отнести и знаковое поведение — имитацию) и знаки-признаки (связанные с денотатом как с причиной — симптомы, приметы). Такое деление знаков на системные и несистемные достаточно условно, поскольку одни и те же знаки могут использоваться и как системные, и как единичные (так литера А обозначает соответствующий звук в алфавите, но может обозначать и автобусную остановку). Системные (языковые) знаки он подразделяет аналогично знаковым системам в соответствии с формой знаков (вербальные, жестовые, иконические, графические, образные). Далее, по его мнению, достаточ-

но условно выделяются также знаки естественных (вербальных языков общения) и искусственных (созданных человеком кодовых систем) языков. Применение языковых знаков, в отличие от несистемных, обусловлено не только коммуникативным контекстом, но и принятыми в данных языках синтаксическими и семантическими правилами. При этом знаковые системы также могут находиться в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности (так, алфавит и азбука Морзе одинаково предназначены для фиксации знаков (звуков) вербального языка, при этом азбука Морзе может записываться с помощью литер, передаваться световыми и звуковыми сигналами и т.д.) (Шейкин 1998).

А.Т. Хроленко предлагает различать детерминированные (причинно-обусловленные) и недетерминированные знаки. К детерминированным он относит знаки-признаки (симптомы) и знаки-копии (фотографии, чертежи, карты). К ним близки знаки, которые изучаются особыми прикладными науками, например, медицинской семиотикой (симптомы, признаки различных болезней), криминалистической трассологией (следы на месте преступления), археологией (элементы материальной культуры древних цивилизаций).

Недетерминированные знаки он делит на языковые (организованные в систему) и неязыковые (не организованные в систему). Языковые знаки далее распределяются по трем группам: 1) естественные языки (фонетические языки); 2) искусственные языки (графический письменный язык, ручная речь глухонемых, язык свиста, узелков и проч., математические и логико-символические языки, дорожные знаки, музыкальные ноты и т.д.); 3) знаки, сопряженные с фонетическим языком (интонация, мимика, телодвижения и т.п.) (Хроленко 1999).

Достаточно развитую классификацию знаков предлагает А.В. Соколов. По его мнению, знаки используются в двух сферах: познании и смысловой коммуникации. В познании оперируют знаками-образами, воспроизводящими отличительные признаки обозначаемого предмета или явления в силу причинно-следственной связи с ним. В социальной смысловой коммуникации используют коммуникационные знаки, создаваемые специально для хранения и распространения смыслов.

Знаки-образы делятся на симптомы (знаки-индексы) — наблюдаемые явления, свидетельствующие о наличии других, непосредственно не наблюдаемых явлений (дым — признак огня, повышенная температура — признак болезни, народные приметы и т.д.) и модели — материальные предметы или тексты (записи), воспроизводящие внешний вид или внутреннее устройство объекта с целью его познания. Модели в виде материальных предметов представляют собой копии (в том числе фотографии), а текстовые модели — описания (словесные портреты) моделируемых объектов. В моделях-описаниях используются те же знаки, что и в коммуникационных текстах, и таким путем познавательные знаки-образы сливаются с искусственными коммуникационными знаками. Знаки-копии относятся к иконическим документам и могут выполнять документальные функции.

Коммуникационные знаки в предлагаемой классификации делятся по способу воплощения на две группы: поведенческие, нестабильные, представляющие собой акты действия в реальном масштабе времени, и стабильные, документальные предметы, способные сохраняться с течением времени. Устная коммуникация и исполнительское искусство пользуются поведенческими знаками, а письменная речь и изобразительное искусство — знаками документальными.

Кроме того, коммуникационные знаки делятся:

- на одиночные, единичные знаки-символы, например, обособленные жесты (не пантомима или жестикуляция, а отдельный жест), вещественные символы типа амулета, обручального кольца, фирменного знака, государственной символики;
- языки — знаковые системы, в которых из кодов (членораздельных звуков — фонем или алфавита букв — графем, цифр, условных обозначений) при помощи грамматических правил строятся осмысленные лексические единицы и предложения. Языки делятся на естественные (русский, английский и т.д.) и искусственные (химические символы, дорожные знаки, ноты, языки программирования, эсперанто и т.п.).

Отличие одиночного знака от языка состоит в том, что первый находится вне грамматики, а второй включает в свой состав некоторую простую или сложную грамматику. Этнографы

и культурологи давно обратили внимание на специфические отличия коммуникационных знаков, используемых в разных культурах. Для учета этих отличий было введено понятие *язык культуры*, под которым понимается совокупность всех знаковых способов вербальной и невербальной коммуникации, демонстрирующих специфику культуры этноса и отражающих ее взаимодействие с культурами других этносов (Соколов 2002).

Что касается **знаковых систем**, то с учетом аспектов их рассмотрения мы можем выделить следующие их наиболее общие типы:

— с точки зрения характера связи между знаками и денотатами: **признаковые** (например, медицинский диагноз как совокупность симптомов, технический диагноз, системы признаков залегания месторождений, экспертная оценка, все типы прогнозов), **образные** (например, географические атласы, фотоальбомы, чертежная часть проекта, выставки картин, фотографий или макетов), **кодовые** (естественные и искусственные языки и другие системы условных знаков) и **смешанные** (каталоги изделий, альбомы репродукций, стандарты поведения, обряды, игры, театр и кино и т.д.).

— с точки зрения формально-структурного характера: **замкнутые** знаковые системы, в которых нельзя ничего добавить или изменить, и **открытые** знаковые системы, которые допускают как внутрискруктурные изменения, так и развитие путем введения новых знаков;

— с точки зрения структуры: **простые** знаковые системы (состоящие из небольшого числа простых знаков, противопоставленных в семиозисе) и **сложные** системы, которые могут состоять из нескольких подсистем или уровней сложности знаков, как, например, естественные языки. Сложные системы обладают структурой, основанной на парадигматических отношениях между знаками — синонимии, гипонимии, антонимии и т.д.;

— с точки зрения характера знаков: **динамичные** и **статичные** знаковые системы;

— с точки зрения характера формы знаков: **вербальные**, **жестовые** знаковые системы и т.д.;

- с точки зрения использования сенсорных каналов восприятия: **одноканальные** и **многоканальные** знаковые системы;
- с точки зрения адреса пользователя: **адресные** и **безадресные** знаковые системы; первые далее могут разделяться на **универсальные** (общеупотребительные) и **специальные**;
- с точки зрения функции знаковой системы: **информирующие** и **предписывающие** (запретительные, рекомендательные и т.д.).

А. Г. Шейкин, определяя знаковую систему как совокупность знаков (чаще всего однотипных), обладающую внутренней структурой, явными (формализованными) или неявными правилами образования, осмысления и употребления ее элементов и служащую для осуществления коммуникативных и трансляционных процессов, классифицирует их по типам составляющих их знаков, выделяя вербальные, жестовые, графические, иконические, образные и формализованные (Шейкин 1998).

Развитие общей теории семиотики и смежных с ней наук показывает, что традиционная иерархическая классификация не позволяет представить и исследовать знаки многосторонне, во всем объеме складывающейся о них информации и эволюционирует в сторону многоаспектной параметрической классификации фасетного типа. Невозможность жесткой иерархии проявляется и в том, что некоторые свойства знаков трудно отнести к одной определенной категории. Так, мотивированность знака связана не только с его формой, но и с его значением, а также с его восприятием получателя информации.

4.5. Свойства знаков и знаковых систем

Достаточно давно существовали основания предполагать, что приводимые в работах специалистов в области лингвосомиотики перечни свойств далеко не исчерпывают всех возможных свойств знаков. Достаточно показательным является сопоставление со свойствами терминов (которые являются языковыми лексическими знаками): число выделенных в настоящее время

своих терминов превышает две сотни — 253 характеристики (Гринев 1998).

В инвентаризации, т.е. выявлении и описании всех возможных свойств знаков возможны два подхода. Первый, индуктивный, предполагает предварительную инвентаризацию всех возможных типов знаков и анализ присущих им свойств с установлением общезнаковых характеристик и специальных свойств отдельных типов знаков. Второй, дедуктивный, предполагает использование для установления общезнаковых свойств уже существующих самых полных перечней характеристик наиболее изученных знаковых единиц, в частности языковых единиц.

Второй способ представляется более эффективным, так как всегда легче сопоставить существующие явления, чем пытаться умозрительно обнаружить ранее не замеченные свойства и явления. В данном случае мы можем воспользоваться перечнем уже выявленных (на основании изучения публикаций, содержащих сведения о результатах терминологических исследований) свойств терминов и терминологий. Однако в настоящее время такое исследование не закончено, и мы можем говорить только об отдельных типах знаков. Тем не менее не вызывает сомнения тот факт, что многие хорошо известные в языке, в частности, в лексикологии, явления, а также свойства наблюдаются не только в языке, но и в других знаковых системах.

В настоящее время мы можем ограничиться утверждением о том, что **свойства** отдельных типов знаков для удобства рассмотрения могут быть разделены на группы, связанные с определенными аспектами рассмотрения знаков:

а) **с формой знака** (морфетика): таких как величина, протяженность, краткость знака; компактность, структура (внутренняя форма), взаимное расположение компонентов структуры, структурная модель, вариантность формы и ее границы, мотивированность, деривационная способность (способность служить основой для образования других знаков), особенности парадигмы (совокупность вариантов формы, используемых в зависимости от положения в тексте, например, для существительных формы числа и падежа, для фонем языка — варианты звуков в зависимости от положения в слове и стоящих рядом звуков, для

арабского алфавита — варианты букв в зависимости от положения в начале, конце или середине слова и т.д.);

б) **со значением знака** (семантика) — основанные на связи между формой знака и соответствующим представлением: таких как структура значения, состав элементарных единиц смысла (семантических компонентов), на которые распадается значение, родовой (инклюзивный) компонент значения, позволяющий отнести знак к определенной группе однородных знаков, и видовой (отличительный) компонент значения, позволяющий выделить знак из группы однородных знаков; границы вариации значения знака; принадлежность знака к определенной категории; его однозначность; возможные разновидности многозначности знака — *категориальная многозначность* (во многих иероглифических системах рисунок глаза означает «глаз» и «смотреть», ноги — «нога» и «идти», многие отглагольные существительные имеют значения «действие» и «результат действия» и т.д.), *энантисемия* (наличие у многозначного знака двух противоположных значений — латинское *altus* означает «высокий» и «глубокий», термин «шов» в многих терминологиях (строительной, швейной, лингвистической) означает «место плотного соединения» и «место разъединения»), *эврисемия* (расплывчатость значения знака), *скрытая многозначность* (выявляемая только при сопоставлении с другими системами знаков); точность значения, в которой выделяются однозначность и непротиворечивость, и т.д.;

в) **со значением знака** (денотатика) — основанные на связи между формой знака и соответствующим объектом, денотатом — таких как характер связи (основанный на ассоциации по смежности или ассоциации по аналогии), границы варьирования денотата без утраты связи со знаком и т.д.;

г) **с положением знака в системе** (синтактика), обуславливающим его *значимость*, т.е. сравнительную область значения, и уникальность формы, особенности, отличающие знак от других знаков в системе, границы варьирования знака, статус знака в системе — базовый, исходный знак или производный; автохтонный знак или привлеченный из другой системы знаков; основной знак или второстепенный и т.д.;

д) *с положением знака в речевой цепи* (синтагматика): таких как сочетаемость знака, комбинаторное варьирование знака, позиционное варьирование знака и т.д.;

е) *с эволюцией знака* (эволютика): его происхождением, особенностями и временем появления, временем исчезновения, основой его образования, историческими вариантами формы и значения, особенностями эволюции денотата знака, автохтонным или привлеченным характером и т.д.;

ж) *с особенностями употребления*, функционирования знака (прагматика): его внедренностью, т.е. общепринятостью и употребительностью; хронологическим статусом в настоящее время (употребляется, входит в употребление, выходит или вышел из употребления); нормативным статусом — обязательным или факультативным характером; областью применения (универсальная или специализированная и характер специализации); ареалом использования (локальный, национальный, интернациональный), его компактностью; благозвучностью знака; эмоциональной окрашенностью знака; рамками его функционирования. Некоторые дополнительные свойства языковые знаки могут приобретать в компьютерных системах (см.: Марчук 2007).

Отдельно следует сказать о том, что часть свойств знаков может быть выделена и в знаковых системах, однако в области знаковых систем появляются и дополнительные свойства, такие как открытость/замкнутость, многоуровневость, иерархичность, однородность и т.д.

Мы исходим из предположения, что часть свойств знаков окажется универсальной, всегда им присущей, и такие имманентные свойства можно будет рассматривать как признаки знаков, часть свойств будет наблюдаться в определенных группах знаков и может быть использована для типологической классификации знаков; часть свойств может иметь негативный характер и рассматриваться как недостатки знаков и, наконец, часть свойств может носить желательный характер и может рассматриваться как требования к знакам.

В настоящее время, по мнению А.Т. Хроленко, все многочисленные определения знака в явной или неявной форме включают

следующие основные **признаки**: 1) это материальное, чувственно воспринимаемое явление; 2) оно обозначает нечто, находящееся вне его, и обязательно несет информацию для воспринимающего субъекта; 3) оно не связано с обозначаемым предметом естественной или причинной связью; 4) соответствие структуры и содержания с обозначаемым предметом отсутствует (Хроленко 1999: 37; Хроленко, Бондалетов 2004: 174). При этом, согласно Н.И. Губанову, некоторые ученые полагают, что из этих четырех признаков обязательными являются лишь два — второй и четвертый, и предлагают следующее определение знака: «такое явление (материальная вещь, свойство, процесс, действие, психический феномен), которое, не обладая структурным соответствием с другим каким-либо явлением, способно представлять или замещать его в определенных процессах» (Губанов 1981: 58).

4.6. Методы семиотических исследований

Развитие некоторых направлений лингвистики и терминоведения, применявших семиотические подходы или связанных с семиотической проблематикой, позволяет использовать полученные в них результаты для развития общесемиотической теории.

Все увеличивающийся объем накопленных знаний в данной области дает основание сделать некоторые выводы. Во-первых, несмотря на расширяющуюся сферу применения семиотических методов, преимущественное положение занимают принципы и методы лингвистической семиотики. Это объясняется тремя соображениями.

1) Существует давняя традиция использования в семиотических построениях лингвистических терминах, которая, как мы теперь знаем, идет от Августина и средневековых грамматиков, что накладывает лингвистический отпечаток на семиотические рефлексии.

2) Также еще от Августина известно, что язык является самой развитой семиотической системой, к которой могут быть

сведены все другие семиотические системы, в то время как сложный характер системы языка и разнообразие языковых явлений делают невозможным сведение языка к другим системам (ср. Ю.С. Степанов, Т.В. Булыгина, Н.Д. Арутюнова, А.В. Соколов: Т. Махлина, А.Т. Хроленко и др.).

3) В языкознании за многолетнюю историю его существования сложилась наиболее развитая методология исследований, которая легко может быть применена к изучению других семиотических систем. Показательно, что во многих случаях перенесение фокуса исследований на другие семиотические системы в качестве исходной точки имело лингвистический анализ; не случайно в своем пионерском исследовании семиотики моды («Система моды», 1967) Р. Барт из трех ипостасей вестиментарных знаков (моделей), которые представлены в журналах моды — иконический образ (фотография или рисунок), словесное описание и перечень технологических операций, излагаемых в «указаниях для пошива», — прежде всего опирался на текст словесного описания.

От языка весьма легко проводятся аналогии к другим семиотическим явлениям — случаи синонимии, омонимии, паронимии (ошибочного понимания жестов и действий), производность семиотических знаков, применение к ним категории значимости, которая у Ф. де Соссюра дается на материале слов, когезии знаков — ясно свидетельствуют о том, что в настоящее время наибольший вклад в развитие семиотики вносится лингвистикой. Неслучайно предложение считать, что «Предметом семиотики является любой объект, поддающийся средствам лингвистического описания» (Лотман. Семиосфера).

По мнению Р. Барта, «...каждая семиологическая система имеет свою лингвистическую примесь. Например, там, где имеется визуальная субстанция, значение закрепляется посредством дублирования в лингвистическом сообщении так, что по меньшей мере часть иконического сообщения является, в терминах структурных взаимоотношений, либо излишней, либо принимаемой посредством лингвистической системы. Что касается наборов объектов (одежды, еды), то они получают статус системы только поскольку они следуют через смену языка, удаляю-

щего их означающие (в виде номеклатуры) и именующего их означаемые (в формах использований или оснований): гораздо в большей степени, чем ранее, и, несмотря на широкое распространение иллюстраций-картинок, мы являемся цивилизацией письменного слова. И, наконец, в более общих терминах, оказывается гораздо более трудным задумать системы образов и объектов, означаемые которых могут существовать независимо от языка: воспринимать то, что означает некоторая субстанция, значит неизбежно прибегать к индивидуации языка: не имеется значений, которые не означают, и мир означаемых есть ни что иное, как мир означаемых языка.

Таким образом, рано или поздно семиология сталкивается на своем пути с языком, не только как с моделью, но и как с компонентом означаемого. Но даже в этом случае такой язык не совсем тот, что имеется в виду в лингвистике — это язык второго порядка, с единицами не в виде момем или фонем, но в виде больших фрагментов дискурса, указывающих на объекты или эпизоды, значения которых лежат в основе языка, но никогда не существуют независимо от него. Семиология абсорбируется в транслингвистику, материалом которой могут быть миф, нарратив, газетный материал или, с другой стороны, объекты нашей цивилизации, поскольку они проговариваются (через прессу, проспекты, интервью, разговоры или даже через внутреннюю речь). Фактически мы сталкиваемся с инверсией декларации Соссюра: не лингвистика является частью общей теории знаков, пусть даже привилегированной частью, но именно семиология является частью лингвистики, точнее, именно той частью, которая касается больших означающих единиц дискурса. Можно ожидать, что такая инверсия может пролить свет на единство современных исследований, проводящихся в антропологии, социологии, психоанализе и стилистике, относительно понятия означивания» (Барт 1975).

Один из участников Тартуской школы семиотики Е. Горный полагал, что семиотика может быть определена по методу: «Семиотика — это приложение лингвистических методов к объектам иным, чем естественный язык». Это значит,

что семиотика — это способ рассмотрения чего угодно как сконструированного и функционирующего подобно языку. В этом “подобно” — суть метода. Все может быть описано как язык (или как имеющее свой язык): система родства, карточные игры, жесты и мимика, кулинария, религиозные ритуалы и поведение насекомых. Семиотика, следовательно, — это перенос метафоры языка на любые неязыковые (с точки зрения обычного, “несемиотического” сознания) феномены. Одним из принципов, на которых основывается семиотика, является РАСШИРЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ. Таким образом, метод семиотики — это рассмотрение чего угодно как метафоры языка или, говоря иначе, МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЧЕГО УГОДНО В КАЧЕСТВЕ ЯЗЫКА» (выд. авт., Горный 1994: 2).

Поскольку, таким образом, язык является самой развитой семиотической системой, к которой могут быть сведены все другие семиотические системы, в то время как сложный характер системы языка и разнообразие языковых явлений делают невозможным сведения языка к другим системам; а также то, что в языкознании за многолетнюю историю его существования сложилась наиболее развитая методология исследований, которая легко может быть применена к изучению других семиотических систем, ниже описан пример предлагаемого нами семиотического подхода к исследованиям знаков на примере знаковой системы языка в целом. При этом язык традиционно рассматривается как система, состоящая из ряда подсистем, в рамках которых объединяются языковые знаки одного уровня.

Вместе с тем применение семиотического подхода к языку как знаковой системе открывает новые возможности в развитии лингвистических исследований. Ознакомление с изложением курса современных методов лингвистических исследований в ряде используемых в настоящее время пособий по общему языкознанию дает возможность полагать, что в них отдельные методы рассматриваются скорее как элементы перечня, номенклатуры исследовательских приемов,

нежели как элементы системы. В то же время уже сложившееся представление о языке, как системе единиц и подсистем различного уровня позволяет перейти к системному пониманию и представлению совокупности лингвистических методов. Предложенный нами семиотический подход к исследованию лингвистических единиц позволяет рассмотреть каждое отдельное языковое явление в совокупности всех его индивидуальных качеств и взаимно обусловленных и взаимосвязанных оппозиций. **Семиотический подход** предполагает изучение знаковых свойств языковых единиц с учетом таких традиционных аспектов, как семантический (значение), прагматический (особенности употребления), синтаксический (отношения единиц в рамках системы языка), а также эволюционный (появление и развитие), морфетический (формально-структурный) и синтагматический (отношения языковых знаков в речевой цепочке). В данном случае он используется в сочетании с матричным подходом, который предполагает стандартизацию исследовательских процедур и представления исследуемого материала.

В целом матрица выглядит как некая таблица, образованная пересечением строк — горизонталей, представляющих основные языковые уровни — фонемный, морфологический, лексический, синтаксический, текстовый, и колонок, представляющих семиотические аспекты рассмотрения единиц языка, их свойств и языковых явлений, таких как «форма», «содержание», «эволюция», «варьирование», «сочетаемость», «употребление» (схема 1). На пересечении вертикалей и горизонталей находятся матричные поля. Таким образом, матричное поле представляет собой замкнутое, ограниченное пространство существования языкового явления, и одновременно границы данного поля указывают на связь данного поля (а следовательно, и данного языкового явления) с другими полями и единицами. Комплексное лингвистическое исследование такого двустороннего явления, как граница матричного поля, даст достоверные сведения о степени близости или отдаленности одних языковых средств от других.

Схема 1. Основная матрица семиотического рассмотрения языка

Уровни (ярусы) языка	Аспекты исследования					
	прагматика	морфематика (форма)	семантика (значение)	эволютика (эволюция)	синтагматика (сочетаем.)	синтактика (значимость)
(использование) фонетический (фонемы)						
морфологический (морфемы)						
лексический (лексеми)						
синтаксический (предложения)						
текстовый (тексты)						

Каждая ячейка, образованная пересечением строк и колонок, представляет собой матричное поле (микроматрицу), содержащее стандартный набор исследовательских методов. К ним относятся:

- **инвентаризация** (описание — с определением критериев выделения единиц и установления их принадлежности материалу, подлежащему исследованию);
- **анализ:**
  - **структурный** (дискретный — декомпозиция с дальнейшим изучением структуры, распределения и значимости выделенных элементов);
  - **сопоставительный**
системные сопоставления,
внутриязыковые сопоставления,
межъязыковые сопоставления,
диахронические сопоставления,
бинарные оппозиции;
- **систематизация**, типология и классификация;
- **эксперимент** (трансформация, преобразования);
- **моделирование**;
- **конструирование** (знаков и знаковых систем).

Данный набор предлагается как исходный — он может (и должен) уточняться и дополняться на основе опыта исследований в различных областях лингвистики и семиотики (Сорокина 1999).

Многоаспектное семиотическое рассмотрение языковых знаков позволяет унифицировать методы описания разнообразных языковых явлений и существенно расширяет возможности методического инструментария. Такое представление позволяет представить себе *чрезвычайную ограниченность* применения известных нам специальных методов лингвистических исследований, привязанных к определенным участкам и аспектам рассмотрения языка. Компонентный анализ использовался при изучении отдельных аспектов преимущественно фонетической подсистемы, в меньшей степени — на морфологическом и лексическом уровне, трансформационный анализ ограничился синтаксическим и, в незначительной степени, лексическим уровнем, и т.п., тогда как в идеале следует попытаться применить если не все, то большинство существующих методов в исследованиях *всех* аспектов языка на *всех* его уровнях. Даже при поверхност-

ном рассмотрении представляемых данным подходом исследовательских возможностей следует признать, что при наличии «излюбленных» участков и аспектов изучения языка, где проводятся многочисленные однотипные исследования, большинство областей языка до сих пор изучены крайне недостаточно.

Представляемый метод дает возможность в будущем осознанно выбирать слабо или совсем не изученные области и аспекты языка, где применение хорошо известных лингвистических методов гарантирует успешные результаты. Аналогичный подход может быть применен ко всем многоуровневым знаковым системам.

4.7. Семиотические процессы и явления

Несмотря на значительное число работ, посвященных изучению отдельных знаковых процессов и явлений, работ обобщающего типа сравнительно немного. Тем не менее уже сейчас можно выделить определенные тенденции в развитии знаковых систем. К ним, в частности, относятся:

1. Постоянное количественное увеличение существующих знаковых систем и их разновидностей, рост числа используемых знаков как следствие специализации их значения. Результаты проведенных нами многочисленных исследований развития различных тематических областей лексики дают основание сделать вывод, что развитие цивилизации — культуры, научного познания в сущности представляет собой постоянное снятие синкретизма — скрытой многозначности слов, не осознаваемой современниками и свидетельствующей о неразличении многих понятий. Древнегреческое «логос» имело значения «слово», «понятие», «идея», «теория», «наука»; ср. приведенные примеры раннего использования слов «битум» и «бадья» в русском языке.

Весьма показательным является пример с древнеанглийским словом «mood/mind», имевшим несколько десятков современных общих значений, которые можно разделить на следующие основные группы: 1) ум, мышление, разум; 2) сердце, душа, дух;

3) настроение, расположение, намерение, взгляд; 4) храбрость, гордость — семантически довольно далеко отстоящие друг от друга. При этом возможна и дальнейшая детализация внутри групп, например, первая группа может быть далее разбита на следующие подгруппы: 1) ум, разум, интеллект, способность к мышлению; 2) нормальный (здоровый) ум; 3) здравый смысл, рассудок, практический ум; 4) орган мышления; 5) сознание, понимание, восприятие; 6) сообразительность, острый, живой ум. Число слов современного английского языка для выражения отдельных значений, входящих в эти подгруппы, по нашим приблизительным подсчетам превышает 300.

Большей части слов, использовавшихся тысячу лет назад, в современных языках соответствует по несколько десятков слов и можно предположить, что значение многих современных слов будут казаться нашим потомкам чересчур расплывчатыми. В этом отношении легко наблюдать за развитием запаса слов детей, у которых первые несколько десятков слов с расплывчатыми значениями в течение жизни вырастают в несколько десятков тысяч слов (средний словарный запас современного специалиста) с достаточно конкретным значением.

В научном познании это снятие синкретизма выражается в постоянной специализации наук с появлением новых наук и научных дисциплин, требующих постоянного увеличения числа знаков и знаковых систем для выражения понятий.

2. Усложнение формы знаков.

3. Развитие знаков сопровождается утратой мотивированности и тенденцией к большей абстрактности формы. Об этом свидетельствует эволюция личных имен собственных, развитие иероглифической письменности, эволюция букв, история возникновения орнаментальных элементов — использование функциональных элементов в качестве декоративных: древние магические рельефные и цветные знаки на глиняных сосудах с течением времени превратились в орнамент; каннелюры (продольные углубления колонн храмов, использовавшихся для установки оружия — копий городской стражи, обычно дежурившей на площадях античных городов, где стояли храмы) с течением времени превратились в декоративный элемент в ар-

хитектурных системах колонн; многие знаки этикета (например, снятие перчатки при рукопожатии и головного убора при входе в здание) также прежде имели другое значение; развитие образов от рисунков к схемам и картам и далее к диаграммам, предполагающим высокий уровень развития абстрактности мышления, см. также примеры (Мечковская 2004: 289—391).

Интересно, что в ходе эволюции человека немотивированные природные знаки приобретают мотивированность, а затем ее утрачивают. Символы, как правило, имитируют сигналы (например, звук фанфар становится символом победы и в этом качестве используется в музыкальных произведениях).

Постоянное увеличение числа используемых в речи немотивированных знаков (заимствованных, утративших мотивированность), по всей вероятности, отражает развитие возможностей человеческой памяти — увеличение объема запоминаемой информации (возможно, как следствие принудительных тренировок памяти в связи с постоянным увеличением объема знаний в обязательном образовании).

4. Варьирование как формы, так и значения знаков на ранних этапах появления и вхождения в знаковую систему. В качестве примеров можно привести историю развития гербов; историю развития алфавитов, где каждый символ имел на ранних стадиях по несколько модификаций; историю развития слов — в Оксфордском словаре английского языка практически у каждого достаточно древнего слова дается 5—6, а то и несколько десятков исторических вариантов написания, много вариантов написания русских слов содержится в Словаре русского языка XI—XVII веков; обычно заимствуемые иноязычные слова при вхождении в другой язык имеют несколько вариантов (еще в середине XIX в. почти одинаково употреблялись формы *кофей* — *кофий* — *кофа* — *кофь* — *кофе*);

5. Тенденция к перенесению систем знаков. Так, охотничьи рога и пионерские горны имитируют систему сигналов военных труб, система мебели для сидения и организация мест в зрительном зале отражают более ранние различия, связанные с утверждением и манифестацией социального статуса. Искусственные знаки, носящие вторичный характер, имитируют природные

знаки: стрела в разметке автодороги имитирует тропинку, красный цвет во многих сигнальных системах отражает цвет пожара — наиболее распространенного в ранние времена стихийного бедствия, тогда как зеленый цвет — цвет зелени, символ спокойного состояния.

Говоря об общих тенденциях развития знаковых систем нельзя не упомянуть тенденций, отмеченных Н.Б. Мечковской в ее фундаментальном труде о семиотике.

Семиотическое пространство (семиосфера) расширяется и уплотняется, особенно интенсивно растет число искусственных левополушарных знаковых систем (основанных на абстрактно-логическом мышлении). Возрастает роль визуальной информации, в первую очередь, визуально-кодовой, в то время как удельный вес наглядно-образных знаков и семиотик уменьшается. В коммуникации людей уменьшается роль знаков с первичной мотивированностью. Постепенно уменьшается значимость интонации, жестов, мимики; в повседневном общении устная речь становится более экспрессивной, концентрированной и эгоцентрической, но менее образной. В искусствах, рекламе, массовой коммуникации и искусственно созданных сложных знаках их абстрактно-кодовые компоненты теснят наглядные. Вместо картинок вполне успешно используются имена и символы (названия, торговые знаки, фирменные марки, логотипы, бренды и т.п.).

В истории большинства культурных семиотик наблюдается расширение состава метасемиотических средств; в сфере искусственных семиотик это связано с важностью контроля и обеспечения надежности в передаче сообщений.

На фоне расширения объема и функций левополушарной информации, наиболее доступные семиотики, прежде всего язык и речевое общение, а также средства массовой коммуникации и образования субъективно (в глазах людей) утрачивают свою ценность.

Художественные семиотики (искусства) выступают как основной «противовес» расширяющимся пространствам искусственных рациональных семиотик. Искусства все резче противопоставляют себя наукам и технологиям. Искусства все менее

информативны, зато все более субъективны, свободны в самовыражении художников, отображении любых объектов и разработке любых тем; в искусствах все более активную роль играет авторское начало. Искусства быстрее обновляют свои художественные языки и стили, а их произведения становятся менее предсказуемыми. На протяжении последнего тысячелетия наблюдается ускоренная эволюция культурных семиотик (прежде всего в развитии стилей, направлений и жанров в истории искусств).

Появляются все новые семиотики, в которых объединяются возможности разных других знаковых систем (объединение кукольного и актерского театра; игрового и документального кино; театра и кинематографа; разные варианты анимационного кино, которые становятся особенно разнообразными благодаря компьютерным технологиям).

В современном мире наблюдается тенденция к интернационализации большинства семиотик, в том числе искусств и естественных языков (Мечковская 2004: 396—397).

Изучение формы, содержания, эволюции и современных особенностей функционирования отдельных знаков и знаковых систем позволяет сделать выводы, важные не только для собственно семиотики, но и для смежных областей знания, например, об особенностях человеческого мышления. В частности, исследование характера связи между знаком и соответствующим объектом (денотатом) неизбежно приводит к выводу о том, что человеческое мышление:

а) носит ассоциативный характер;

б) предполагает наличие всего двух основных типов ассоциаций — ассоциации, основанной на **смежности представлений**, и ассоциации, основанной на **аналогии представлений** (отношение антонимии имеет все основания рассматриваться как частный случай аналогии, поскольку для противопоставления необходимо подобие или идентичность всех характеристик противопоставляемых денотатов, кроме одной или двух, по которым проводится противопоставление);

в) при этом более древним и до сих пор ведущим является ассоциирование по смежности, так как установление аналогии

предполагает наличие предварительной, неидентифицированной ассоциации, а именно такой и является ассоциация по смежности, включающая в широком смысле все виды связи между знаком и денотатом. Эта проблема выходит за рамки языкознания и находит свое решение только в семиотике, так как на ранних ступенях развития мышления использовались системы знаковой коммуникации менее сложной структуры, чем современный язык.

Есть основания предполагать, что значительное преобладание **признаков** как типов знаков, несущих фактографическую информацию, над **образами**, основанными на аналогии, отражает тот факт, что ассоциативное мышление, основанное на ассоциации по смежности, является не только наиболее древним типом мышления, но преобладающим и в настоящее время.

* * *

Сегодня семиотика продолжает развиваться не только интенсивно (развитие и уточнение основных положений общей семиотики), но и экстенсивно (использование семиотических принципов и подходов в различных областях научной и практической деятельности, выделение и развитие разделов семиотики в самостоятельные научные дисциплины). Применение семиотического подхода дает возможность рассматривать многие явления разносторонне, многоаспектно.

Литература

- Berger A.A. (1984) *Signs in Contemporary Culture. An Introduction to Semiotics.* — N.Y.; L.: Longman.
- Bursill-Hall G.L. (1971) *Speculative Grammars of the Middle Ages: The Doctrine of the partes orationis of the Modistae* in: *Approaches to Semantics*, 11, The Hague: Mouton.
- Chandler Daniel. *Semiotics for beginners* // <http://www.aber.ac.uk/media/Documents/S4B/sem09.html>
- Deely J. (1982) *Introducing Semiotics.* — Bloomington.
- Ding Ersu. *The Sign-Character of Language* // <http://www.chass.utoronto.ca/epc/srb/cyber/din5.html>
- Doliwa Katarzyna. *William of Ockham and Thomas Hobbes — on the nature of general concepts.* — Bialystok: Białystok University, 2005.
- Encyclopedic Dictionary of Semiotics* / Ed. by E. Haugen. Vol. 1–2. Mouton de Gruyter, 1986–1989.
- Eschbach A. & Trabant J. (eds.) (1983) *History of Semiotics.* — Amsterdam.
- Hockett C.F. (1958). *A course in modern linguistics.* N.Y.
- Johansen Jorgen Dines and Larsen Svend Erik. *Signs in Use. An introduction to semiotics.* — L.; N.Y.: Routledge, 2002.
- Martinus de Dacia (1961), *Modi significandi*, in: *Opera*, ed. H. Roos, *Corpus Philosophorum Danicorum Medii Aevi* 2. — Copenhagen: G. E. C. Gad.
- Meier-Oeser Stephan «Medieval Semiotics» (*First published in 2003*), in: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2008 Edition)*, Edward N. Zalta (ed.).
- Morris Ch. (1946) *Signs, Language and Behavior* // *Morris Ch. Writings on the General Theory of Signs.* — Mouton, 1971.
- Oxford English Dictionary.* 2nd ed. 1994.
- Peirce Ch.S.S. (1867) *Elements of Logic* // *Collected Papers of Charles Sanders Peirce.* Vol. II.

- Peirce Ch.S.S. (1885) On the Algebra of Logic: A Contribution to the Philosophy of Notation // Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 2.
- Peirce Ch.S.S. (1897) Elements of Logic // Collected Papers of Charles Sanders Peirce.
- Peirce Ch.S.S. (1904) Letters to Lady Welby. On Signs and Categories // Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. VII.
- Peirce Ch.S.S. (1908) On the Classification of Signs // Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 2.
- Peirce Ch.S.S. (1894) *What Is a Sign?* // <http://www.iupui.edu/%7Epeirce/web/ep/ep2/ep2book/ch02/ep2ch2.htm>
- Pinborg Jan: 1967, *Die Entwicklung der Sprachtheorie im Mittelalter*, Beiträge zur Geschichte der Philosophie und Theologie im Mittelalter XLII.2. — Münster: Aschendorff.
- Roos H., (ed.) *Opera*, Corpus Philosophorum Danicorum Medii Aevi 2. — Copenhagen: G. E. C. Gad.
- Ryder Martin. Semiotics: Language and Culture. In: *Encyclopedia of Science, Technology, and Ethics*. Copyright © 2001–2006 by Macmillan Reference USA, an imprint of the Gale Group.
- Sebeok Th.A. Current Trends in Linguistics. — The Hague: Mouton, 1963.
- Sebeok Th.A. Perspectives in Zoosemiotics. — The Hague: Mouton, 1972.
- Sebeok Th.A. How Animals Communicate. — Bloomington: Indiana UP, 1977.
- Underwood Mick. Semiotics — Saussure. // www.cultsock.ndirect.co.uk/MUHome/cshtml/semiomean/semi
- Аврелий Августин. О христианском учении. Книга вторая // Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. Т. 1. — СПб.: Амфора, 2007. С. 42–62.
- Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1978.
- Арутюнова Н.Д. (1970) Специфика языкового знака в связи с закономерностями развития языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Знаковая природа языка. — М.: Наука, 1970. С. 169–195.

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989.
- Барт Р. Элементы семиологии // Структурализм: «за» и «против». — М.: Прогресс, 1975.
- Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
- Басин Е.Я. Искусство и коммуникация: очерки из истории философско-эстетической мысли. — М.: Московский общественный научный фонд; Издательский центр научных и учебных программ, 1999. — (Серия «Учебная литература». Вып. 6).
- Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. — М., 1971.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
- Березин Ф.М. История лингвистических учений. — М., 1975.
- Бирюков Б.В. О взглядах Г. Фреге на роль знаков и исчисления в познании // Логическая структура научного знания. — М., 1965. С. 91—108.
- Бирюков Б.В. Теория смысла Готлоба Фреге // Применение логики в науке и технике. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 502—555.
- Боэций Аниций Манлий Торкват Северин. Комментарий к «Категориям» Аристотеля // Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. Т. 1. — СПб.: Амфора, 2007. С. 69—96.
- Булыгина Т.В. Язык в сопоставлении со знаковыми системами иных типов // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Знаковая природа языка. — М.: Наука, 1970. С. 139—169.
- Бюлер К. Теория языка // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. — М., 1965.
- Вдовина Г.В. Язык неочевидного. Учения о знаках в схоластике XVII в. — М.: ИФТИ, 2009.
- Веселов П.В. Структура термина в аспекте семиотики // Место терминологии в системе современных наук. — М., 1970.
- Веселов П.В., Чирухина О.Н. Структура термина в аспекте семиотики // Терминологические проблемы в области документоведения и архивоведения. — М., 1973.

- Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. — М., 1968.
- Виноградов В.А. Знак языковой // Энциклопедия «Русский язык». — М., 1997. С. 138—139.
- Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. — М., 1964. Т. 1.
- Головин Б.Н. Знаковая природа языка // Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. Общее языкознание. — М., 1979. С. 111—120.
- Горный Е. Что такое семиотика. — Таллин: Радуга, 1996. С. 168—175.
- Гринев С.В. Опыт анализа терминов при индексировании информационных материалов по строительству // Организация и методы работы органов НТИ в строительстве. — М., 1975. Вып. 4. С. 13—18.
- Гринев С.В. Основы семиотики. 2-е изд. — М.: Сигнал, 2003.
- Гринев С.В. Параметрический метод оценки терминологий // Научно-техническая терминология. — 1988. — Вып. 3. С. 5—9.
- Гринев С.В. Введение в терминоведение. — М.: Изд-во МГУ, 1993.
- Гринев С.В. К уточнению некоторых основных понятий семиотики // Филологические науки. — 1997. — Вып. 2. С. 67—76.
- Гринев С.В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения: учеб. пособие. — М., 1998.
- Гринев С.В. Введение в лингвистику текста. 2-е изд., доп. — М., 1999.
- Гринев С.В., Лейчик В.М., Налепин В.Л. Терминология терминоведения: систематизированный словник терминов. — М., 1987.
- Гринев С.В., Сергеев Ю.П. Методические рекомендации по проведению НИР в области упорядочения медицинской терминологии (основные принципы и рекомендуемая тематика). — М.: АМН СССР, 1987.
- Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2008.
- Губанов Н.И. О специфике знака // Философские науки. — 1981. — № 4.
- Дойл Джон П. Коимбрские схоластики о семиотическом характере зеркальных отражений // Verbum. Вып. 5. Образы культуры и стили мышления: иберийский опыт. — СПб., 2001. С. 93—109.

- Зенкин С.Н. Ролан Барт и семиологический проект // Р. Барт. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 5—28.
- Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. — М., 1968.
- Карри Г. Некоторые логические аспекты грамматической литературы // Новое в лингвистике. — М., 1961.
- Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. — М., 1977.
- Кашкин В.Б. Лекция 5. Семиотика коммуникации // Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. — Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000.
- Клаус Г. Сила слова. — М., 1967.
- Клубков П. Л.Г. Якоб и его «Начертание всеобщей грамматики» // Материалы республиканской научно-теоретической конференции молодых ученых и специалистов, посвященной 60-летию образования Таджикской ССР и Компартии Таджикистана (общественные науки). — Душанбе, 1985. С. 206—207.
- Кнабе Г.С. Воображение знака. — М.: РГГУ, 1993.
- Кнабе Г.С. Семиотика культуры. — М.: РГГУ, 2005.
- Кодухов В.И. Общее языкознание. — М., 1974.
- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. — М., 1976.
- Коршунов А.М., Мантатов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. — М., 1974.
- Лега В.П. Философия нового времени. Томас Гоббс. Джон Локк // В.П. Лега. Лекции по истории западной философии. — М., 2003.
- Лейчик В.М. Предмет и место науки терминологии // Актуальные проблемы лексикологии. — Новосибирск, 1971. С. 3—5.
- Лейчик В.М., Смирнов И.П., Сулова И.М. Терминология информатики (теоретические и практические вопросы) // Итоги науки и техники. Серия «Информатика». — М., 1977.
- Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. — М., 1960.

- Лосев А. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. — М.: Искусство, 1995.
- Лотман Ю.М. О семиосфере // Ю.М. Лотман. Избр. статьи: в 3 т. — Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллинн, 1992.
- Лотман Ю.М. Семиотика и сегодняшний мир // Ю.М. Лотман. Воспитание души. — СПб., 2003. С. 98—101.
- Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. — Таллинн: Ээсти Раамат, 1973.
- Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Ю.М. Лотман. Избр. статьи. Т. 1. — Таллинн, 1992. С. 129—132.
- Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. — М., 1999.
- Мапельман В.М., Пенькова Е.М. Философия Нового времени: XVII век // История философии: учеб. пособие для вузов. — М., 1997. С. 162—163.
- Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.
- Маслов Ю.С. Введение в языковедение. — М., 1987.
- Махлина С.Т. Семиотика культуры и искусства: словарь-справочник. Опыт энциклопедического словаря: в 2 кн. 2-е изд., расш. и испр. — СПб.: Композитор СПб., 2003.
- Махлина С.Т. Семиотика культуры повседневности. — СПб.: Алетейя, 2009.
- Мельвиль Ю.К. Чарльз Пирс. — М., 1968.
- Мечковская Н.Б. Семиотика. Онлайн Энциклопедия «Кругосвет», 2001—2009.
- Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. — М.: Академия, 2004.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. — М., 1983. С. 37—89.
- Мукаржовский Я. Искусство как семиологический факт // Я. Мукаржовский. Исследования по эстетике и теории искусства. — М.: Искусство, 1994. С. 190—198.

- Овчинникова Е.А., Чумакова Т.В. Проблемы взаимодействия России и Запада в области просвещения (XV—XIX вв.) // Русская и европейская философия: пути схождения. – СПб., 2002.
- Перельмутер И.А. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. – М., 1991. С. 7–66.
- Петров А. В. Рабочая программа учебного курса «Семиотика информации». 22.02.2003 15:06 | www.humanities.edu.ru/db/msg/8451
- Плотников Б.А. Семиотика текста. Параграфемика. – Минск, 1992.
- Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев, 1993.
- Почепцов Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 года: учеб.-справ. пособие. – М.: Лабиринт, 1998.
- Рождественский Ю.В. (1971) Семиотика и лингвистика // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». Т. 1. – М., 1971. С. 12–17.
- Рождественский Ю.В., Блинов А.В. Введение в языкознание. – М.: Академия, 2005.
- Седов А.Е. История биосемиотики в России // biosemiotica.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=48&..
- Седов А.Е. О семиотических корнях биосемиотики // biosemiotica.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=48&..
- Седов А.Е. О становлении биосемиотики как таковой biosemiotica.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=48&..
- Седов А.Е. Что такое биосемиотика? // biosemiotica.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=48&..
- Семиотика / сост., вст. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983.
- Симкин Г.Н. Современные проблемы зоосемиотики // Групповое поведение животных: доклады участников II Всесоюзной конференции по поведению животных. – М.: Наука, 1976. С. 334–338.
- Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. – М., 1985.
- Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2002 г.

- Соколов Е.И., Полосова Т.А. Симптом. Синдром // Малая медицинская энциклопедия. Т. 5. — М.: Медицина, 1996.
- Соломоник А. Семиотика и лингвистика. — М.: Молодая гвардия, 1995.
- Соломоник А. Семиотика общая и семиотики частные // www.gerjev.ru/articles/Semiotics_Special.htm
- Сорокина Э.А. Краткая история лингвистики. — М., 2003.
- Сорокина Э.А. Матричный подход в лингвистическом исследовании // Терминоведение и преподавание иностранных языков. — М., 1999. С. 64.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — М., 1977.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина // Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / пер. с франц. С.В. Чистяковой; под общ. ред. М.Э. Рут. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- Степанов Ю.С. Семиотика. — М., 1971.
- Степанов Ю.С. (ред.) Семиотика. — М., 1983.
- Субботин Ю.К.(1982) Методологические вопросы медицинской семиотики. — М.: Медицина, 1982.
- Урманов С.И. Семиотика. Искусство как язык: учеб. пособие. — Рязань: Изд-во ГГПУ, 1998.
- Усманова А.Р. Семиотика // Новейший философский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. — Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. С. 895—896.
- Усманова А.Р. Семиозис // История философии: энциклопедия. — Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2002.
- Уфимцева А.А. Понятие языкового языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Знаковая природа языка. — М.: Наука, 1970. — С. 95—138.
- Уфимцева А.А. Знаковые теории языка // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. С. 167—169.

- Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. Серия «Лингвистическое наследие XX века». 2-е изд. — 2004.
- Философский словарь. — М., 1986.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М.: Прогресс, 1977.
- Фурс В.В. Основы семиологии. Програма. Лекции. Задания. Литература // www.ffsn.bsu.by/infocom/furs/semiotics/literature.html
- Хрестоматия по истории русского языкознания / сост. Ф.М. Березин; под ред. Ф.П. Филина. — М.: Высшая школа, 1973.
- Хроленко А.Т. Знаковость как основа коммуникации // А.Т. Хроленко. Общее языкознание: курс лекций. — Курск, 1999. С. 35—42.
- Хроленко А.Т., Бондалетов, В.Д. Знаковость // Теория языка: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2004. С. 173—180.
- Черри К. Человек и информация. — М., 1972.
- Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). — М.: Гардарики, 2005.
- Шейкин А.Г. Знак. Знаковая система // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. и сост. С.Я. Левит. — СПб.: Университетская книга, 1998.
- Щедровицкий Г.П. О методе семиотического исследования знаковых систем. Ст. 1. Задачи семиотики // Семиотика и восточные языки. — М., 1967. С. 19—46.
- Якобсон Р. // Семиотика. — М., 1983. С. 102.

Учебное издание

**Гринев-Гриневи́ч Сергей Викторович,
Сорокина Эльви́ра Анато́льевна**

ОСНОВЫ СЕМИОТИКИ

Учебное пособие

Подписано в печать 05.03.2012. Формат 60×88/16. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 15,7. Уч.-изд. л. 12,1.

Тираж 1000 экз. Изд. № 2459. Заказ

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: 334-82-65; тел. 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва, В-485,

ул. Профсоюзная, д. 90